

Лев Горфункель

*Война, любовь
и психология*

книга о моем отце

Москва
2012

Лев Горфункель.
Война, любовь и психология. – М.:
Л. Горфункель, 2012. – 272 с.

Эта книга написана исключительно благодаря моей маме – Анне Михайловне Горфункель. Она сохранила и перебрала множество документов и писем, написала много воспоминаний и, главное, вдохновила меня – своим примером (она написала замечательную книгу о своей сестре), своим доверием и, конечно, своей любовью к отцу. Если бы не мама – я вообще вряд ли бы начал эту книгу. И никогда бы не узнал, насколько это занятие может быть интересным и эмоционально содержательным. Я многое понял о жизни своего отца, и мне многое стало понятно о самом себе. А главное – пока я писал эту книгу, я совершенно отчетливо почувствовал ту тональность, в которой надо строить отношения со своими детьми, чтобы сохранить их способность быть счастливыми. Так что маме – огромное спасибо.

Мне помогли многие люди, поделившиеся своими воспоминаниями о моем отце – все они упомянуты в книге, и я всем им очень благодарен. Отдельно хочу сказать спасибо моей жене Ирине и моему старшему сыну Максиму - за полезные советы и проявленное внимание.

ВОЙНА, ЛЮБОВЬ И ПСИХОЛОГИЯ

книга о моем отце

Зменя плохая память. Просто ужасная. Она помнит множество вещей, запоминать которые совершенно ни к чему, и при этом не может воспроизвести мне меня самого (не говоря уже о других людях) в сколь-нибудь последовательном промежутке времени. Недавно у нас была встреча одноклассников. Все вспоминали какие-то события, происшествия, рассказывали, кто каким был в школе. Я ничего не помню. Так, какие-то отрывочные события, какие-то картинки – не более. И так лет до 30. Примерно с этого возраста, мне кажется, я помню себя более-менее отчетливо, и то, как показывает практика, это мне только кажется. Мама говорит, что это такой вид памяти, и что с возрастом я буду вспоминать все больше и больше. Возможно. Но она это мне говорила, когда мне было 30, сейчас мне уже за 50, а до сих пор ничего не изменилось, если не считать еще нескольких забытых лет.

Мой отец умер 29 лет назад, мне было 23. Он умер от инфаркта, ночью, в своей комнате. У него был рак легких, и это уже был приговор, но сердце не выдержало раньше. Я помню мамин стон, когда она утром нашла его, лежащего в своей комнате на полу. Помню, как вызывал «Скорую», чтобы как-то помогли маме, и даже не мог сказать слово «умер». Помню, как потом я пошел в университет,

где отец работал, чтобы сообщить преподавателям его кафедры. Помню, что вызвал Сергея Леонидовича, и в коридоре сказал ему, и он пошел сказать всем, и через минуту уже выбежала их лаборантка Ольга – она была вся в слезах. И потом я помню – все плакали. Все эти дни, когда были приготовления к похоронам, прощание, похороны... Очень много людей, и все плакали... А я почему-то нет. Я помню, что я не плакал. Не знаю почему. Сейчас я, совершенно взрослый мужик, по прошествии стольких лет набираю эти строки и натурально реву – слезы как будто накопились с тех пор.

Отца своего я помню так же, как и себя самого – отрывками, картинками... Почему-то запомнилось, что когда мы брались делать что-то вместе – ну, например, какой-нибудь шкафчик на кухне или верстак на нашем садовом участке – дело заканчивалось ссорой. Это, наверное, было соперничество за «кто прав», возможно, в молодости это кажется принципиальным. Сейчас-то я понимаю, какая это глупость вообще, а уж в отношении близких – тем более. А тогда, видимо, это казалось таким важным... Причем я не помню самих событий этих ссор, у меня просто остались воспоминания, что они были. Впрочем, один случай помню. Мы с отцом собирались сделать что-то типа серванта, и предусматривалось стекло, которое должно было скользить в пазах, как тогда это делалось. Стекло было решено купить на рынке и там же попросить отрезать по

размеру. А вот как сделать кромки стекла гладкими, не царапающимися? И тут отец говорит, что надо купить серную кислоту и ей обработать края стекла. На мой вопрос он пояснил, что серная кислота растворит поверхность стекла и загладит шероховатости. Я попробовал себе это представить и сказал, что это вряд ли. Отец продолжал меня убеждать, что это так, что серная кислота «очень сильная». Вскоре мы перешли на повышенные тона. И тут я достал козырного туза, сообщив папе тоном человека, уставшего от глупого спора по пустякам, и вынужденного объяснять очевидные вещи, что если бы серная кислота разъедала стекло, то ее не наливали бы в стеклянную тару. Противник был повергнут наповал... Наверное, в моей жизни были и еще какие-нибудь такие же ничемные победы – не помню. Но эту помню точно. И до сих пор жалею об этом...

Но это редкий случай из нашей жизни, который я помню. В основном, не помню ничего. И, странное, дело, несмотря на это, я почему-то уверен, что запросто могу ответить на вопрос – каким был мой отец. Он был сильный, он был строгий, умный, веселый, жизнерадостный, у него было отличное чувство юмора и огромная сила воли. Он был смелый – не боялся ничего и никого. Вообще он был таким, что все, кто имел хоть какое-то к нему отношение, гордились этим. Он любил людей. Всегда был внимателен к ним, и особенно – к слабым. Потому что им нужна

помощь. И еще – он уважал себя. И поэтому ему никогда не надо было скрывать – какой он есть, никогда не надо было казаться каким-то другим, он всегда был собой. И он по-настоящему любил жизнь. А как было ему ее не любить, когда он всегда был в полной гармонии с ней и в согласии с самим собой? Вот таким был мой отец. Конечно, такой отзыв о своем папе больше достоин маленького мальчика, чем взрослого человека, способного проанализировать, обдумать, сделать выводы... Но в том-то и дело, что особо анализировать мне нечего – я практически ничего не помню, никаких конкретных событий... А откуда я это знаю – не знаю. Наверное, это какая-то память души. Когда ничего не помнишь, но - знаешь.

Прошло, наверное, года два, а то и три, с того времени, как он умер, когда я понял, что мне его не хватает. Не хватает так, что жизнь стала восприниматься совсем иначе, она просто стала совсем другой. Это было странно – ведь я не помню, чтобы при его жизни я привык бы, например, делиться с ним моими радостями и печалью, идти к нему за советом, просить у него помощи... Потом я понял – просто я стал главой семьи. Это когда ты чувствуешь ответственность за всех, а за тобой никого нет. И это случилось внезапно, и ты к этому не готовился, и не у кого спросить совета. И единственный, кто мог бы тебя понять и посоветовать – тот, кто был на этом месте до тебя, твой отец.

Я стал часто ходить к нему на могилу, один, без всяких поводов. Просто приду, принесу цветы, постою, немного поговорю с ним... Мне и до сих пор – прошло уже 29 лет – его не хватает. И я живу теперь далеко, и редко бываю на его могиле, но все равно иногда разговариваю с ним, просто ни о чем или про какие-то события, как мы сейчас живем, какие у меня планы и какие проблемы...

Не так давно я начал читать письма, которые отец с мамой писали друг другу на протяжении всей своей жизни, и другие документы из нашего семейного архива. Раньше я как-то этим не занимался, не знаю почему. И даже не знаю точно, почему занялся сейчас, наверное, просто время пришло. Узнавая о тех или иных событиях в жизни отца, о том, как он поступал в тех или иных обстоятельствах, что говорил, чувствовал, переживал – я как будто восстанавливал физически картину, которую потерял, но помнил. Я настолько узнавал отца в его поступках и словах, как будто видел все это сам. Я прочитал все, что было, о его жизни, а в основном это была их жизнь с мамой (хотя и до встречи с ней у отца была целая эпоха в жизни – война). Вот это была жизнь! Это настоящий роман о любви, преданности и бесстрашии!

Я с сожалением отмечаю, что я не знаю среди своих знакомых моего поколения – включая и меня тоже! – людей, о жизни которых можно сказать такие слова. И мне уже кажется, что мы

чего-то лишились, что сегодняшние наши жизни – хоть они и с сотовыми телефонами, компьютерами, машинами и прочими достижениями технократического развития – жалкая пластиковая модель по сравнению с жизнями наших родителей. Ну, может, не всех, но моих – точно.

Смерть отца была для мамы не просто страшным ударом. Я думаю, она восприняла это как конец ее самой. Ведь отец был не просто ее мужем, он был центром ее жизни и одновременно – ее тылом. Быть вместе с ним – это было для мамы и смыслом, и способом жизни. И вдруг всего этого не стало. Тут любой может сломаться. Но только не моя мама. Она-то, конечно, уверена, что вся ее жизненная сила, которая до сих пор удивляет и восхищает всех, кто ее знает, и которая снова поставила ее на ноги и заставила идти дальше – что все это есть результат жизни с отцом. Она, конечно, уверена, что он встретил ее в далеком 45-м маленькой, слабенькой, пугливой девочкой, а за время их совместной жизни сделал ее сильной, стойкой, способной к сопротивлению любым вызовам жизни. Наверное, это так. Но, я думаю, не совсем так. Я думаю, увидев эту маленькую, слабенькую, пугливую девочку, отец – вот что значит быть «психологом от Бога!» – сразу разглядел в ней ее внутреннюю жизненную силу и энергию, о которых сама мама, наверное, и не подозревала. И отец – в течение всех лет их с мамой жизни – плавно, но последовательно

раскрывал ей ее собственную силу, заставляя поверить в нее и учил пользоваться ею на собственном примере. Как будто всю свою жизнь он готовил маму к жизни после него... Они написали друг другу огромное количество писем. Как рассказывала мама, она никогда не сохраняла эти письма, и даже не задумывалась об этом. И только несколько лет назад, продолжая разбирать бумаги отца, она нашла все их письма – больше тысячи. Они все были аккуратно сложены и сохранены. Мама написала много писем отцу после его смерти, она ведет собственные дневники. И недавно я все это прочитал... Она все время обращается к нему... Он никуда не делся, он до сих пор с ней...

Я думаю, жизнь моих родителей – это уникальный случай такого сплава любви и профессионального сотрудничества, да еще дящегося всю жизнь! Они были поистине талантливы – и в любви, и в профессии. Об их профессиональной деятельности уже написано несколько статей, о ней известно многое. Они окончили Ленинградский государственный университет и в качестве профессиональных психологов приехали в Ижевск в начале 50-х годов, по направлению от Министерства – работать в Удмуртском пединституте (сейчас – университет). Они застали науку психологию в самом плачевном состоянии, практически в «нулевом» – профессионально подготовленных специалистов не было, а информация о психологии доносилась в качестве

популярных сведений. Ни о каких научных подходах в изучении, а тем более в применении психологии не было и речи. Даже о применении психологии в педагогике (институт-то – педагогический – готовил учителей!) рассказывалось преимущественно на любительском уровне. Совместная профессиональная деятельность родителей длилась 30 лет, и это целая эпоха и в их жизни, и в развитии психологии в Удмуртии. За это время им удалось не просто сдвинуть изучение и применение психологии с места, а поднять их на совершенно новый – научный – уровень. Чем только они ни занимались, какие только области изучения и применения психологии не затронули! Но это все известно и без меня, и уже несколько раз написано, хотя, конечно, далеко не все. Но и сам-то я о профессиональной деятельности отца знаю из этих же источников и рассказов мамы, так что не мне об этом рассказывать.

Многих людей, знавших отца, работавших с ним или учившихся у него, впечатляла не только психология, не только профессионализм отца в ней, но – и я думаю, даже в большей степени – сама личность отца. А проявлялась она не только в работе. Не в меньшей, а может быть даже в большей степени, она давала себя знать в семье. Как я уже сказал, я практически ничего не помню. И отец никогда не рассказывал мне о себе. Наверное, потому что я не спрашивал. Так

что все, что я узнал теперь – из писем, документов и рассказов - в основном, маминых.

Справедливости ради, надо сказать, что мама была права (какая замечательная фраза – не правда ли? – каждый пришедший, наконец, к этой мысли, может считать себя по-настоящему взрослым человеком), и пока я собирал сведения о жизни отца, я и сам вспомнил несколько ярких эпизодов из своего детства, связанных с отцом, и крайне удивился - не тому, что я их вспомнил, а тому, что забыл... Мне было интересно писать эту книгу, и я подумал, что может быть людям, которые знали отца, будет интересно ее прочитать. А может и тем, которые не знали – тоже.

Детство

Мой отец – Павел Лейбович Горфункель - родился в Ленинграде 27 октября 1923 года.

Его мама – моя бабушка, Ева Фишелевна Флейшман, родилась в большой семье в Молдавии, в маленьком городке или в сельской местности, в деревне. Во время революции и гражданской войны в Молдавии и на Украине прошла волна еврейских погромов. Спасаясь от них, убегали, стараясь спрятаться в высоких колосьях и в кустах, старики, молодёжь, дети – и бабушка в том числе. Бандиты их догоняли и убивали. На глазах у бабушки были убиты её родные – дядя, тетя, двоюродные сестры. Бабушка сумела

укрыться в поле и благодаря этому спаслась. Спаслись также ее родители, брат и сестра. Впоследствии все кроме бабушки эмигрировали в Аргентину - в то время многие уезжали в Южную Америку. А бабушка не поехала - она встретила моего будущего дедушку - тогда молодого красивого моряка Черноморского флота. Бабушка, кстати, была очень красивой девушкой - у нас есть ее фотография в молодости. Моряка звали Лейба Михайлович Горфункель, его знакомые и соседи звали его Лев Михайлович - так было проще. Он родился в многодетной семье, был моряком царского флота и демобилизовался после 1-й мировой войны. Они поженились в Молдавии, уехали жить в Ленинград и поселились там на ул. Плеханова, где у них было 2 комнаты в 5-комнатной квартире, в которой до этого была оранжерея профессора ботаники из Петербургского университета. Работали они в составе артели по изготовлению головных уборов - шили на дому кепки и сдавали их в артель. Больших денег это не приносило, но жили вполне сносно. Лев Михайлович был человеком с твердым, даже жестким характером, и нежностью явно не отличался. Придя с работы, или закончив какую-то работу дома, мог вполне развалиться на диване, и его мало волновало, что жена (моя бабушка) в поте лица занята работой по дому. Бабушке было тяжело от работы и обидно такое невнимание. Но что поделать - время было тяжелое, нравы тоже, да еще и моряк

- вполне можно понять. Мой отец – Павел - был старшим ребенком в семье. Через два года после него родилась его сестра Муся (Мария), а еще через 15 лет – его брат Геня (Генрих). Бабушка, вдоволь хлебнувшая «еврейского счастья», настояла впоследствии на том, чтобы отчества детей хотя бы произносились «Львович», а не «Лейбович» - так их все потом и звали, а Мусю она даже сумела записать в документах как «Мария Львовна». И моего отца тоже все сначала знали, как Павла Львовича. Однако, он все равно позднее стал Павлом Лейбовичем, о чем расскажу дальше.

Из рассказов бабушки (не мне – она рассказывала Гене и моей маме, а они – мне) я знаю, что отец мой воспитывался на улице – в том смысле, что основную часть времени проводил с друзьями, он никогда не делился своими проблемами с родителями, ничего не рассказывал о школе, о друзьях, его родители не знали, что ему нравится, как он живет - он как будто жил отдельно и избегал разговоров с ними. Участие его отца в воспитании ограничивалось, в основном, наказаниями в виде порки. Они случались не очень часто, но это был основной способ воспитания и основная форма общения Льва Михайловича со старшим сыном Павлом. Несмотря на это (или благодаря этому) мой отец своего отца уважал, считал правильными чертами его строгость и волю. Отец в детстве никогда не плакал (за исключением грудного возраста). Он

даже не показывал, что ему больно. И научился этому так, что делал это всю жизнь – никогда и никто не видел и не знал, какие боли ему приходилось терпеть практически постоянно, о чем расскажу дальше. И он никогда не извинялся – как бы с него этого не требовали. Он был не просто упорным – он был по-настоящему упертым в этом вопросе. Он настолько «напрактиковался» в этом, что и много лет спустя не мог извиниться, даже если считал нужным, и лишь после долгих лет жизни с мамой он, наконец, немного «растаял» и научился этому. А плакал он лишь дважды – и об этом тоже расскажу позднее. Так что отец с детства воспитал в себе упорство, упрямство – как хотите. И волю. Волю, которая станет для него потом настоящим стержнем, помогающим преодолевать многие трудности, а впоследствии – даже предметом профессионального исследования. Также он с детства привык не делиться с родными своими переживаниями, проблемами, болями – вообще привык быть «одиночкой» и самостоятельно решать свои проблемы и переносить свои невзгоды. В детстве он был очень подвижным и очень непослушным, приносил замечания из школы за плохое поведение. Но он был очень способный, что отмечали все его учителя, его сочинения и контрольные по математике нередко отмечали как лучшие, хотя нередко он получал и «неуды». Однажды он выступал на школьном вечере в присутствии родителей, загримированный под

Пушкина, и читал его стихи, хорошо читал. Его запомнили дети и потом, встречая, говорили: «Вон Пушкин идёт!». Его приняли в школу по классу скрипки: у него оказался абсолютный слух, но учиться он не захотел, а заставить его все равно бы никто не смог. Никаких других сведений о детстве отца не сохранилось. Он закончил школу – и началась война.

Война.

Письма, которые отец писал своей маме во время войны – единственные документальные свидетели его фронтовой жизни – не сохранились. Все, что я знаю о военных годах отца, я знаю от мамы – по ее рассказам и некоторым статьям, а также единичным документам, найденным мной в семейном архиве.

Война застала отца именно так, как это обычно показывают в фильмах о войне – выпускником школы. И именно во время празднования окончания школы (в Петергофе, у фонтанов) – объявление о нападении немцев. Отец вместе с другими одноклассниками сразу поехал в военкомат. Вскоре его отправили на 6-месячные курсы артиллеристов. Ему долго не могли подобрать форму: маленький, худосочный, размер ноги 38, 17 лет... Учили, конечно, максимально ускоренными темпами – а как же иначе, когда враг все ближе. И уже в декабре 1941 отец прибыл на фронт, а дома остались его отец, мать,

младшие сестра и брат. И Лена – его первая школьная любовь. Перед отъездом отца на фронт они решили пожениться сразу после войны...

Отец был назначен сначала командиром взвода, а затем батареи – 4 орудия, 20 бойцов и еще кони – перевозить орудия. Это была 286 стрелковая дивизия Ленинградского фронта, основной задачей которого была защита Ленинграда. Отец всю жизнь гордился потом, что защищал свой родной и любимый город, свою семью, которая осталась там.

Он был самым молодым командиром батареи – 18 лет. Период был самый тяжелый: немцы наступали, голод, холод, болотистая местность вокруг Ленинграда, кони застревают, не могут перетаскивать орудия. А ему надо не просто воевать – командовать людьми, отвечать за них – по крайней мере, перед собой. 18 лет... Не могу себя представить на его месте в 18 лет... Хотя, может, если бы я был на войне... Но я не был.

Кроме всех этих трудностей еще были – и, наверное, самые тяжелые – трудности моральные. Ведь наступление на этом фронте началось только в начале 1944 г. Это значит – больше двух лет в состоянии, когда каждый день очень тяжело, каждый день может стать последним в жизни – и нет никаких проблесков победы. Да еще и сознание того, что в городе голодают, умирают от голода. И это не какие-то абстрактные люди – это твои сограждане, твоя семья. Мама отца (моя бабушка Ева) писала ему на фронт письма, он

тоже писал ей, а также отсылал все деньги, которые получал как офицер (это называлось, кажется, «аттестат»). Конечно, это были совсем маленькие деньги для семьи. Отец папы, мой дедушка, к началу войны уже серьезно болел, и бабушка все свои силы направляла на заботу о нем, на обеспечение его и всей семьи питанием. А еще были сестра отца Муся (15 лет) и брат Геня (4 года) – и все они как-то должны были жить. А отец был на фронте, и только мог посылать им деньги и узнавать о них из писем своей мамы. Сейчас, когда я сам глава большой семьи, я могу представить – да и любой мужик, отвечающий за свою семью, может – насколько это может быть тяжело – знать, что в твоей помощи нуждается твоя семья, а ты должен делать что-то другое, быть где-то в другом месте... А можешь и погибнуть – и кто тогда будет заботиться обо всех?... Наверняка эти мысли были с отцом все время. Но он защищал Родину – что тогда могло быть важнее? Бабушка писала ему письма, и это хотя бы давало ему возможность знать, что все живы, что еще осенью 1941 г. Муся уехала в эвакуацию с техникумом, в котором училась, что папу в эвакуацию не взяли, поскольку он болел, и поэтому она, мама, осталась с папой и с маленьким Геней в осажденном Ленинграде. А потом и письма перестали приходить... И это, наверное, еще тяжелее – полная неизвестность. Но он терпел, терпел вместе со всеми и верил в победу и в счастливую жизнь

после нее. Мне отец о войне практически ничего не рассказывал, по крайней мере, я этого не помню. Но я хорошо помню следы от одного из ранений на его спине – два пулевых отверстия совсем рядом, пуля прошла вскользь, под кожей, по мышцам... Опять как начинаю примерять на себя – ведь это смерть была совсем рядом... Или контузия – рядом с отцом взорвался немецкий снаряд... Вообще, за время войны у отца было четыре ранения. После первых трех он все еще оставался на фронте. В то время отца наградили орденом Красной звезды. Это была редкость – во время отступления мало кого награждали.

Через некоторое время отец получил письмо от своей мамы – нашлась! Поскольку фронтовые письма отца не сохранились, и я могу только, зная о произошедших событиях, предполагать, что бабушка написала отцу, что в конце 1941 – го года она была арестована, и ей присудили 10 лет лагерей. Но самым страшным для бабушки было то, что когда ее арестовали, остались совершенно одни ее муж, который уже не вставал, и маленький Геня. И бабушка совершенно не знала – где они и что с ними. И об этом, наверное, тоже написала. Так что ко всем боевым сложностям у отца добавилась серьезная тревога за родных, особенно, наверное, за Геню – ведь он был совсем маленьким.

Все, что произошло на самом деле, стало известно уже несколько лет спустя. Но это история, о которой стоит рассказать. Так что рассказываю.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ НЕ С ПОЛЯ БОЯ.

Итак, бабушка оставалась в осажденном Ленинграде с мужем и маленьким Геней. Есть было нечего, дедушка болел и умирал от голода – он уже не вставал. Бабушка всеми силами старалась поддержать его и Геню, но еды практически не было, она покупала продукты на деньги, которые присылал отец с фронта, но это были крохи, конечно, хотя он посылал все, что получал как офицер. Чтобы не дать дедушке и Гене умереть от голода, бабушка, во-первых, экономила на себе – она практически ничего не ела, отчего к описываемому моменту находилась в последней степени дистрофии. А еще она продавала оставшиеся от моего отца вещи и покупала продукты. Но поскольку продукты в осажденном Ленинграде были самым дефицитным товаром, то это тоже помогало не много. Но бабушка делала все, что могла. Понимая, что так долго не продержаться, и что когда-нибудь она может просто не вернуться домой, умерев где-нибудь на улице, бабушка собрала два чемодана вещей, передала их соседке и попросила ее, в случае, если с ней, с бабушкой, что-нибудь случится, увезти Геню в эвакуацию к Мусе, а эти собранные вещи постепенно продавать, чтобы кормить Геню в пути. Еще она надела Гене на шею медальон с его данными, а также адресом его сестры Муси в г.Пугачев

Саратовской области, где она была в эвакуации, и старшего брата – моего отца – на фронте. И однажды бабушка действительно не вернулась, но не потому что умерла, - она была арестована «за спекуляцию» - то есть за то, что она меняла вещи на продукты. Ей дали 10 лет лагерей. Уже после войны она подробно рассказала об этом своим детям. Из их воспоминаний: *«Мама говорила, что, если бы она была с папой – он бы не умер. В тюрьме мама подвергалась унижению – еврейка, спекулянтка. Истощённых до предела заключённых вывезли в товарных вагонах на большую землю и выгрузили перед какой-то станцией. Многие вообще не могли двигаться и умирали тут же. Кто посильнее, в том числе и мама, шли в близлежащий лес, там находили клюкву и бруснику...Мама говорила, что её спасла жажда жизни и желание увидеть детей, «не верила, что умру, надеялась!».* Потом всех оставшихся в живых почему-то отпустили. Она добралась туда, где была в эвакуации дочь Муся – в г.Пугачев Саратовской области. И они жили там, не имея никакой возможности узнать о судьбе Гени. На то, что дедушка жив, бабушка, наверное, и не надеялась – он уже находился при смерти, когда бабушка видела его в тот последний день, перед арестом. Бабушка только надеялась, что соседка сделала то, о чем она ее просила – увезла Геню в эвакуацию, и когда-нибудь, может, после войны, они его найдут. Как выяснилось много лет спустя, дедушка действительно скоро

умер - на глазах у маленького Гени, соседка забрала Геню и приготовленные чемоданы, и отправилась с ним в эвакуацию, как имеющая ребенка. Но на какой-то станции она сошла и исчезла, видимо, вместе с чемоданами.

Из показаний Горфункеля Генриха Лейбовича (Геня), переданных в организацию YAD VASHEM, Иерусалим, 24 декабря 1996 г. : *«Хорошо помню, что я стоял перед умирающим отцом, который смотрел на меня и что-то говорил. Кто-то взрослый меня увел, это была жилищка Аня, которую с грудным ребенком вселили в нашу комнату. В то время больной отец и я 4 лет остались одни, т.к. маму арестовали по подозрению в спекуляции. Уходя, она просила жилищку присмотреть за нами. Еще просила, если она не вернется, а папа умрет, чтобы Аня отвезла меня в г.Пугачев Саратовской области к старшей сестре..... Папа вскоре умер. Жиличка, ребенок которой умер еще раньше, собрала вещи и вместе со мной села в направляющийся на юг поезд. Где-то по дороге она сошла одна, а я доехал один, видимо, до Краснодара. Помню, что ехал в вагоне, мне давали хлеб, гладили по голове. Потом меня расчесывали, наклонив голову над бумагой, на которую сыпались маленькие желтые червячки, и мне было интересно наблюдать за их движением по бумаге... Еще помню, что был во дворе или на площади, вокруг много людей с мешками, телеги с лошадьми... Хорошо помню, что долго ехал с двумя женщинами по*

проселочной дороге, кругом были поля... В темноте въехали в какую-то деревню, и меня на руки взяла женщина... Потом другая женщина вела меня за руку по хутору в другой двор...»

Из показаний Слостениной Марии Львовны (Муся), переданных в организацию YAD VASHEM, Иерусалим, 16 ноября 1996 г.: «...Гену отдали в детский дом села Ново-Щербиновка (Краснодарский край), как ребенка, потерявшего родителей. В это время Краснодарский край занимала немецкая армия. Воспитательница этого детского дома Тося решила с младшей сестрой Милой увезти еврейского мальчика от немцев (впоследствии она мне говорила, что еврейских детей немцы сразу отправляли в концлагерь). Тося повезла Гену в Туапсе и всю дорогу учила выговаривать слово «кукуруза», т.к. он в детстве грассировал звук «р». До г.Туапсе они доехать не успели, т.к. немцы перехватили беженцев и приказали всем возвращаться на свое прежнее место. Тося на обратном пути отдала Геночку какой-то старушке, т.к. боялась, что в Ново-Щербиновке за ним придут из полиции, которая могла узнать имена детей, зарегистрированных в детском доме. Так оно и случилось. К моменту ее возвращения уже были составлены списки лиц, подлежащих аресту. К Тосе трижды приходили «за жиденком», но она заверила полицеев, что он по дороге умер. О том, что мой младший брат находится в детском доме села Ново-Щербиновка, я узнала из

телеграммы этой воспитательницы Тоси. Адрес она нашла в медальоне, повешенном мамой на шею ребенка, в котором была записка с моим пугачевским адресом и адресом старшего брата Павла Лейбовича Горфункеля, находившегося на фронте. Но поехать за Геной по указанному адресу я уже не могла, т.к. Краснодарский край уже частично был оккупирован немецкой армией...»

Так и остался Геня в оккупированном немцами Краснодарском крае. Старушка, которой воспитательница Тося передала Геню, увезла его в свой хутор, где он в конце концов был взят к себе одной женщиной, Верой Максимовной Бурячок. Она была одинокой доброй женщиной, приютила Геню как родного, и делала все, чтобы уберечь его от немцев, понимая, что если они найдут этого еврейского мальчика, то сразу убьют его. Поэтому она составила ему «легенду» и заставляла ее заучить. *«Главное воспоминание – о том, как учили меня правильно отвечать, если чужие люди будут спрашивать. Она мне говорила: «Если спросят «Где твой батька?», говори «Батьки нету», а спросят «Кто твоя мамка?», говори «Моя мамка Вера», а спросят «Как твоя фамилия?» - говори «Бурячок», а про мамку в Ленинграде молчи, и про Ленинград молчи, а то дядька заберет». Помню, что уроки были не зря: я действительно отвечал какому-то мужчине, что батьки нет, а мамку зовут Вера. Но все-таки на меня не надеялись, и уводили к соседям, когда*

надо было спрятать от посторонних глаз. Я помню, что ночевал в других хатах, спал на лавке или на печи...»

Так Геню берегли всем хутором до 1943 года, когда пришли наши войска. Вера Максимовна была очень одинокой женщиной: *«раньше у них была большая, дружная, работающая семья, много братьев и сестер, нужды не знали. Но в 30-е годы их семью раскулачили, отняли дом и все имущество, отца, мать, братьев и сестер выслали за Урал. Она одна из всей семьи осталась на Кубани с мужем, который не то бросил ее, не то умер... Больше семьи у Веры Максимовны не было».* Конечно, она привязалась к Гене, полюбила его как родного, и когда пришли наши войска – усыновила его.

Из показаний Слостениной Марии Львовны (Муся): *«Лишь в 1943 году, когда эта территория была освобождена от немцев, мама решила послать меня на поиски младшего брата. В то время проехать через всю страну без пропуска было невозможно. Поэтому я написала письмо товарищу Сталину о том, что мой младший брат потерян, а от старшего нет писем с фронта, и просила помочь нам с мамой в розыске младшего брата».*

Честно говоря, когда я читал эти документы из нашего архива, это обращение к Сталину выглядело в моих глазах таким наивным – с учетом количества таких обращений, которое в то

время наверняка было огромным. Поэтому продолжение меня просто поразило:

«Буквально через десять дней я получила ответ за подписью Лурье (?), в котором говорилось, что мне выдадут пропуск для бесплатного проезда по Краснодарскому краю и предписание местным властям оказывать мне содействие».

Объездив множество сел Краснодарского края, Муся в конце концов нашла брата.

«Я пришла во двор Веры Максимовны утром, но она уже была в поле. Геночка еще спал. На столе был приготовлен целый набор прекрасных продуктов, которых в голодном Пугачеве не видели несколько лет: отварная курица, молоко, сметана, масло, каравай белого - местной выпечки – хлеба. У меня разбежались глаза и слюнки потекли. Мне мама дала в дорогу несколько кусков черного хлеба и несколько луковиц, чтобы менять в пути на продукты. Когда я разбудила братишку, он меня не узнал. Вскоре прибежала с поля Вера Максимовна, которой, пока я шла до ее хаты и расспрашивала людей, уже передали, что приехали забирать ребенка. Она встретила меня очень агрессивно и не хотела отдавать мальчика, ссылаясь на то, что он ко мне не признается. Гена на мои вопросы, знает ли он меня, отвечал на чисто украинском языке: «Ни, наша Муся красна была, во яки косы были, а ты нэ гарна». Но когда я показала ему фотографии родителей и наши со старшим братом, он схватил мамину

фотографию и закричал: «Вези мэна до мамы, до ридной мамы!». Вера Максимовна была очень расстроена и пыталась меня уговорить оставить братишку хотя бы на время: «У вашей мамы уже и так есть двое, а мэна никого нема. Да и голод там у вас в Ленинграде, исты нэчего, а у нас все есть. Нехай хлопец поживет у мэна еще, а потом заберете после войны». Она собрала нас в дорогу. Положила в мешок много прекрасных продуктов, по тем временам целое богатство: две жареные курицы, вареные яйца, огурцы, помидоры и два карава белого хлеба. Потом договорилась в колхозе, чтобы дали машину до г.Тимашовска. Она проводила нас до машины и плакала, прощаясь с ребенком».

Вот такая история приключилась с Геней, пока его брат – мой отец – был на фронте. Могу только представить радость отца, когда он получил письмо о том, что Геня нашелся.

Геня, конечно, никогда не забывал Веру Максимовну, которую считает своей второй мамой. Он несколько раз приезжал в тот хутор, много помогал Вере Максимовне по хозяйству, его встречали всегда очень радостно, все рады были видеть его, того маленького еврейского мальчика, которого они спасали в годы войны от фашистов. Когда Гене было около 30 лет, он женился на Инне, и они вместе тоже ездили туда, там им устроили прямо настоящую свадьбу. Вера Максимовна тоже несколько раз приезжала в Ленинград, погостить у Гени с бабушкой, и они

показывали ей город. Также она приезжала, когда у Гени с Инной уже были дети. Умерла Вера Максимовна в 1992 году.

После ее смерти Геня и Муся обратились в Израильскую организацию YAD VASHEM, которая, в том числе, собирает сведения о людях, спасавших евреев в годы войны. Они описали всю эту историю, переписка продолжалась 2 года. В 1999 г. Геня получил письмо из этой организации, что Вере Максимовне присвоено звание «Спаситель мира» (это звание присваивали всем, кто участвовал в спасении евреев во время войны), Геню пригласили в посольство Израиля в Москве (им с Инной даже оплатили все расходы по поездке), там их встретили, повезли в синагогу на Поклонной горе, где было торжество, посвященное этим награждениям – было около 20 награждений. Гене вручили свидетельство о присвоении Вере Максимовне этого звания и медаль, которые до сих пор хранятся у него. Потом выступил «Хор Турецкого» с еврейскими песнями, Геня мне рассказывал, что было очень хорошее, душевное мероприятие.

«По характеру Вера Максимовна была тихая, скромная, незаметная и какая-то спокойная, никогда не раздражалась, не сердилась, не кричала. Добрая и ласковая, она, видимо, очень любила детей, которых не надеялась уже иметь. Потому и взяла меня, беспризорного ребенка... В отношениях с другими была добра и приветлива, неспособна была кого-нибудь обмануть или

обидеть. Сама она не унывала. Не помню, чтобы она была хмурой, мрачной, в плохом настроении. На лице почти всегда была добрая улыбка. Когда рассказывала мне про свою жизнь, никогда не жаловалась на судьбу, никого не осуждала, ни о чем не жалела. Наоборот, говорила, что всем довольна, жизнь у нее хорошая, никто ее не обижает...»

*****

Отец снова стал получать письма от семьи, все были вместе, кроме его отца, о месте захоронения которого так никогда и не узнали. Но была жива его мама, младшая сестра и младший брат, который, наконец, нашелся. Война продолжалась и жизнь продолжалась. И чувство юмора, которое было с отцом всю его жизнь, не покидало его и тогда:

«Добрый день, мама! Получил от тебя сразу 2 письма, а отвечать нечего, т.к. только вчера я отправил тебе письмо. Пока всё без перемен. А это только для Гени (в ноябре 1943г. ему было 6 лет). Ты, Геня, просишь у меня сапоги, галифе и ружьё. Я и выслал бы тебе, так вот беда: не знаю, какой тебе нужен размер – а то пришлю галифе, а оно окажется велико, или получишь сапоги, а они тесны. Насчёт же ружья я тоже сомневаюсь: ты какое просишь – обыкновенное или полуавтоматическое? Я уж тут выбирал-выбирал, а потом решил, что всё это сделаем тогда, когда я приеду. Но если тебе очень

хочется, то напиши – я посмотрю-посмотрю, да и пришлю тебе какой-нибудь станковый пулемёт – подойдёт? Ну, пока до свидания; будь здоров, не кашляй. Передавай привет маме и Мусе...Павлик. (обрат. адрес : Полевая почта «72410-Ф»)»

Наконец долгожданный день наступил – в январе 1944 г. 286 дивизия получила приказ: прорвать рубеж! И они его прорвали! И началось наступление! И освобождение населенных пунктов. И это не просто населенные пункты – это люди! И они их освобождали! Нам не дано испытать такого счастья. Но и таких страшных трудностей...

Возвращаясь после очередного наступления с пехотой, чтобы подтянуть орудия, отец наступил на мину... Ему раздробило стопу. Это, наверное, была ужасная боль... Но впереди была еще ужаснее...

Пока отца доставляли в полевой госпиталь, началась гангрена. Необходимо срочно удалить голень. А в госпитале нет обезболивающих средств. Если ждать пока привезут или ехать туда, где они есть – придется удалять всю ногу. И отец решается на ампутацию без обезболивания... Потом это решение ему воздалось: благодаря тому, что отняли только голень, отец смог впоследствии и на лыжах ходить, и с нами играть и много еще чего, чего не смог бы без ноги. Но ведь он ничего этого не знал тогда, когда решался на это! Опять пытаюсь себя представить... - ни за что бы не смог, мне кажется. Даже представить не могу. А

отец смог – и представить, и решиться, и выдержать. Его решение, выдержка и воля поразили даже выдавших многое врачей. А он даже сознание не потерял. Потом, конечно, это сказало – 1-й инфаркт в 44 года. Сердце-то все помнило... Пройти через тяжелое испытание ради будущего – вот что он умел, и еще не раз в жизни доказал это. Ради будущего – он в него верил.

Так закончилась для него война. Точнее, не война, а его в ней участие... Потом отец не раз с горечью говорил маме (а она уже рассказала мне), что он очень жалел, что не довелось участвовать в последующих сражениях и вместе со своими однополчанами испытать эти радость и гордость победных боев. Он лежал в госпитале (в Красноярске, эвакуационный госпиталь 985 3-е отделение 33 палата), и о дивизии узнавал издали – в январе 1945 г. она вышла к Одеру, а войну закончила в Берлине. Ей присвоили звание краснознаменной и поставили Памятный знак ее воинам.

Впоследствии отец несколько раз ездил на встречи ветеранов дивизии, но никого из своих боевых товарищей не нашел. Уже в последние годы его жизни произошел такой случай: дома раздался телефонный звонок. Мама взяла трубку, и женский голос попросил Павла Львовича. Уже из этого можно было понять, что это звонит кто-то из далекого прошлого, т.к. отчество отца – Лейбович, и только раньше его знали как «Львович». Отец подошел, слушал, но тут у него

начался приступ кашля (в последние годы он все время кашлял), и он не смог продолжить разговор. Тогда трубку взяла мама. Она потом рассказала об этом в статье, посвященной ветеранам ВОВ:

- Женщина (имя я не удержала в памяти, хотя ПЛ – здесь и дальше – сокращение от «Павел Лейбович» - вспомнил её тогда!) сказала, что знала Павла на фронте немного, но он хорошо запомнился ей: вместе добивались в штаб, где она узнала, как его высоко оценивает командование, а на обратном пути он спас её – напоролась на немцев. В конце ВОВ она была тяжело ранена, теперь инвалид – без ног и нет руки, Герой Советского Союза. Сказала, что Павел тоже стал бы Героем, когда началось наступление по освобождению страны: «Он смелый, умный, настоящий ленинградец». Нашла она его адрес после встречи ветеранов 286 стрелковой дивизии (ПЛ уже не ездил, хотя приглашения получал, т.к.ранее убедился, что никого из друзей-однополчан нет в живых и сам болел всё тяжелее)...Сам ПЛ почти не рассказывал о войне, о себе - только о друзьях, восхищался ими...

В госпитале отец пробыл до 1945 г. Там же его постигло еще одно горе: его любимая девушка Лена, с которой он переписывался, будучи на фронте, узнав о его ранении и ампутации, просто перестала ему писать.

Он вернулся в Ленинград в 1945. По пути у него украли всю его военную одежду, а другой у него и

не было. Продукты только по карточкам, так что впереди была голодная жизнь - денег на покупку продуктов не было. Его мама присылала ему периодически посылки с продуктами – масло, мед – но он их не ел. Дело в том, что, вернувшись в Ленинград, отец нашел своего друга по школе, Толю. У того был туберкулез, осложненный голодом, питался Толя, как и большинство жителей, плохо. Чтобы поддержать его, отец отдавал ему все продукты, которые присылала бабушка. Это Толю не спасло – туберкулез тогда был неизлечим – но продлило его жизнь, и наверняка сделало ее чуть светлее, показав, что в ней есть место искренней дружбе, благородству, щедрости... Жить отцу, как выяснилось, тоже было негде: квартира, где они жили до войны, была занята другими людьми, которые отдали отцу только таз с фотографиями... Вот так закончился этот этап: 21 год, инвалид, девушка бросила, жить негде... Было очень тяжело, к тому же семья не могла приехать – бабушке в связи с судимостью был запрещен въезд в Ленинград, от чего страдала вся семья. И отец делает все возможное, чтобы вернуть их в Ленинград:

*Председателю исполкома Ленгорсовета
депутатов
трудящихся
товарищу Попкову
от инвалида
Отечественной войны 2 ой группы*

Горфункель П. Л.

Заявление.

В июле 1941г. я был призван в Красную Армию и сражался на фронтах Отечественной войны до ноября 1944г. За это время я был 4 раза ранен. Четвёртое ранение сделало меня инвалидом, и я в январе 1945г. вернулся в Ленинград, где застал свою квартиру занятой, а вещи – расхищенными. Поэтому жить мне сейчас одному, особенно в условиях, когда я имею только то, в чём я вернулся из армии, очень трудно. Особенно чувствуется отсутствие посторонней помощи и ухода, ожидать которые я ниоткуда не могу, разве что от своей матери, но ей въезд в Ленинград воспрещён.

Дело в том, что за время моего отсутствия, отец мой умер в блокаду, а мать, желая спасти мужа от голодной смерти, начала менять оставшиеся от меня вещи на продукты и в конце концов поплатилась за это. Она была осуждена на 10 лет и отправлена в исправительно-трудовые лагеря. Правда, через 7

месяцев она была освобождена , но въезд в Ленинград ей запрещён.

Прекрасно понимая, что преступление моей матери против нашей Родины и Ленинграда в то тяжкое время очень велико, всё же обращаюсь к Вам с надеждой, что при Вашем содействии въезд в Ленинград моей матери теперь, в дни победы над врагом, будет разрешён.

Подпись. Дата (

март 1945г.)

Через полгода бабушке разрешили вернуться. А за это время отец сумел добиться возвращения их довоенной жилплощади, правда, вернули только «размер» - 2 комнаты не вместе, а в разных районах города. В одной из этих комнат он и стал жить и готовиться к новой жизни. А она, жизнь, его действительно ждала – и какая!

Студенческие годы.

В 1945 году отец поступил в Ленинградский университет на философский факультет, самостоятельно изучив для этого английский язык. Наверное, к этому времени он уже пережил тот факт, что его девушка Лена не дождалась его с фронта, и смирился и свыкся со своей инвалидностью. У него не было ни денег, ни нормальной одежды - ничего. Но его это, наверняка, мало заботило и не могло остановить – он погрузился в учебу полностью и жадно глотал все интересное. Он был человеком очень острого

ума и любознательности, поэтому любые знания, получаемые в ходе учебы, находили свое отражение в сложных выводах, новых вопросах и стремлении их разрешить. За короткое время он обратил на себя внимание ведущих профессоров университета и до конца учебы – да и до конца жизни! – оставался неутомимым исследователем, которому доступно и интересно все, связанное с его профессией. В студенческие годы отец овладел способами быстрого чтения – и глотал буквально все, он читал всю свою жизнь, читал очень быстро и очень много. Из воспоминаний мамы: *«Пл (Павел Лейбович) – человек разносторонне увлекающийся и развивающийся безостановочно. Уже в студенческие годы – не по программе глубокое изучение древней философии, учения Гегеля, «Капитала» Маркса (студенты изучали политэкономия по учебным пособиям, а он – по первоисточникам), зоопсихологии (даже поехал в Сухумской питомник обезьян, проводил эксперименты, сделал научный доклад...), обучал школьников психологии (подрабатывал в школе), искал методы повышения мотивации (это выросло в дипломную работу, а позднее - в диссертацию)».*

Все время отца в те годы было посвящено учебе. Он очень интересовался философией, обожал Гегеля, взгляды которого не очень-то соответствовали коммунистической идеологии, но от этого не становились для отца менее интересными. На него вообще, мне кажется, мало

влияло чье-то мнение, особенно идеологическое, когда у него было свое. А свое мнение у него было по всем вопросам, с которыми он сталкивался. Кроме философии, его увлекла психология. С годами, все глубже погружаясь в ее изучение, он все больше понимал, насколько важным может оказаться исследование в этой области и как много механизмы человеческой психологии определяют в нашей повседневной жизни. Тайна механизмов, определяющих поведение человека, становилась для него все более и более притягательной, и он посвящал изучению всего, что с этим связано, все свое время. Он читал множество книг, посещал лекции, кружки... Кстати, посещал он не только психологические кружки, как потом выяснила мама. В эти послевоенные годы начались репрессии, арестовывали и увозили в неизвестном направлении людей, в преступления которых невозможно было поверить. Происходило что-то непонятное... Несколько бывших фронтовиков организовали кружок, на собраниях которого они обсуждали сложившуюся ситуацию, осуждали ее и искали пути выхода. Отец тоже был членом такого кружка, а это, кроме всего прочего, было связано и с опасностью...

Короче, жизнь была ключом. Но не только в смысле учебы - были и другие события, поджидавшие, так сказать, за углом. На втором курсе отец познакомился с мамой. О том, как она увидела его впервые, она написала сама:

«Учились мы вместе с первого курса, я была из сельской школы, серенькая ... вся была поглощена учёбой (понять бы, усвоить бы), но однажды вдруг увидела того, реферат которого хвалила доцент по древней философии – бледный, худой, очень плохо одетый, на костылях, но лицо... образ из детства (любимый герой из фильма «Человек-невидимка», видела, когда мне было 5-6 лет) . Но всё это лишь промелькнуло. А месяца через два Тося сказала мне, что влюбилась в него».

Тося – мамина подруга детства, с которой они учились в университете вместе. Тогда, конечно, и мама обратила на него внимание – все-таки предмет воздыхания подруги. Вместе они стали пристально наблюдать за ним. И обнаружили в нем:

« - вдумчивость, глубокое, самостоятельное и оригинальное мышление, чёткая логика в изложении, все положения аргументированы (по философии, политэкономии);

- догадливость быстрая, хорошая способность к обобщению, умение изъясняться на иностранных языках и вне занятий, приятное произношение (отметили преподаватели английского и французского языка);

- эрудиция, сила и оригинальность мыслительных процессов, умение выделить суть изучаемого явления, проблемы, человека (патопсихология, психологический практикум, зоопсихология...)

- внимание, способность его длительно сосредотачиваться, записывать мысли лектора высокого уровня (именно его конспекты лекций нашего кумира проф. Б.Г.Ананьева легли в основу создания «Курса лекций...»)

А также мама с Тосей очень жалели его: «постоянно грустен, замкнут, мало разговорчив, стеснителен, внешний вид и одежда - хуже некуда. Но и независим – старался обойтись без помощи, даже сердился, если пытались ему помочь в раздевалке, на лестнице, подать костыли или упавшую его вещь».

Вообще у отца был протез, который он получил вскоре после выписки из госпиталя. Но операция по ампутации была сделана неправильно (в полевых-то условиях!) – и когда отец надевал протез, то вскоре рана начинала сильно болеть и кровоточить. Эти боли продолжались всю жизнь, даже когда появились более хорошие протезы.

Тося продолжать «неровно дышать» к отцу, страдала, делилась с мамой своими переживаниями, прямо не знала, что делать, а мама, как настоящая подруга, поддерживала с ней эти разговоры, старалась ей хоть как-нибудь помочь. Однажды она решила, что надо, так сказать, разрубить неизвестность, и предложила Тосе поговорить с предметом воздыхания и выяснить отношения. Но Тося робела и не могла найти в себе смелости сделать это. Тогда мама - опять же, как настоящая подруга - предложила свою помощь, Тося, конечно, радостно

согласилась. Наивное поколение! Мы-то сейчас, конечно, знаем, чем такие вещи заканчиваются. Я даже помню песню из наших студенческих лет точно с таким же сюжетом, которая заканчивается словами «В любви надо прямо и смело задачи решать самому, и это серьезное дело нельзя доверять никому». Но в те годы этой песни, наверное, еще не было, а, может, Тося не участвовала в художественной самодеятельности. Или, может, даже и самодеятельности еще не было, а может, Тося просто не любила песни. В любом случае, последствия не заставили себя ждать. Я, конечно, не был свидетелем этого разговора, но вполне себе представляю, как мама, ответственно подойдя к делу (а она ко всему всю жизнь подходила ответственно), не иначе приготовила основные мысли, продумала возможные ответы и, может быть, даже написала тезисы беседы. И пошла выяснять судьбу подруги. А в результате выяснила свою. *«Я предложила ей узнать о его отношении (влезла - на горе - со своей помощью!)...Павлик, в ответ, признался, что он любит меня, что удивляется моей недогадливости об этом... Мне хотелось провалиться сквозь землю – что и как я скажу Тосе?!? Но, что делать – мы всегда были правдивы друг с другом. Драматическая ситуация, а тогда она казалась трагической (мы обе ужасно переживали, но «про себя»), через какое-то время ... пришло мудрое смирение: мы*

продолжали общаться, были дружны и заботливы друг о друге (до конца жизни!).

Так начался их роман, который продолжался всю жизнь.

Кстати, отец, как я узнал от мамы, еще до того, как сообщил ей о своей к ней любви, предпринял некоторые действия, чтобы обратить на себя внимание. Одно из них было такое: у Тоси был день рождения и отец подарил ей пластинку с поздравлением. *«Очень трогательное, его бархатный голос на фоне нашего любимого вальса Штрауса из к\ф «Большой вальс» - тогда это было сверх оригинальным. Мы с ней слушали много раз и «млели». Это повлияло ещё на один мой шаг ему навстречу. Еще бы, если живут в одной комнате – конечно, будут слушать вместе, и будут слушать его голос, и какая уже будет разница – кому конкретно был сделан подарок. Молодец мой папа - настоящий завоеватель женского сердца!*

Я всё больше обращала внимание на Павлика, а он часто садился рядом на занятиях, в читальном зале, в столовой, спрашивая не против ли я. Мне приятно было такое отношение (в школе такие «ухаживания» меня возмущали, отталкивали), всё больше мы стали сближаться – уже вдвоём нередко оказывались... И весной первый раз поцеловались!

Это торжественное событие произошло совсем не так, как мы могли бы себе представить – там и тогда, где и когда застал момент.... Все не так

просто. Мама никогда до этого ни с кем не целовалась «по-взрослому» (и отец так и остался ее единственным на всю жизнь), поэтому так спонтанно с ней ничего не могло произойти. Но она уже была готова на такой серьезный шаг, и в ответ на просьбу отца поцеловать ее ответила согласием, но потребовала, чтобы это произошло в таком месте, где можно быть уверенными в отсутствии зрителей. Такое место на примете имелось – рядом с маминым общежитием, у Петропавловской крепости, было совершенно дикий пустырь, только росли трава и деревья (через несколько лет там построили зверинец). Придя на пустырь, мама с отцом увидели, что никого нет, только какие-то колышки и невысокая ограда, которую они легко перешагнули и присели на бугорок. Мама еще раз придирчиво провела рекогносцировку местности – вроде никого, можно начинать. Только начали – вдруг, как из-под земли, прямо рядом появляется вооруженный военный и сообщает, что они находятся в запретной зоне. Пришлось ретироваться, но поцелуй все равно состоялся – ничто уже не могло остановить их быстро разгоравшиеся чувства.

Однако, не все было так просто. У мамы был двоюродный брат, Юра, в которого она была влюблена с детства, и несмотря на то, что не видела его несколько лет, продолжала питать к нему самые теплые чувства, всю войну переписывалась с ним . *«Павлик не раз спрашивал*

о моём отношении к нему, я призналась «в раздвоенности чувств». Так что надо было что-то делать, что-то решать. Посоветовавшись с Тосей (т.е. урок на пользу не пошел!), мама решила поехать к Юре и выяснить свое отношение к нему и с ним. Отец пришел на вокзал проводить ее. «Павлик провожал меня на вокзале сверхзаботливо: принёс роскошные гостинцы – баранки и конфеты (да ещё мои любимые – «Белочка») – это значит, 2 дня он оставался без хлеба и мяса – без сахара: только по талонам можно было купить продукты! Он истратил их на меня».

Встретившись с Юрой, мама поняла, что за прошедшие годы их отношения сформировались как родственно - дружеские – и такими остались на всю жизнь. Как потом рассказывала мама, в ходе встречи с Юрой она поняла и почувствовала, что он «недостаточно взрослый», а ей бы хотелось быть рядом с сильным, самостоятельным человеком. Конечно, желание вполне понятное и естественное. И все же я думаю, оно возникло не на пустом месте, а именно в результате знакомства с отцом, и именно его личность, отвечавшая, конечно же, всем этим требованиям, навела на маму такое обоснованное суждение. Это была очень притягательная и яркая личность, соревноваться с которой было непросто, даже такому давнему возлюбленному, как Юра.

Я, кстати, будучи студентом, поехал как-то на научную конференцию в Ригу и встретился там с

ним и его женой – замечательные, очень интересные и по-настоящему родные люди!

Ну вот, вроде все и разрешилось! Можно возвращаться в Ленинград и строить совместную жизнь! Как бы не так. С Юрой – то мама все решила, но с собой – видимо, еще нет. Иначе чем можно объяснить ее поведение, которое дало отцу понять, что у него никаких шансов. Мама не помнит (и поэтому я не знаю), в чем это поведение выражалось, но результатом его стало вот это письмо отца.

«...И вот вновь сажусь за письмо. Каким наслаждением было это для меня летом – ведь я садился с тобой разговаривать; зато какой безнадежной тоской охватывает меня сейчас – ведь я сажусь прощаться с тобой, моя, всё ещё любимая, всё ещё дорогая. И – какая разница: тогда нас разделяло огромное пространство, и, всё же, мы были очень-очень близко, а теперь мы совсем рядом, но как мы бесконечно далеки! Я не люблю за это диалектику, я ненавижу её настолько же, насколько люблю тебя.

Люблю...казалось бы, что ещё нужно человеку : есть хорошее, сильное чувство, ну, и береги его, храни в своей свеклообразной шкатулочке как сокровище. Ну, а если это сокровище не подчиняется законам Маркса, если оно, вопреки всем его законам, всё равно, и при неразделённой любви, растёт и ширится так, что, кажется, вот-вот лопнет эта шкатулочка, ну, что тогда? Что, если человеку мало любить, если ему ещё

надо и быть любимым, что, если в противном случае любовь, этот источник бесконечного блаженства, в действительности превращается в величайшее несчастье и если, в добавок ко всему, вынужден сдерживать естественные порывы по отношению к человеку, которого так горячо любишь, если каждую минуту находишься в напряжении, боясь выдать себя взглядом, словом, поступком, ну, что делать человеку в таком случае? И в таком кошмаре я нахожусь очень давно : уже дней через десять после своего приезда я заметил в тебе перемену и с тех пор не узнаю тебя ни в одном слове, ни в одном поступке.

Ещё хуже пошло с момента твоего признания. После этого нужно было сразу вычеркнуть всё прошлое, но этого не произошло, и это было большой ошибкой. Меня ввело в заблуждение твоё поведение : мне казалось, да что там казалось – мне просто хотелось, а потому и казалось, что ты ещё не знаешь своего отношения ко мне.

И вот меня бросало от отчаяния к надежде и вновь к отчаянию. Сколько раз я принимался писать тебе прощальное письмо, которое, между прочим, сейчас с небольшим добавлением и переписываю! И не отдавал его только лишь потому, что верил. Чему? - Не знаю. Просто мне нужна твоя чистая, красивая душа, твоя беспокойная натура. Мне казалось, что и тебе со мной тоже было бы хорошо, что ты просто ещё не угадала меня.

Но, видать, это только казалось. Ну как ты не могла ответить на такую сильную любовь? Ведь будь моя любовь обращена на простую деревянную чурбашку, и та запылала бы в ответ, а ты!...Эх, ты...Ну, ничего : «всё к лучшему в этом наилучшем из миров». Только очень тяжело прежние мечты о совместной учёбе, работе, жизни заменять сознанием жестокой необходимости рвать всё дорогое и милое, но уже прошлое, бесполезное. А рвать надо, и я порву.

Сейчас к этому самый удачный момент : ты уезжаешь, и я проведу с тобой последние несколько минут. Нужно только постараться быть спокойным при расставанье, и всё. После этого мы уже не будем с тобой встречаться. Любимая моя девочка: сейчас, в последний мой с тобой разговор, я желаю тебе самой счастливой жизни, самых больших успехов, самого лучшего, о чём ты только мечтаешь.

Конечно, вся эта штука не является для тебя несчастьем, но всё же тебе будет тяжело, что ты доставляешь мне такое горе. Я и не собираюсь это скрывать от тебя – ты всё равно бы не поверила. Но я прошу тебя – не думай об этом в таком уж мрачном свете: у меня в каникулы будет столько дела, что некогда будет отвлекаться какими-нибудь меланхолиями.

И ещё об одном прошу я тебя: давай условимся, что где бы мы ни были и чем бы ни занимались, а каждый год 4-го июня, ну, хотя бы в

9 часов вечера минут на 5 думать друг о друге и о всём том, что между нами было. Мне будет очень приятно сознавать, что я сейчас думаю о том же, о чём думаешь ты. Ну, давай прощаться, дорогой мой друг, а то письмо получилось что-то очень большим.

Крепко-крепко... жму руку

14.1.48. Павел

P.S. Не подумай опять, что прося прочесть письмо не сразу, я хотел облечь всё в какую-то таинственность. Просто, зная, что это тебя опечалит, я не хотел омрачать радость твоей встречи с родными.

P.S. Хочу, чтобы о письме и фотокарточке знала только ты. Уверен, что ты исполнишь это.

Вот и всё, что я хотел сказать.

Всё.....»

Совсем недавно мама нашла это письмо в архиве, и долго мучилась вопросом – может ли она ознакомить с ним родных, как она это делала до сих пор – давала о папе как можно больше информации нам всем, в основном в форме своих воспоминаний:

«Удивляюсь, что ПА не уничтожил это письмо, как уничтожил стихи, сочинённые им для меня!?! Ведь всё это - проявление не только максимума чувств, но и слабости (излишней чувствительности), а последнее он боялся проявлять, тем более, если кто-то заметит её.

Вот и сомневаюсь, могу ли я познакомить родных с ним?!? даже через 63 года?!?»

Мама решила спросить у меня – можно ли? Я таки дожил до этого момента – не я у мамы, а она у меня спрашивает разрешения!

Кстати, о фотокарточке, о которой написано в письме. Отец, прощаясь с мамой, вложил свою фотокарточку. Это фото было сделано давно и предназначалось еще той самой Лене – школьной возлюбленной отца. Фотография была очень красивая, вся в таких коричневых тонах – тогда это было верхом фотографического искусства. И такими же коричневыми фотобуквами написано «Лене от Павла 1941 год». Видимо, сделать новую фотографию для отца было дорого, а может некогда. В общем, он колебался не долго – яркими синими чернилами он пририсовал палочку к букве «Л» в слове «Лене» и в нем же зачеркнул (жирным синим крестиком) букву «е». К цифре 1 пририсовал недостающие части. Получилось «Ане от Павла 1947 год».

А потом у них все наладилось, и об этом мама тоже рассказала: *«через 3 месяца пришла весна – не только в природе, но и в наших отношениях, поэтому в моём студенческом дневнике Он написал :*

«Анка, дорогая, Вся наша жизнь будет весной, а наша любовь – лучшим её цветком! Счастье не в том, чтобы получать его, а в том, чтобы его создавать.»

И мы создадим, мы вырастим наше счастье, благо для этого у нас хорошая почва - наша большая любовь !! 13.4.48. You r "maker of harry. Павел.»

Кстати, мы оба нередко в выражении своих чувств обращались к англ. языку – было не так стыдно их высказывать...»

Вот так счастливо закончился этот сложный период. И только много-много лет спустя, мама узнала о том, как отец переживал ту ее поездку к Юре, понимая, что решается его судьба. Однажды мама, разговаривая с бабушкой Евой (мамой отца), спросила ее, плакал ли он в детстве. И бабушка рассказала ей, что она не помнит, чтобы он плакал в детстве (за исключением младенческого возраста), но помнит, что однажды, будучи студентом, он, ничего не объясняя бабушке, плакал, уткнувшись ей в колени. Бабушка сказала маме, что она тогда поняла, что это из-за нее, из-за мамы. А мама, сопоставив все события, поняла, что это было как раз тогда, когда она ездила выяснять свое отношение к Юре. Нелегко отцу далась эта мамина поездка... Но результат того стоил!

Теперь они с мамой стали «парой» и много времени проводили вместе. Как потом отец признавался маме, «она вдохнула в него новую жизнь, новую энергию».

«Все студенты(и не только однокурсники) замечали, как Павлик изменился, когда мы стали друзьями (2-3 курсы) – блеск в глазах, улыбка, да

ещё такая красивая, разговорчивость, общительность (не сторонился, как раньше), подшучивание над некоторыми юношами-сокурсниками, ухоженный (я советовала и контролировала – рубашка, носки, носовые платки...), пополнел (мы часто вместе обедали, он, ради меня, старался завтракать и ужинать), а на 3 курсе сшили ему новый костюм! И я, и все увидели, какой он красивый!

Для меня (и не только для меня!) он всегда был красивым мужчиной : высокий лоб, густые чёрные брови, красивые губы , крупный нос, густые, слегка волнистые волосы и – главное - карие, с постоянным блеском, пронизательные, притягивающие глаза. Через них шла его сильная, даже гипнотическая, энергетика, завораживающая не только родных. А какая обворожительная улыбка, преображающая его излишне строгое, серьёзное лицо, делая его добрым, мягким, доступным».

Наша студенческая группа запомнилась, как дружная, взаимозаботливая, особенно после 2-го курса, когда мы выделились как будущие психологи (это около 30 человек), другие специализировались по философии, по логике. Группа была сильная (немало выдающихся личностей вышло из неё), «трёхслойная»: участники прошедшей ВОВ, ленинградцы и те, кто приехал из провинции. Последним было трудно, но было, на кого равняться.

Вдохновленный новым этапом, отец, теперь уже вместе с мамой, продолжил учебу, еще более активно погружаясь в науку. В 1947 году он едет в Сухуми, в обезьяний питомник, ставить психологические опыты. Никакие обстоятельства – ни инвалидность, ни разлука с любимой – не могли удержать его от научных исследований. Кроме исследований, отец также проводил в питомнике экскурсии (для заработка). Мама в это время (лето) была у своих родителей в Гжатске.

Из письма отца: *«Ну вот, наконец-то, получил от тебя письмо! Анечка, писать особенно много не буду, т.к. не хочется писать то, что я тебе могу сказать через неделю. Могу тебе только сообщить, что я не могу остаться здесь из-за кое чего, о чём я тебе расскажу. И отъезд мой задерживается только лишь потому, что питомник не имеет сейчас денег. Я не уезжаю, пока они не расплатятся со мной (я должен получить с них 1040руб.). Мой отъезд – вопрос нескольких дней. Так не терпится увидеть тебя: представляю тебя поздоровевшей и пополневшей. Смотри, не худи эти дни. До скорой встречи, друг! Павел».*

«Кое-что», о котором упомянул отец в этом письме, сейчас показалось бы совершенно незначительным эпизодом: он поспорил со случайным посетителем питомника, утверждая, что в Абхазии «все любят деньги и все торгуют», а посетитель утверждал, что «деньги любят все, и не только в Абхазии, но и в Москве тоже и вообще

езде, и тоже все торгуют». Такой, в общем, безобидный, на современный взгляд, разговор... Вскоре отца вызвали в какой-то местный партийный орган, где ему объяснили, что он оказывается «великодержавный шовинист», и стали обещать написать в университет. Судя по тому, как быстро узнали, студентом какого вуза он является, можно легко догадаться, кем был его собеседник в питомнике. Назревал скандал, который запросто мог закончиться отчислением. Мама просила отца принести извинения и стараться как-то загладить все это, но отец извинений приносить не собирался, говоря, что «лучше отчисляются». Неизвестно, как бы сложилась его судьба в случае отчисления. Но мама сдаваться не собиралась, понимая, какое важное место в жизни отца занимает учеба и наука. Она продолжала его уговаривать, плакала и пускала в ход все другие средства воздействия на влюбленного и любимого. И отец сдался, принеся свою принципиальность в жертву любви. Представляю, как нелегко ему это далось.

Секретарю
Абхазского
обкома ВКП(б)

Объяснение.

19 августа 1947г. между мной и одним из экскурсантов, сидевшим перед входом в питомник обезьян, произошёл следующий разговор. Начало разговору, к которому я сначала

не прислушивался, было положено Жилиной и Карима, работницами питомника. Они вели разговор о каких-то деньгах, и кто-то из них сказал, что здесь любят деньги. Экскурсант, сидевший рядом со мной заметил, что именно, я уже не помню, но смысл был тот, что такие слова не правильные. Тогда я сказал этому экскурсанту, что в Абхазии все любят деньги, что здесь все торгуют. Экскурсант мне ответил, что любят деньги не только здесь, а и в Москве и в Ленинграде, и что торгуют не только здесь, что Москва – сплошной базар. Я очень горячо и грубо возразил ему, что Москва – не базар; я сказал ему, что Сухуми – сплошной базар, где каждый торгует. И дальше я добавил, что если и торгуют в Москве, то от бедности, а здесь – из-за богатства, т.к. все имеют свои огороды и сады. На это экскурсант мне возразил, что и москвичи имеют тоже свои огороды. Я ответил ему, что москвичи могут собрать со своих огородов только то, что им самим хватит на зиму. В это время Жилина повела экскурсию в питомник, и экскурсант, с которым мы спорили, направляясь вслед за экскурсией, сказал мне: «Не бойтесь, я никуда не пойду наговаривать на вас». Я ответил ему, что я нисколько не боюсь, т.к. наговаривать на меня не из-за чего. Весь разговор проходил очень горячо, мы часто перебивали один другого, не слушая иногда то, что мы друг другу говорим.

Я, как комсомолец, чрезвычайно жалею об этом глупом разговоре, многие слова которого

были произнесены необдуманно, в горячке спора. Я прошу партийную организацию простить мне эту глупость, которой со мной никогда раньше не было и которой больше не будет.

П. Горфункель. 2.9.47.

Вообще, время было, как мы теперь знаем, не простым.

Из воспоминаний мамы: *«У нас, студентов философского ф-та ЛГУ – будущих идеологов – смятение было чрезвычайным: убеждения получали трещины, мы не могли объяснить происходящее ни людям, ни себе. Лучших наших преподавателей увозил «чёрный ворон», студенты тайно обменивались сомнениями и возмущениями, а наиболее смелые и прошедшие ВОВ объединились в «эстетический кружок, где высказывали критическое отношение к Сталину и ко многому другому в стране».*

Отец тоже ходил в этот «эстетический кружок». Однажды, когда он собирался на очередное его заседание, мама попросила его пойти вместе с ней в «публичку» (библиотека им. Салтыкова-Щедрина), чтобы подготовиться к зачету. Отец все же собирался пойти на заседание кружка, но мама его очень просила, и он согласился – любовь опять выиграла! – и пошел с мамой готовиться к зачету, пропустив заседание кружка. В этот вечер, во время заседания, все члены кружка были арестованы и получили по 10 лет. Многие так и не вернулись, погибли, а те, кто вернулись –

были совершенно больными... Так что если есть выбор – всегда надо выбирать любовь!

Жизнь продолжалась, и дело шло к свадьбе. Отец с мамой были первыми – и, как потом оказалось, единственными – молодоженами в группе. Их обоих очень уважали и радовались за них – все, включая и другие курсы и отделения. На свадьбу им написали стихи, в которых были слова: «чета Горфункель нам являет единство противоположностей». И каждый указывал что-нибудь. Получился довольно внушительный список «Павел – Аня» с перечисленными соответственно качествами (я привожу только часть):

шатен - *блондинка*, лицо удлинённое, угрюмо-серьёзное - *лицо преимущественно светящееся, с улыбкой и ямочками*, худой – *пухленькая*, замедленно-солидная походка и движения - *походка быстрая, торопливая*, черты холерика (скрытые) и флегматика - *сангвиник с чертами меланхолика*, устойчивость, длительная сосредоточенность внимания - *легкая переключаемость, отвлекаемость*, исключительная последовательность и принципиальность, настойчивость в делах и поступках («иду на цель») - *непоследовательность, яркая «женская логика», отступление от цели*, критическое отношение ко всему, требование доказательств - *лёгкая вера, доверчивость*, любит и умеет преодолевать препятствия в жизни,

«борец за справедливость» - стремление обойти их, «непротивление злу насилием»...

С благословением родителей проблем тоже, видимо, не было. Еще бы – отец, прося у них руки дочери, изложил подробный финансовый план, из которого следовало, что они способны обеспечить себя сами, без помощи родителей. Из письма мамы родителям в Гжатск: «Любимые мои! От всей души благодарны вам за такое замечательное письмо и такие законные требования, которые мы выполним, и за тёплые советы и пожелания. А папа-то торжественно: «Павел Львович», да просто Павел, для нас с мамой - Павлик. Сейчас мы очень счастливы! За нас радуются все друзья и товарищи. Распишемся мы в день моего рождения. Мне будет 22 года (мама, ты ведь тоже вышла замуж в 22г.). 10 марта пойдём, закажем – у нас здесь неделя полагается на обдумывание. Но мы уже миллион раз продумали и всё решили. А 19-го немного думаем отметить. Сейчас мы подали заявления в кассу взаимопомощи – думаем, что дадут нам денег. Они особенно нужны на: 1- тахту (Ева Филипповна договорилась, чтобы в рассрочку), т.к. из 2х кроватей одна развалилась; 2- радио провести; 3-занавеску на окно (карниз есть, а марлю на занавеску Е.Ф. обещала достать); 4 - мелочи всякие (хоть немножко посуды); 5 – отметить, очень хочется сделать это в нашей компании (вообще-то, раньше мы хотели всем отделением, но...). Всё будет

зависеть от того, сколько нам дадут денег. Папа и мама! Вы даже не думайте, что нужно нам помогать – мы уже вам писали, как всё рассчитываем, так всё и будет. Мы уже совсем взрослые. Я понимаю, что вам и так трудно с нами, мы должны вам помогать – а получается наоборот. Павлик говорит, что ни в коем случае вы не должны присылать нам 200р., о которых пишет мама, но я всё-таки думаю – вы извините меня за такую откровенность, - что до лета нам будет очень трудно. На следующий год – другое дело. Не сердитесь, что я так пишу. Вот пока и всё. Дни проходят в занятиях. Тонечка (Тося) сидит над дипломом – написала 1 главу (а всего 6). Очень хочется к вам! Будьте здоровы, любимые мои! Берегите себя! Напишите мне обязательно ваши дни рождения – к моему стыду, я не знаю, чему Павлик страшно удивился. Целую вас крепко. Любящая вас Аня. Павлик и девочки шлют большой привет. Теперь мы будем писать вам вместе». После этого письма родители мамы прислали им подарки – приданое – 2 кружевных покрывала и 4 тарелки. А до конца учёбы в университете посылали по 200 рублей в месяц, хотя мама с отцом делали все возможное, чтобы быть материально самостоятельными. «На будущий год я буду работать в школе, преподавать психологию, меня уже включили в список, возьму 2 класса девочек. И уж тогда мы будем самостоятельны, Павлик всегда особенно переживает, что мы

берём у вас деньги. Павлик опять возьмёт 4 класса . У него очень хорошо получается. Занятия в школе закончились, и сейчас он ассистирует на экзаменах». Отец очень хотел добиться материальной самостоятельности, подрабатывал везде, где только было можно, у него даже сохранилось «Удостоверение, выданное Горфункелю Павлу Львовичу, о том, что он состоит на работе в тресте «Ленсвет» в должности охранника огородов сотрудников треста, находящихся на территории станции Шоссейная». Но учеба была превыше всего. Уже на 4 -м курсе мама и папа оба получали повышенную стипендию. Раньше отец ее не получал – он, хотя и имел широкие и глубокие познавательные интересы, но не по учебной программе, поэтому получал и тройки. Но теперь появился стимул – он был главой семьи, так что пришлось и на оценки обратить внимание. Обратил, стал получать повышенную стипендию.

Теперь отец с мамой жили вместе, в одной из тех комнат (12 м), которые вернули отцу с семьей вместо довоенной жилплощади. «Павлику нравилось, что мы живём отдельно, самостоятельно, а мне, после общежития, тем более. С соседями мы жили мирно, старались не сближаться, чтобы не тратить время на разговоры, мешающие нашей учёбе». Квартира была на 10 семей, народу было много, и жизнь кипела. Зачастую происходили ссоры между соседями, и тогда они шли к отцу с просьбой

рассудить их. Несмотря на свою молодость, отец пользовался большим уважением среди соседей, они считали его умным и справедливым. Эта репутация сохранилась за ним навсегда. И я помню не один случай, когда к отцу приходили за советом и помощью, и он всегда был на стороне справедливости.

«Главным плюсом нашей женитьбы (для меня!) была возможность экономить время (на учёбу, т.е. ради неё: мы часто занимались вместе – теперь в любое время суток – свидания отменены!) и финансы (питались вместе, я готовила, вела домашнее хозяйство), а для Павлика, как он говорил: «смотреть на тебя день и ночь, жить без расставаний».

Так подошло окончание учебы. Отец и мама защитили свои дипломы на 5 с плюсом, их работы были рекомендованы к публикации. За время учебы отца (как и многих других студентов) увлекли лекции профессора Б.Г.Ананьева, работе по его направлениям отец посвятил много времени. Ананьев высоко ценил способности отца и по окончании учебы рекомендовал его в аспирантуру (он был его научным руководителем). На факультете решили, что мама также достойна поступления в аспирантуру, но поскольку мест не было, ее рекомендовали в аспирантуру педагогического института им.Герцена. *«Меня принял ректор, побеседовав, согласился на мою кандидатуру и попросил оставить мои данные у секретаря. Через несколько дней – устный отказ.*

А Люблинской А.А. (мамина руководитель диплома) *объяснили по секрету, что не подошла фамилия*. Вот так – фамилия отца подвела маму. Впрочем, мамина девичья фамилия – Витал – тоже вряд ли бы их устроила... Отца тоже не хотели утверждать (по этой же причине), но профессор Ананьев сумел отстоять его. В этот раз было кому заступиться за отца. А вообще фамилия, а точнее – национальность, была для отца вечной преградой, таким вечным тормозом – я напишу об этом дальше. Ущемления евреев в то время были настолько обычным делом, что это не вызвало у родителей никакого удивления. Результатом того, что маме отказали в аспирантуре, стала их долгая разлука. У родителей не было никаких сомнений в необходимости аспирантуры для отца – это была единственная возможность продвигаться в науке дальше. Работы для мамы по специальности в Ленинграде не было... *«Пристраиваться» на работу любую, не по профессии, не по специальности – мы не считали возможным. Ждать «оказии» не могли – не на что было жить. Решили – еду в Сыктывкар. Это было самое близкое от Ленинграда, пединститут, а не подумали, как трудно туда добираться! Мама Ева (мама отца – прим.), родственники и друзья были против нашего решения, против моего отъезда, против нашей разлуки, мы были «ЗА» и другого пути не видели!...»*. Это было тяжелое решение. Расстаться тогда, когда, казалось,

начиналась самая хорошая часть жизни, да еще и на такой долгий срок – пока отец учится в аспирантуре – 3 года! – казалось совершенно немислимым, особенно для мамы – отец-то жил, глядя не в сложности настоящего, а в радости будущего. И ради этого будущего он, как и всегда, был готов пойти на многие испытания, а мама была с ним – всегда и во всем.

Ленинград – Сыктывкар

Мама уехала в Сыктывкар в августе 1950 г. - работать в пединституте. Как она сама вспоминает, это был совершенно дикий край, к тому же - место расположения колоний, где сидели опасные уголовные преступники, а также и политические заключенные. Из-за этого маме, и так боявшейся Сыктывкара потому, что она там будет без своего мужа, становилось еще страшнее. Вот такой напуганной она сошла с поезда в Котласе. При этом она почти всю дорогу проплакала, да еще на нижних полках ехала супружеская пара, тоже выпускники ЛГУ, биологи, по направлению, как и у нее. И жена тоже боялась, а муж её нежно успокаивал. А маму успокаивать было некому. Надо еще было долго ехать в кузове грузовой машины по совершенному бездорожью. Первая сыктывкарская картинка: мама сидит в кузове, машина отъезжает от вокзала, и за ней бежит человек в белой рубашке и совершенно

окровавленный – после какой-то драки – затем запрыгивает в кузов. Понятно, что это не прибавило маме энтузиазма, который и так уже был на нуле. А прибавить ко всему этому то, что она очень скучала по мужу, да сознание того, что это так надолго... Но надо было, чтобы отец закончил аспирантуру. Надо – это слово всю жизнь сопровождало маму, и она покорно ему подчинялась. Это была тяжелая разлука для обоих, которая, тем не менее, не только не смогла разрушить, но и, напротив, укрепила связь родителей. Это все видно из их писем в этот период – удивительный сплав любви и профессионального сотрудничества. Терпение и нежность, с которыми отец помогал маме пережить разлуку – одна из самых ярких составляющих этого сплава. А ведь он и сам наверняка скучал не меньше... Мне нечего вспомнить о том периоде – меня еще не было. Но письма родителей друг другу рассказывают о многом.

«Дорогая моя девочка! Спешу догнать тебя – ведь одному так тоскливо! Вся наша комната ещё полна тобой: чисто подметенный пол, аккуратно застланная кровать, цветы, которые ты так любишь; словом, везде так чувствуется наведенный тобой и не тронутый ещё мной порядок, что кажется, вот-вот откроется дверь и раздастся родной голос забежавшей из кухни Ани : « Павлик, руки мыть – сейчас

завтрак»...Тихо, уютно, меня ласкает каждая вещь, а вокруг так и носится твоё нежное : «My dear» ... (родители часто так называли друг друга). Вчера успел закрепить за собой одну школу, сейчас иду насчёт второй (отец преподавал психологию и логику, чтобы зарабатывать). Зайду заодно и к Гельману (однокурсник родителей), чтобы взять у него брошюру Васильева, которую вместе с этим письмом и отправлю к тебе авиапочтой. Любимая, жду от тебя писем, писем, писем...Крепко-крепко целую моего лучшего друга Павел. 30. 8. 50.»

«Любимый, когда же я теперь увижу тебя? Понимаешь - я совсем одна . Все коллеги - семейные, пожилые люди, так что мне остаётся ждать твоих - бесчисленных! - писем и тебя. Конечно, если ты будешь в аспирантуре, то останешься в Ленинграде, а если нет, то обязательно нам нужно быть вместе. Зачем нам столько мучений! Ты говорил, провожая меня : «Варенье - тебе, когда будешь скучать - полакомишься», но я ничего не могу есть. Всё взятое в дорогу я привезла сюда, и всё лежит. Ничего мне не хочется, только был бы ты... Я понимаю, для нашего будущего лучше, чтобы ты закончил аспирантуру, но сейчас так тяжело, так страстно мечтаю быть с тобой... - лучше бы вместе работать... Зачислили меня на должность ассистента, ставка 1050 руб. Уже подписалась на заём - 650 руб. (тогда это было обязательно!) Буду читать лекции по общей психологии на первом курсе, студентов 180 -200 - 2

потока, семинары и недипломатика на старших курсах. На кафедре (это была кафедра педагогики и психологии) не хватает одного преподавателя, поэтому могли бы взять тебя, и ещё есть места по логике(!). Зав. кафедрой ещё не видела. Город - ничего. Институт на горе, на окраине, и в то же время близко от центра. На почту буду ходить каждый день. Вызывай меня по телефону.... Всё распаковала, а так не хотелось - всё напоминает о тебе... Пишу и реву, может лучше - не было бы тебя у меня? Нет, нет я не могу без тебя! Прости, родной, что так огорчаю тебя! Знаю, что не имею на это права... Никогда мне не было так тяжело! ... Одна отрада - пойду на почту! Неужели не будет от тебя письма? ! Пришедшие ранее твои письма читаю утром(в 5 час.) и вечером - уже в постели, чтоб увидеть тебя во сне... Нет у меня надежды, что смогу жить одна...»

«Анечка, родная моя, сегодня первое письмо, в котором ты сообщаем, что получила моё письмо. Наконец-то! Теперь уже пойдёт всё хорошо. А у меня экзамены опять отложили - до 17го. (Аспирантура отца долго была под вопросом : профессор Ананьев оставил его у себя в НИИ на свой страх и риск, но еще надо было сдать экзамены, и - главное - окончательное решение было за идеологическим, партийным отделом). Обо всём скажу тебе по телефону. ... Не жалею денег на яички, хоть они и стоят 25руб. Вообще на питание денег не жалею. Если с деньгами туго - обязательно сообщи телеграфом - я вышлю

(мамино примечание : «у самого денег нет, значит – возьмёт в долг»). Ну, счастливо, моя любимая, иду к кабинам – сейчас услышу твой голос.

...Добрый день, дорогая моя. А дни действительно настали добрые: ведь каждый из них приближает нашу встречу! (Отец всегда находил повод подбодрить маму!) И я становлюсь всё нетерпеливей. Я вот сейчас думаю: всё научились люди изменять, но только не время. А ведь, как было бы хорошо: на разлуку мы время укорачивали бы, на встречу – удлиняли бы. Мечты...Му (англ. «мой» - родители часто так называли друг друга), ты уж извини меня : вчера я тебе не написал. Понимаешь, очень устал. Опять наступает какой-то непонятный мне период, когда я устаю без видимой причины. (мама говорила, что это отзвуки второго ранения, контузии, во время работы над дипломом у отца тоже было подобное состояние и головная боль, даже боялись за защиту). ... Я сейчас всё время учу марксизм, у меня на уме только марксизм и ты. Я повесил твой портрет на стенку, и всё время смотрю на тебя: утром просыпаюсь и, не вставая, начинаю заниматься, полминуты поглядывая на мою дорогую девочку; она такая серьёзная: чуть я загляжусь на неё больше положенного, как она начинает хмуриться – и я вновь принимаюсь за занятия. А сегодня она всё утро улыбается: во-первых, я сегодня закончил «Краткий курс», во-вторых, получил от тебя письмо. И ещё одно достижение у нас – мы

выиграли, правда, всего 100руб. (проводились розыгрыши по обязательным займам), но ведь и это деньги, а главное – кстати. Анечка, ты пишешь, что не решаешься тратить деньги на яблоки. Так вот приказываю: ежедневно съесть не меньше 2х! Не забывай о своём желудке. О нём я очень беспокоюсь. Целую тебя, моя любимая девочка...»

...«Мой дорогой, мой учитель! Вот уже месяц моему боевому крещению в Сыктывкаре! Как хорошо мы с тобой поговорили. Ты доволен, что я бодрая. Я очень чувствую твою любовь, заботу. И я очень хочу, чтобы ты остался в аспирантуре, хотя мне ужасно тоскливо, часто просто невыносимо без тебя. Сейчас опять хотелось писать тебе, но я заставила себя заниматься - дописывать лекцию о сознании и собирать материал к теме «Направленность личности». ... Второй день нет от тебя письма! Поэтому тяжело и сильнее болит желудок, голова...Как ты мог меня одну отправить так далеко и так надолго! Сегодня идёт дождь - на картошку не идём. Не все преподаватели ходят, но я всегда - и нужно, и нравится, и студенты, как на ладони... Любимый, хочу знать о каждом часе твоей жизни! А когда получаешь от меня деньги, отмечай это - выпей пива или ещё то, что тебе хочется. Я всегда-всегда с тобой! Но... очень хочу, чтобы ты - в аспирантуре был. Целую, целую...»

...«Девочка моя, я очень хорошо понимаю, как тебе плохо одной. И хорошо, что ты обо всём мне

пишешь, не скрываешь. Но не упрекай - мы же доверяем друг другу! Я, конечно, виноват, что не каждый день пишу. Прости, моя любимая! Если бы ты знала, сколько у меня дел и переживаний. Вот сегодня: иду сдавать марксизм, а совершенно не подготовлен - что учил к б-му, всё забыл. Оставшиеся 5 часов должен быть со своим классом (отец преподавал психологию и логику в школе все вузовские и аспирантские годы) – попался очень бузотёрный, крайне недисциплинированный не только на моих, но и на других уроках. Мне необходимо их переломить. Много времени теряю в школе. И марксизм надо хорошо сдать. И болеем мы с тобой вместе, ты хоть напиши, Анёк, вылечилась ли ты? С сегодняшнего вечера буду писать тебе каждый день, и не потому, чтобы ты не скучала, а потому, что мне без тебя скучно...»

. . «Счастье моё, сейчас такой хороший вальс исполняли...и мне представилась наша встреча. Какое это будет прекрасное время! В такие моменты я даже забываю. где нахожусь, опомнюсь, а тебя нет.. . Как я хочу видеть тебя!. . . Но и прогресс: я уже могу смотреть на наше фото. Подумай - как я могу сильно любить, а ты всё был недоволен, не уверен - противный! А теперь небось хочешь, чтоб я поменьше любила? ! А сейчас мне так радостно, что ты у меня есть, всё замирает от счастья. Как не хватает слов, чтобы высказать все чувства, переполняющие меня. Павлук, ботинки ещё можно

починить, ты сначала купи костюм! ... Почитаю Лысенко, напишу лекцию (в первый год работы мама писала полный текст лекций), мучает меня локализация функций в мозгу и учение Павлова - никак не могу свести концы с концами. .... Лекции сегодня прошли благополучно. ...А в школе поднялся шум из-за моего домашнего задания школьницам по Краткому курсу ВКП(б), мол, трудно, но многие разобрались, а на уроке я ещё объясняла, сидела завуч - ей понравилось, сказала : интересно, понятно. (Все 3 года сыктывкарской жизни мама была учительницей по психологии и логике, это был и опыт, и дополнительные деньги). ... .. Не переживай! Мы аспирантуру и здесь закончим заочно, зато будем вместе! Не отчаивайся, если не примут. Поцелуй за меня маму, не разрешай ей так много работать. И сам не забывай об отдыхе, в кино ходи, и я постараюсь... Жизнь здесь дороже, чем в Ленинграде, в столовой - не для моего больного желудка - готовлю дома, пришлось потратиться на плитку. Но запасных спиралей нет... Готовясь к лекциям, всё больше убеждаюсь, как много в психологических книгах и у нас в голове пустых фраз! Бедные студенты- первокурсники. Учусь и учусь объяснять, находить примеры для доступности - из жизни. »...

... «Любимый мой, как ты себя чувствуешь? Как нога? Голос мне твой не понравился - не скроешь, не молчи! Я ведь тебе обо всём пишу. Не уверена, как объяснять деятельность мозга, скажу о развитии

интегративных полей, раскрою теорию Павлова. Сейчас проводила консультацию, порадовалась, что пришли с вопросами, особенно мальчики, но без конспектов, а как хотелось помочь. Я – педагог, не могу ещё привыкнуть к этой роли. А на днях один зав. кафедрой сказал: «Могу Вас обрадовать - Ваши лекции производят очень хорошее впечатление» (у меня были и директор, и его заместитель). На картошку пошли в дождь, все промокли, замёрзли, ладно, что бригадир заступился за нас - отпустили. Рада, что не заболела. Вечером пошла в библиотеку. Но как скучаю без тебя - сил нет! Письма твои - радость высшая! Но и печаль - кратко ты пишешь, а мне хочется долго-долго говорить с тобой. И какой-то ты рассудочный, мало чувств в твоих письмах... Павлик, ты говоришь, что разлука ещё больше сблизила нас. Нет, мы ещё больше ценим друг друга. Ты для меня - всё, что необходимо для моей жизни. Как дождаться дня нашей встречи! Надеюсь, что, наконец, костюм у тебя будет! Береги себя, единственный мой! Мне тоже надоели бумажные поцелуи, но...»

«Моя любимая девочка прислала мне такое хорошее письмо, что даже предстоящий сегодня урок в школе не может испортить мне настроения – всё сознание охвачено мыслью, что тебя так сильно любят. Анечка, я даже чувствую твои поцелуи явственно. Маленькая моя, мы с тобой действительно самые

счастливые люди, ведь у нас есть самое главное, чего недостаёт многим. А остальное уж и не так важно. Ну, что хорошего, что Климова отказалась от возможности поступить в аспирантуру, а поехала к мужу в Кронштадт, где сама сможет работать только в школе? Правда, она собирается сдавать кандидатский минимум, но в возможности этого я сомневаюсь: когда человек идёт на одну уступку, за ней неизбежно следуют и другие уступки. А мы с тобой сразу решились на самое тяжёлое испытание, на разлуку, хотя и имели возможность не разлучаться, мы не пошли на уступку – и это нам воздастся сторицей: для нас теперь всё предстоящее нам впереди – пустяк по сравнению с выдержанным (да, уже определённо выдержанным) нами испытанием. Родная моя, я очень рад, что у нас всё так ХОРОШО! получается. Действительно, для человека ничего нет невозможного. Я также очень доволен, что и моя мама, и твои родные свыклись с этим, и даже находят в нашем положении хорошие стороны. Так всегда бывает: какой-нибудь необыкновенный поступок кажется невозможным, но ты решился на него – и он оказывается осуществим. Ты – главная виновница нашего успеха! И, пожалуйста, не говори, что я незаслуженно называю тебя самоотверженной, это действительно так, и я тебя очень ценю за это, дорогая моя девочка : ведь мне хорошо здесь, в Ленинграде,

разглагольствовать, а ведь основная тяжесть разлуки легла на тебя, мою маленькую. У меня много было угрызений совести из-за этого, но теперь я вижу, что всё хорошо, и я очень благодарен тебе за это. Мои мысли всё больше вращаются вокруг будущего, нашего самого радужного будущего. У меня всегда основное – это будущее, такой взгляд очень помогает пережить все испытания настоящего. Правда, Анька! Это здорово помогает.

...«Любимая моя, ты глубоко ошибаешься, полагая, что мои письма - лишь долг по отношению к тебе. Для меня наши письма - тоже единственная радость, девочка моя! Сегодня очень напряжённый, чрезвычайно нервный день – последнее испытание - экзамен по специальности и решение... От этого зависит наше будущее. Ведь, если в Сыктывкаре мы будем простыми преподавателями, кто нас оттуда отпустит, и кому мы будем нужны? Зато в случае аспирантуры, мы будем иметь возможность перевести тебя сюда. Всю - всю целую, мою родную».

...Дорогой мой мальчик! Наконец-то могу поздравить тебя и нас, ты - аспирант!! Это большая ответственность и за всех нас, мы все - твои болельщики! Держись!

...«Маленькая моя девочка, только что получил очередные два письма; ты знаешь, Эни (иногда отец называл маму так), меня беспокоит твоё

состояние. Ну разве можно так? Ведь, это же очень хорошо, что мы так любим друг друга, а у тебя любовь превращается в несчастье. Анечка, я, конечно, понимаю, как тебе трудно, ещё бы! Но вот любовь как раз и должна облегчать всё это. Я ведь тоже люблю тебя очень сильно! И мне это только помогает. Осталось 1,5 месяца (до планируемой первой после разлуки встречи), т. е. меньше половины того, что прошло со дня нашей разлуки! Это меня очень подкрепляет. Анечка, извини уж меня за короткие письма – всё этот доклад, развязаться бы поскорее с ним. Целыми днями сижу, только в магазин выхожу и опустить письмо. Вчера приходила мама – купила, наконец, себе пальто. Конечно, можно было бы взять и получше, но - хорошо, что будет тепло! Напиши, как у тебя закончилась практика...Эни, до нашей встречи б телефонных разговоров! ! Выдержим! А пока - спи спокойно, моя любимая! »

«...Дорогой мой Анёк! Сейчас лягу спать - только что закончил проверять контрольные работы моих басурманов. Надо бы ещё немного подготовить английский, но не могу - спать хочется, сейчас уже, наверно, часа 4 утра. ... Зато так приятно, Анечка, ложиться спать с мыслями о тебе. А ты может быть уже видишь меня во сне, только холодно тебе одной, как бы я согрел тебя! Скоро, уже скоро!»...

...«Любимый, ты говоришь, что всё острее чувствуешь разлуку, а у меня наоборот : я сначала - просто задыхалась, была в отчаянии, мне казалось, что не выживу! Страшно вспоминать! А теперь... я спокойна и готовлю себя работать ещё и ещё. Конечно, я очень скучаю, мне не хватает тебя, но - теперь я могу рассуждать!!... ..Как меня спасает классическая музыка - вот сейчас Бах - плачу и постепенно успокаиваюсь...

...Впервые выступала с публичной лекцией! По настоятельной просьбе парт. организации города и института для «актива» (людей, занятых воспитанием). Организаторы попросили слушателей написать отзывы. Представь - только положительные! Один, более пространный, посылаю: «Лекция великолепна. Отличная дикция лектора, личная обаятельность в сочетании с высоким умением доходчиво, убедительно преподнести материал является примером для подражания. Считаю лектора отличным специалистом и педагогом. И женщина она красивая! . . .»

....«Му (англ. «мой»)! 3 дня в неизвестности из-за телефонной связи. Повреждение. Теперь, надеюсь, ты успокоилась - мы хорошо поговорили! Я только что с гор. станции : взял билет! ! Достался последний, боковое место. Начинаю упаковываться! ! Чемодан возьму у Ваньки (однокурсник и приятель отца по университету и аспирантуре), не покупать же. Это моё письмо ведь последнее, девочка моя, «прощальное». Скоро

ты получишь меня самого! Я только боюсь, как бы наша встреча не оказала плохое воздействие на тебя. Мы должны будем, Анечка, после неё расстаться с самым лучшим настроением! Иначе наша встреча не принесёт нам никакой пользы. Ну, я, конечно, надеюсь на тебя - ты ж у меня умница.... Прими, любимая мой последний бумажный поцелуй и жди настоящего...»

Их встреча состоялась через три месяца после отъезда мамы в Сыктывкар. Чемодан отец взял другой – тот, с которым мама приехала с Дальнего Востока в Ленинград – деревянный. Собрал, каких мог продуктов – и отправился. Был ноябрь, в Сыктывкаре – настоящая зима, а у отца было только старое осеннее пальто, купленное на рынке после того, как у него украли одежду при возвращении из госпиталя, летние ботинки и кепка. Прямого сообщения с Сыктывкаром не было, вообще никакого не было. Надо было доехать до Котласа, а там искать машину, такую грузовую открытую машину, на которой еще ехать в кузове около полутора часов. Приехав в Котлас, отец узнал, что ближайшая машина будет через 10 часов, но разве мог он ждать, когда времени на свидание – всего неделя?! Он узнал, что можно пойти напрямую через реку по льду – 4 км. И вот он, в легкой одежде, с тяжеленным деревянным чемоданом (вез маме продукты и что-нибудь вкусненькое!), на протезе, от которого постоянные боли – пошел через реку по льду. Чемодан привязал веревкой и катил его. Можно

представить, как он замерз! Но ведь он спешил! Мама как будто знала, что так будет – она заранее заказала баню, припасла бутылочку водочки... Это была счастливая неделя, которая пролетела мгновенно.

*«...Ты покинул меня, родной, как мне опять трудно без тебя жить, сон и аппетит пропали, но должна терпеть, надеяться, что станет легче со временем...
...Опять мне страшно в комнате, всё напоминает о тебе, везде ты, но я одна. Стараюсь не плакать, Павлик, не беспокойся, это состояние пройдёт. Главное - береги себя! Откажись от части общественных поручений...
...Передают Бориса Годунова! Козловский исключительно исполняет юродивого. Пришла с методологического семинара, наш философ Федин совсем, бедняга, запутался в рефлексах, инстинктах, в механизмах психики (я бы тоже запуталась!). А жена слушала его с обожанием. Как я ей завидовала! Они вместе! Если бы знали преподаватели, как мне бывает тяжело. Им кажется, что я никогда не унываю и даже восхищаются этим...»*

Конечно, после разлуки опять стало тяжело, но все же самый трудный этап – период до первой встречи – был пройден. Дальше стало легче.

«Родной мой! Сегодня твой день (день артиллерии), ты мог бы вспомнить о своей фронтовой жизни, а мне так приятно было бы слушать тебя. Как мне не хватает тебя. У меня всегда миллион новостей, которые непременно нужно выложить... Ты не такой

- тебе легче. Завтра мы будем говорить! Хоть 10 мин. общения - это тоже счастье для нас! А потом опять писать-писать...Ты сейчас над английским? Павлук, быстрее начинай с диссертацией, не забывай - она цель, остальное - между делом»

«Где записать» - вчера не зашла на почту! - не успевала на собрание. А кружки совсем заброшены, моё «толкание» не помогает...Сегодня на лекции об идеомоторном акте рассказывала - сенсация!»

«Подумай, Анёк, прихожу в школу, а завуч говорит, что уроков у меня не будет - весь класс «самоосвободил» себя от последних 3х уроков, сбежали сорванцы! До моего 6-го урока ещё час. Я сказал, что категорически против срыва - урок должен состояться - надо вызвать учеников! У классного руководителя этого класса безнадежное отношение - дисциплина ужасная на всех уроках. Я такого не допускаю. Строгость считаю непременной и соединённой с надеждой, любовью. На урок собралось большинство, провёл! ...«Павлук мой, получила сегодня фото и одно посылаю тебе - посмотри, какая я страшная у тебя, какая-то старая, криворотая. Не превратилась я в цветущую девушку, какая-то измождённая. Посмотри и увидишь, что не стоит так скучать...Но знаю, что и такую ты меня будешь любить...Сейчас буду готовить «Воображение», как уложить в 1 час? От Иосифа (Иосиф Палей - муж той самой Тоси, тоже, как и отец, ученик Ананьева и Мерлина. Позднее он сумел вернуться

в Ленинград и стал известным ученым) лекций нет. Буду по-своему. Может это и лучше - у него высокая теория, для моих студентов - абстракция, им хочется конкретики, ближе к жизни.

Как мы хорошо поговорили! Настроение - боевое! А психология у меня не выходит из головы, себя тоже ищу в ней. Хорошо, что я не изучала медицину - заболела бы всеми болезнями.

Лекции проходят прилично. Вот только студенты не соглашались, что в сновидениях только прошлый опыт. Я пошла за Ананьевым и включила сновидения в «Представления», а ведь в них больше воображения! . . . Всё мечтаю, какое это будет счастье, когда мы будем вместе! Целую- целую, люблю. Твоя. »...

«... Из твоих писем я вижу, что нам необходимо жить вместе не только потому, что мне бывает невыносимо без тебя, но - и это главное - ты без меня не умеешь следить за своим здоровьем! Почему у тебя столько дел, не имеющих никакого отношения к аспирантуре? Особенно - агитатор - ежедневно ты занимаешься выборами! Бегаешь для этого по домам. Я уверена - никто так не делает. Ты такой худющий, глаза воспалённые, некогда поесть, а спишь 6 часов, а тебе надо минимум 8! Ты дождёшься - я напишу в ваш институт! И Ананьеву! Все сны о тебе тревожные, не в радость эти свидания. Пишу «Речь», объясни мне 2ую сигнальную систему, казалось, знаю, но не для студентов. И ещё - как сделать переход от «Личности» к «Психическим процессам»? . . . Звучит ария Роберта, помнишь вместе слушали в «Большом»!

Когда звучит любимая музыка, у меня лучше пишется. Лекции пока получаются и всё лучше контакт с аудиторией - вопросов больше! Всё-таки, хоть маленький, прогресс. Целый день - дома: температура, горло, насморк, голова. Тяжело в одиночестве, но - ради здоровья - бери пример! . . . Павлик, со следующей стипендии тебе надо рубашку купить. Умоляю - чтобы ты был красивым, аккуратным!

Почти все следующее лето – 1951 года – они провели вместе, были в Ленинграде, ездили к маминим родителям в Гжатск, а осенью отец еще был в Сыктывкаре и работал там целый месяц вместе с мамой. Результатом столь плотного сотрудничества - кроме профессиональных достижений, конечно – стало рождение их дочери Наташи, моей старшей сестры. Мама родила ее в Ленинграде 25 апреля 1952 года, она специально приехала туда к родам, чтобы отец и его мама, моя бабушка Ева, могли помогать. После этого мама вместе с Наташей уехала снова в Сыктывкар – то есть опять по этой сложной дороге с пересадками (с трудом все это можно представить!). Там деревянный чемодан, который отец в свое время тащил по льду через реку, стал для Наташи ее первой кроватью. Расскажу, кстати, о том, как Наташе было выбрано имя. Наташей звали мамину младшую сестру, мою тетю, которая была удивительным и прекрасным человеком, открытая, честная, высочайшей

порядочности личность, после ее смерти мама написала книгу «Наташа, девочка из Гжатска» - замечательная книга, которой зачитывались даже те, кто совсем тетю Наташу не знал. Так вот, тетя Наташа очень радовалась маминому выбору, а отец очень радовался, что у мамы такая сестра – они всегда радовались друг другу и были настоящими друзьями. Иногда они встречались – то у родителей в Гжатске, то в Ленинграде. Однажды они встретились в Москве, каждый куда-то ехал: тетя Наташа в Гжатск, а отец – в Ленинград. Перед отправлением поезда они сидели на вокзале и разговаривали, и мечтали о будущем, которое, конечно же, всегда представлялось светлым. Они заговорили о детях – кто сколько хочет иметь детей. И тут они договорились до того, что отец назовет свою первую дочь Наташей, а тетя Наташа своего первого сына – Павлом. Вот так их и называли – задолго до их рождения. Так что у меня есть старшая сестра Наташа и старший двоюродный брат Павел, который родился в феврале 1958 года в Праге. Вообще в нашей родне все очень уважают моих родителей и называют в их честь своих детей. Так что у нас кроме моего отца есть еще 3 Павла, а кроме мамы – еще 3 Ани.

«... Эни, что-то ты иногда очень уж восхваляешь меня - прямо неудобно я себя чувствую. Это, конечно, по сравнению с тамошними мужчинами. Так ты пиши всё, что о них знаешь - я очень хочу знать о людях, с которыми ты работаешь, с

которыми приходится сталкиваться... Целую мою любимую девочку! Береги себя! Твой Павел.»

Отец никогда не ревновал маму к другим мужчинам – я думаю, это результат его собственной уверенности в себе и в маме. И все же к этому вопросу относился серьезно – правда, в другом, совершенно неожиданном контексте. Приведу письмо, которое отец написал маме в ответ на ее письмо о том, что она ехала в машине, и какой-то попутчик обнял ее, чтобы ей не было холодно. Рассуждения отца по этому поводу, думаю, будут интересны всем, а тем, кто хорошо знал отца – наверняка будет приятно еще раз встретиться с его мыслями, с его логикой и прямотой – чертами, по которым его легко узнать.

Здравствуй, Му! Наконец-то получил от тебя письмо из Сыктывкара. Очень рад, что ты хорошо доехала и что тебя почти не тошнило. А еще больше рад, что ты еще ни разу не плакала, хотя – я знаю это – тебе и тяжело. Но, родная моя, как бы тебе ни было тяжело, ты все же держись так и дальше – ведь, как-никак, а эмоциональная теория Ланге кое-какие основания имеет. Анечка, а то, что ты доехала одна, то это тоже неплохо – я тебе писал уже об этом. Ну, а насчет того, что Иван Федорович обнял тебя на машине и что ты благодаря этому не простудилась, то я против этого ничего не могу сказать, т.к. знаю, что ты в это время думала только о том, чтобы не простудиться, а не о том, как я посмотрю на это – или, если ты и

думала обо мне, то, наверное, считала, что и я посмотрю на это так же как и ты, т.е. что и для меня самое важное – чтобы ты не простудилась. Но это не так, Эни. Во-первых, ты должна иметь в виду, что я – твой муж, и для меня органически непереваримо, чтобы мужские нечистые руки (а когда мужчина обнимает женщину, то, для чего бы это ни делалось, руки в это время у него грязные всегда) обнимали дорогое мне тело моей дорогой жены. В этом отношении мне как мужу безразлично, целует ли тебя мужчина, обнимает ли, или даже просто пожимает за руку (и в таких даже случаях нередко, что рука мужчины грязная) – для меня все это непереваримо. Даже больше того: один грязный взгляд на тебя со стороны мужчины может заставить меня сказать ему что-либо грубое. Отчего это – не знаю, может быть от того, что во всех этих случаях в той или иной степени оскорбляется мое чувство полного обладания тобой – как твоей душой, так и твоим телом. Но отчего бы это ни было, это присуще всем любящим мужчинам. Но если бы все это касалось меня только лишь в этом смысле, то я бы даже сам посоветовал тебе пойти на это (ну, скажем, если бы вопрос стоял между твоей жизнью и поцелуем и если бы этот вопрос касался меня только лишь в том смысле, о котором я выше говорил). Но, ведь, все это имеет еще и другую сторону, Эни. Дело в том, что я представляю тебя слишком строгой и

принципиальной в этом отношении (Эни, мы ведь откровенны – верно?) и за это-то тебя я особенно люблю. И, мне кажется, я в этом отношении в тебе не ошибаюсь – за это говорит уже то, что тебя каким-то образом волнует то, на что другая женщина вообще не обратила бы внимания как на пустяк, о котором не стоит и думать. В самом деле, Эни, в принципе, какая разница между женщиной, благосклонно позволяющей мужчинам некоторые вольности ради кокетства и тобой, позволившей себя обнять ради здоровья? Ведь, в обоих этих случаях, женщина спекулирует своей способностью привлекать мужчин, и в обоих этих случаях цель спекуляции – личная выгода: в первом случае женщина благодаря этой спекуляции получает удовлетворение своему женскому (но дешевого пошиба – кокетство) тщеславию, во втором случае такая спекуляция дает женщине возможность сохранить здоровье. Му, ты извини меня, что я говорю так резко – это для точности. Вот если бы ты думала, что Иван Федорович обнимает тебя с целью сохранить твое здоровье, тогда бы тут никакой спекуляции не было. Но ведь ты же знала, что это не так, что забота о здоровье для тебя является причиной, а для него всего-навсего поводом. Понимаешь, Эни, мне кажется, что ты поступила нечестно по отношению к своей совести, пошла на компромисс. Вот в этом смысле я предпочел бы видеть тебя простуженной, чем спасшейся от

простуды таким нечестным способом – путем компромисса со своей совестью. Кроме того, Эни, такого рода случаи вселяют мужчинам большую уверенность, толкающую их на некоторые вольности впоследствии. Правда, в нашем случае вопрос так не стоит, т.к. вы с Ив.Фед. незнакомы. Но я все это говорю для будущего – мало ли какие случаи нам еще предстоят.

Му, ты извини, уж, меня за то, как и что я тебе здесь наговорил – просто я высказал свою точку зрения (ты же меня об этом просила). Я уверен, что и у тебя такая же точка зрения. И вот, самое главное, что мне не нравится во всей этой истории, это то, что ты, имея такую же точку зрения, изменила ей, пошла на компромисс. Правда, компромисс здесь был очень маленького масштаба (действительно, Ив.Фед. обнимал тебя через пальто, на холоде и т.п. – так ты могла в то время уговаривать себя). Но принципам человек начинает изменять не сразу, а именно с таких маленьких отклонений от них. Уверен: еще несколько таких случаев – и ты уже легко будешь смотреть на все это, т.е. приравняешься в этом отношении ко взглядам большинства женщин. А вот этого то как раз я и не хочу, т.к. привык знать тебя в этом отношении стоящей выше большинства женщин и хочу знать тебя такою всегда. Вот почему я так много написал по поводу этого случая. И ты меня поэтому извинишь за резкость, Эни.

Ну, вот, Му, испорчу, наверное, тебе настроение – вечно у меня так. До свидания, ты dear, крепко тебя целую. Павел. 12.2.51. 18-00

Моя жена Ирина, которая временами констатирует, что я могу из всякой мелочи путем своих глубоко запутанных размышлений свить настоящую угрозу или трагедию, прочитав это письмо, поставила мне диагноз: «это наследственное». Ну и отлично. Я рад, что у меня такая наследственность. Потому что это письмо отца я воспринимаю, как настоящую заботу о друге, о том, чтобы друг (в данном случае – мама) не попался на эти коварные штучки жизни. И тот факт, что в маме можно быть абсолютно уверенным, только еще раз подтверждает это – ведь тех, кого любишь, стремишься оградить от всех угроз, даже самых маловероятных. *«Принципам человек начинает изменять не сразу, а именно с таких маленьких отклонений от них».* И с этим я тоже абсолютно согласен.

Мама провела в Сыктывкаре 3 года. Отец закончил аспирантуру. Они прошли этот необходимый и сложный этап и теперь радовались возможности быть все время вместе. Правда, им предстояла еще одна длительная разлука, но тогда они об этом не знали.

Из маминых воспоминаний: *«Всё больше убеждаюсь, что 3х летняя жизнь в разлуке (в Сыктывкаре) была для нас, для МЕНЯ судьбоносной: моя «вяло текущая супружеская любовь» (я – человек привычек) превратилась в*

СТРАСТЬ, в осознанное чувство невозможности жить без ПА!! .... Тогда впервые открылись (особенно для меня) мои способности любить.»

Ижевск, начало.

Отец закончил аспирантуру и был направлен в Ижевск, на кафедру педагогики и психологии УГПИ (Удмуртский государственный педагогический институт, теперь – Удмуртский университет). Мама к тому времени закончила работу в Сыктывкаре, и они с отцом в августе 1953 г. поехали в Ижевск, где им и предстояло провести всю свою жизнь, хотя тогда они, конечно, этого не предполагали.

Ижевск, а точнее, институт, встретил их не очень приветливо. Сойдя с поезда на вокзале, отец с мамой отправились прямо в институт. Собственно, им больше и некуда было идти – они никого не знали в этом городе. Ижевск произвел на них ужасающее впечатление – грязь, деревянные покосившиеся, вросшие в землю дома, мрачные улицы, мрачные люди. Зрелище было не самое приятное, особенно после Ленинграда. Но зато они были вместе, и это было на всю жизнь, так что даже вид города не сильно их напугал.

Придя в институт, который в то время размещался в единственном корпусе

(впоследствии – корпус №2 Университета) и был единственным в округе кирпичным зданием, отец с мамой направились к директору и ожидали вызова в приемной. Через некоторое время секретарь пригласила их войти. Директором тогда был М.П. Бабин. Он вызвал своего заместителя по хозяйству и сказал: «Вот приехал к нам молодой специалист – как вы его разместите?» На что тот ответил, что никакого жилья у него нет для специалистов, и общежития тоже нет. Есть только адреса частных квартир. Бабин говорит: ну дайте им, пусть идут и ищут. Вот такой был прием. Молодой специалист, без 5 минут кандидат наук (а тогда кандидат наук был, наверное, большей редкостью в вузе, чем сейчас академик), инвалид войны, впервые в городе, приехал по распределению, только что с поезда – и пожалуйста, иди и ищи себе жилье... У отца, как всегда, болит нога, надо идти, города не знают.... Хорошо, что Наташу (ей было 1,5 года) не взяли с собой... Они стали обходить адреса. Везде им отказывали, как только узнавали, что есть ребенок. Уже наступил вечер, они устали, никакого жилья не нашли – что же было делать? Тогда отец возмутился и сказал: «раз институт не обеспечил нас жильем, будем спать у директора в кабинете!» Когда они пришли снова к директору и сообщили ему об этом, тот вызвал хозяйственника, который предложил в таком случае поселить их временно в общежитие – то есть, как оказалось, места там были.

Мама с отцом радовались – свое жилье, и не на квартире, где хозяева диктуют правила. Всю следующую неделю мама ходила по адресам (отец приступил к работе), но безрезультатно. Так они и остались в этом общежитии, в котором, как потом оказалось, было еще несколько свободных комнат. По нашим меркам жизнь в этом общежитии была, конечно, не сахар. Представьте только: оно находилось в Верхнем переулке в районе завода им.Ленина – это примерно 2 км до института. Никакого транспорта и никакой дороги – добирались пешком по щиколотку в глине через пустырь (где теперь Вечный Огонь). При этом отец носил Наташу всю эту дорогу на шее, и она целый год все дни проводила в институте, поскольку не было места в яслях. Я представляю, как отцу было это тяжело, особенно из-за ноги, но никто и никогда не только не слышал от него об этом, но, глядя на него, даже не мог подумать, что ему трудно – так рассказывала мне мама. Воля, закаленная с детства... В общежитии родители прожили 2 года, там же жили и многие другие молодые специалисты, и, конечно, это была не скучная жизнь, и с общежитием связаны многие яркие воспоминания. Например, я слышал такую историю: один из коллег отца, тоже молодой преподаватель, живший там же, купил себе фетровую шляпу. Сейчас нам трудно, конечно, по достоинству оценить значимость такого события, но тогда это было очень серьезное приобретение, практически означавшее определенный уровень

жизненных достижений. Так вот, счастливый покупатель принес этот предмет гордости домой и пошел к соседям – поделиться радостью. Соседями были, в том числе, мой отец и еще группа товарищей – тоже больших шутников. Разделив первую радость приобретения с пришедшим, они мягко перешли к беседе о ценности вещей и важности правильного их использования. Я впоследствии еще буду говорить о способностях отца убеждать – они были просто поразительными. Так что у них не заняло много времени убедить счастливца (именно – убедить!), что носить шляпу на голове, конечно, может каждый, но правильное и рациональное ее использование – нарезать из нее фетровые полоски для натирания до блеска ботинок. Просветленный обладатель шляпы немедленно все это проделал, и они все тут же опробовали результат на собственных ботинках. Ботинки блестели отменно. Новоявленный чистильщик был счастлив. А уж как бы была счастлива его жена ... Но наставникам повезло – он был холост. В общем, в общежитии скучно не было.

Кстати, после общежития родителей переселили в барак. Я уж и не знаю, было это в рамках улучшения жилищных условий или ухудшения... Наверное, это считалось улучшением – ведь они стали жить в большой комнате – 35-40 кв.м. В этой комнате одновременно было всё – там все спали (6 человек – родители, мои сестры Наташа и Люся, мамин брат Витя и еще няня), там же была

и печка, и кухня... Отец подошел к вопросу творчески и решил разгородить эту комнату, чтобы хотя бы отделить их с мамой. Он решил воздвигнуть стену посреди комнаты. Для этого была нанята какая-то бригада, которая построила основательную кирпичную стену – от пола до потолка. Правда, никто не учел, что строители этого барака на такое творчество жильцов не рассчитывали, и пол предназначался для людей небольшого веса, и даже под их тяжестью скрипел и прогибался. А под этой стенкой он прогнулся так, что жившие этажом ниже Касаткины вынуждены были срочно дополнить эту конструкцию подпорным столбом. Поскольку их семья тоже была немаленькая – 5 человек – а жили они тоже в одной такой же комнате, то они тоже решили перегородить свою комнату. Но с учетом опыта сверху, они просто повесили занавески – и так удачно пригодился этот столб! В бараке этом жили опять же все молодые преподаватели. Условия были – нам сейчас и не представить. Мама рассмеялась, когда я спросил ее, было ли там центральное отопление. Но самым ужасным был туалет – этакое ветхое сооружение на улице, без света и на весь барак – один туалет, правда, двухместный, т.е. с двумя дырками в полу. Подробностей описывать не буду, кто не побоится – представит сам. Все жили в этом бараке, мечтая поскорее получить хоть какое-нибудь жильё... Родители получили его через несколько лет – прямо за институтом был

специально построен дом для преподавателей. Кстати, квартиру в этом доме родителям давать не собирались, хотя и не сообщали об этом – их просто не включили в список. Конечно, квартир было меньше, чем желающих их получить, и даже меньше, чем тех, кому руководство института хотело бы их дать. Так что кто-то должен был остаться в стороне. Руководство пошло проверенным путем – обойти надо тех, кто не будет требовать. Отец никогда в своей жизни не только не требовал – не просил для себя ничего. Так что их с мамой, проработавших в институте уже несколько лет, с семьей в 5 человек, решили в список не включать. И никого не волновало, что отец (к тому же уже кандидат наук) – инвалид войны, и ему все эти «удобства» с учетом его инвалидности – настоящее мучение. Но люди, распределявшие квартиры, думали, видимо, не об этом, а о чем-то другом. Так что родителей в список не включили. Но список не скроешь – и родители его увидели, и увидели, что их там нет, хотя до этого никаких сомнений, что их поселят в этот дом, не было. Отец, как и рассчитывало руководство, сказал, что никуда не пойдет и ничего просить не будет. Но руководство все же просчиталось – мама, которая, видимо, казалась человеком в этой ситуации совершенно безопасным, пошла в профком – подразделение, которое якобы распределяло квартиры. На самом деле, в таких «лакомых» вопросах, как распределение квартир, эти профкомы были лишь

ширмой, создающей иллюзию независимого решения и отгораживающей реального распорядителя от надоедливых просителей. Но поход не был напрасным – ведь по всем показателям квартира родителям была положена, так что маме не пришлось даже ничего доказывать. Наверное, ей нелегко было сделать этот шаг – она тоже не привыкла ничего просить себе, и воспитывалась в такой семье, где это тоже считалось недостойным. Но в данном случае она просила не для себя – она билась за отца, все сложности жизни которого она видела и переживала их, наверное, больше, чем он сам. А что может остановить любящую женщину в битве за своего любимого? Ну уж никак не профком, пусть даже усиленный всем руководством института со всеми его партийными организациями, секретарями и вахтерами. Так что квартиру родители получили. Это был тот самый дом (ул. Ломоносова 20), в котором потом прошло все наше детство, и с которым связаны все самые лучшие воспоминания. Можете себе представить: дом с отгороженным двором, 27 квартир, практически все жители – преподаватели института, интеллигентные, образованные люди, коллеги. Этот двор и это окружение стали атмосферой нашего воспитания. Практически у всех были дети, и практически одного возраста. И мы росли все вместе, учились, играли, влюблялись, женились ... - и разъехались, только став совсем взрослыми. Недавно у нас, тех,

кто родился и вырос в этом доме была встреча – мы не виделись около 30 лет. Нас собралось больше 20 человек, это была замечательная встреча, и все говорили о том, какую огромную роль этот дом сыграл в нашей жизни.

Отец защищал свою кандидатскую диссертацию в Москве. Так решил его руководитель профессор Ананьев, он хотел, чтобы работу отца - как представителя ленинградской психологической школы - увидели в Москве. Защита состоялась уже после переезда родителей в Ижевск – осенью 1953 г. Защита прошла блестяще, и отцу была присвоена степень кандидата наук.

Свою работу на кафедре отец начал преподавателем. В то время на кафедре уже был психолог – А.С.Селезнева. Она была хорошим преподавателем, хотя и не имела ученой степени, как отец, но основное ее отличие было не в этом, а в том, что она не относилась к психологии, как к науке, как к предмету серьезных исследований, а занималась в основном ее популяризацией. Отец же не просто видел в психологии науку, предполагающую исследования, он видел множество ее возможных приложений, и не только в воспитании и обучении, что было естественным, но и во многих других отраслях деятельности. Ему предстояло не просто отстаивать эти взгляды, но и во многом впервые реализовать их на практике. Все это было впереди. Маме работы в институте не нашлось, поэтому она стала искать работу психологом в школах. К тому

времени психология была введена в школах как предмет, но специалистов не было, и эти дополнительные часы разбирали себе разные преподаватели. Мама ходила по школам и в конце концов получила часы в трех школах, и это обеспечило ей полноценный заработок и насыщенную профессиональную деятельность.

Заведовал кафедрой педагогики и психологии товарищ Харитонов. Он был администратором и основную свою задачу видел в проведении стандартных мероприятий, обеспечивающих учебный процесс. Он тоже, видимо, не рассматривал кафедру как организатора научных исследований – и студентов, и преподавателей - а считал ее скорее единицей именно учебного процесса, который, очевидно, в его представлении не предполагал научных исследований. Отец же, как я себе представляю – и это подтвердила мама – уже к тому времени «поймал» не просто этот большой потенциал психологии, как науки и приложения, но и потенциал самих научных исследований, как способа подготовки студентов. В исследовании он видел залог успешного обучения. Он видел уже эту связь, у него уже выстроилась эта ясная картина, в которой все было взаимосвязано: научные исследования, обучение и подготовка студентов, применение психологии в разных отраслях деятельности.

Отцу отдали чтение лекций на основных факультетах. Я сам лично не раз слышал от

бывших студентов отца, что его лекции просто завораживали – и не только своим содержанием, но и самой личностью лектора. Конечно, это легко представить: отец был прекрасным собеседником, человеком высокой культуры, эрудированным, с высочайшей скоростью и логикой мышления. Добавьте к этому предмет – сама наука психология, эта тайна человеческого поведения, которую перед вами вдруг начинают открывать во всей ее сложности и важности, да еще такой лектор – не удивительно, что в самые короткие сроки отец завоевал настоящий авторитет среди студентов и среди преподавателей, побывавших на его лекциях. Кроме того, общаясь с людьми – будь то коллеги или студенты или соседи по общежитию – отец был очень внимателен к ним, всегда внимательно слушал и всегда очень доходчиво говорил – даже о самых сложных вещах. Конечно, за короткий срок он стал не просто уважаемым преподавателем, он стал человеком, с которым люди хотели говорить, обсуждать сложные проблемы или просто беседовать. Однако, это вовсе не обеспечило отцу быстрого продвижения по служебной лестнице. Я думаю (и это также нашло подтверждение в рассказах мамы), что даже наоборот - в какой-то мере замедлило, что одновременно с ростом авторитета отца в глазах многих студентов и преподавателей, росла и настороженность в отношении него со стороны администрации кафедры и института. Ведь им наверняка

открылись такие качества отца, как настойчивость, уверенность в своих взглядах на науку и подготовку студентов, уверенность в себе, и, как следствие – невозможность им управлять административными рычагами. Отец не только имел свой обоснованный взгляд на многие вопросы управления, но и не боялся их высказывать и отстаивать. Не раз на заседании кафедры отец высказывал свои соображения о том, что работа кафедры нуждается в серьезных изменениях, что надо ориентировать ее на научные исследования, вовлекать в них студентов, развивать работу кафедры в области применения психологи и т.д. Он высказывал множество предложений о направлениях развития кафедры, которые тогдашнего руководителя, очевидно, не вдохновляли, как, видимо, и большинство преподавателей кафедры – никто особо рьяно предложений отца не поддерживал. Возможно, всех устраивала эта неторопливая спокойная жизнь с расписанием, занятиями, собраниями – и не более того. Отец же, что называется, рвался в бой, и у него было для этого все: знания, страсть к исследованиям и уверенность. Однако, этого было недостаточно: надо еще было, чтобы была воля руководства к этому. А ее как раз заполучить и не удавалось. Конечно, отец делал все, что мог в этой ситуации: как можно больше выступал на разных конференциях, в том числе и в крупных городах страны, занимался самостоятельно, собирая

материал для докторской диссертации, и даже организовал группу по изучению семейной психологии. Группа состояла из мамы и Селезневой .

Но все это, конечно, были лишь частицы того, к чему отец стремился. Он хотел жить и работать среди таких же как он – ученых, стремящихся к развитию науки, исследованиям, приложениям... Вместо этого он видел отсутствие научного направления и нежелание руководства что-то поменять. Он все время пытался убедить в необходимости перемен. Прошел один год, второй , третий, а ему все не удавалось что-то изменить в этом направлении. И отец решил, что лучше бы ему было жить и работать в Москве или Ленинграде – там, где научная мысль и исследования набирали свой рост. Отца звали. Его звал профессор Ананьев в Ленинград – продолжить научную работу. Его звали его бывшие сокурсники Ломов и Шорохова, обосновавшиеся в Москве. И отец хотел уехать. Он всегда хотел уехать. Все годы, что жил в Ижевске. Возможно, это сообщение удивит даже тех, кто знал отца очень близко, он, наверное, не рассказывал об этом, но это так – я это знаю от мамы. Те, кто хорошо знал отца, возможно, заметили, что у него часы всегда показывали московское время, он их не переводил на Ижевское. Возможно, это помогало ему чувствовать хоть какую-то причастность к столице, надеяться, что удастся... Но уехать было

практически невозможно. Невозможно было жить без прописки – это уголовное преступление. Прописаться в Москве тоже невозможно. Мама отца пыталась что-то сделать в Ленинграде, даже для этого познакомилась с какой-то паспортисткой, но тоже ничего не получалось. Даже предлагала маме с отцом фиктивно развестись – возможно, одного отца она сумела бы прописать к себе... Отец пытался подавать на конкурсы в институты Москвы и Ленинграда. Здесь тоже все было не так просто. Во-первых, он так и не получил до сих пор звание доцента - хотя обычно оно присваивалось через 2-3 года после защиты диссертации – а это также затрудняло участие в конкурсах. Причины, почему до сих пор не было присвоено звание, назывались разные, но звание все равно не присваивали. Однажды причиной было названо недостаточное количество публикаций. Хотя у отца было написано большое количество статей, но он не мог их опубликовать - в Удмуртии его не публиковали, потому что это было не про Удмуртию, а про какую-то психологию, к тому же и написано далеко не коренным жителем Удмуртии... В общем, с этим были проблемы, а пробиться на публикацию в Москве было невероятно сложным делом, если ты там не живешь... Но основной причиной было то, что в институте постоянно задерживали документы, которые надо было периодически отправлять в ВАК. Отец предполагал, что это делалось намеренно – чтобы не дать ему уехать.

Для участия в конкурсах надо было представлять документы из института, поэтому, когда отец запрашивал их, руководство института понимало, к чему это все и что, значит, он хочет уехать. И, наверное, оно, руководство, не хотело этого. Конечно, оно, руководство, было уверено, что не хочет отпускать хорошего преподавателя, заботится о кадровом составе института. Но я почему-то думаю, что истинная причина – в вечном стремлении администрации укротить буйных и показать, кто в доме хозяин. Ну, не любят бюрократы свободных и мыслящих – что тут сделаешь. Может, завидуют, а может, и вправду считают, что свобода – это вредно... Система была построена так, что у таких людей сами собой возникали вот такого рода препятствия.

Мама потом говорила, что если бы они смогли уехать в Ленинград или Москву, то отец бы, конечно, смог сделать гораздо больше из того, что хотел и мог. Он уже к 1960 г. защитил бы докторскую диссертацию, а это дало бы много дополнительных возможностей – в первую очередь, время и базу для дальнейших исследований. Конечно, отцу везде трудно было бы продвигаться – неуправляемых и свободных не любят нигде, а ущемление евреев хотя и не было объявлено государственной политикой, но по сути ей являлось. И все же в сообществе единомышленников, в научных кругах, где в первую очередь оценивали научные достижения и

потенциал, ему было бы гораздо комфортнее, и работа, конечно, была бы эффективнее.

Много лет спустя, в 1964 г. зав.кафедрой Харитонов решил уехать на родину – в Чувашию. Причина такого решения неизвестна, но, я думаю, присутствие такого напористого и грамотного преподавателя, как отец, тоже сыграло свою роль. Для всех уже было понятно, что отец – не только прекрасный преподаватель, но и интересный, уважаемый человек, и к тому же с явными организаторскими способностями. А учитывая наличие степени, Ленинградского образования и большого уже стажа работы, было очевидно, что, наверное, он и был бы лучшим кандидатом на место зав. кафедрой. Так вот, уезжая, Харитонов порекомендовал на свое место ... маму. В смысле, мою маму, Анну Михайловну. Она, конечно, тоже была в психологии специалистом высокого уровня, но вряд ли демонстрировала свои устремления в области организации работы кафедры и руководства людьми, и, как она сама подтвердила, никогда не имела такого желания. То, что отец был более подходящим кандидатом, не вызывает никакого сомнения. И предложение Харитонova насчет мамы – это, скорее всего, была просто еще одна попытка не дать отцу продвинуться, или хотя бы просто заставить его еще больше переживать – ну, в общем, прижать хоть как-нибудь...

Забегая вперед, скажу, что отец получил звание доцента только через 14 лет(!) после защиты. Я

представляю, каково было ему переживать все это, он ведь, конечно, все понимал, все механизмы, все мотивы, которые действовали. Я думаю, он очень сильно это переживал, любой может себе представить, каково это: видеть, чувствовать свой потенциал, быть уверенным в нем – и не иметь возможности его реализовать. Понимать истинные причины всех проблем – и не иметь возможности что-то поменять...

Спортивный факультет.

Возможность реализовать организаторские способности пришла к отцу совершенно неожиданно и с той стороны, с которой, я уверен, он и сам ее не ждал. В институте был факультет под названием «спортфак» - спортивный факультет, т.е. там учились спортсмены. Поскольку институт был педагогическим, то, наверное, предполагался какой-то педагогический уклон в их обучении. Фактически же там готовили спортсменов, которым потом выдавали диплом о высшем образовании. К тому времени у факультета был целый набор проблем: студенты не хотели приобретать теоретические знания и считали, что их задача состоит только в том, чтобы заниматься спортом и добиваться спортивных успехов. Преподаватели, очевидно, тоже поддерживали такую точку зрения. Сами преподаватели (не все, конечно) к своей преподавательской работе в связи с этим тоже

относились весьма прохладно. А если ты работаешь на работе, которую не считаешь нужным хорошо исполнять, это обязательно повлечет серьезные проблемы. И повлекло. На факультете нередко имело место пьянство, факультет был неорганизованным в учебном плане, расписание было такое, что невозможно было угадать, какие занятия будут завтра, можно ли будет пропустить лекции и семинары, чтобы убежать на тренировку... Такое отношение к учебному процессу привело даже к припискам: некоторые преподаватели фактически не проводили занятий, которые показывали в отчетах и за которые получали зарплату... И этот процесс никто не мог остановить, более того, он набирал силу...

Конечно, М.П. Бабин (директор института) наверняка давно искал выход из этой ситуации, его не могло устроить такое положение дел. Он наверняка искал человека, который сможет возглавить спортфак и решит все проблемы, но, видимо, не находил такого человека на факультете. И в конце концов он принял решение – предложил отцу возглавить его. Я лично думаю, что вот это назначение – очень даже непростое для директора решение – о многом говорит. Ведь для этой должности у отца практически не было, так сказать, очевидных преимуществ: не спортсмен (более того – инвалид), не удмурт – а политика того времени требовала продвижения местных кадров, хуже того – еврей! Если добавить

к этому, что на спортфаке наверняка было достаточно преподавателей, которые полагали себя способными возглавить факультет, то можно представить, какого высокого мнения был директор о тех качествах отца, которые в данном случае требовались, чтобы переломить ситуацию на факультете: организаторские способности, воля, решительность и многие другие. Понятно, что такое решение вызвало негодование многих. Я это знаю не только по рассказам, но и сам читал статью в какой-то газете (возможно, внутриинститутское издание), которую я нашел в нашем семейном архиве, автор писал, что это крайне негативно отразится на факультете - если его возглавит человек, далекий от спорта. И дальше шло перечисление отрицательных качеств людей, которые не являются спортсменами... Отец, действительно, спортом не занимался. И все же это не помешало ему понять спортсменов и студентов факультета, и не только понять их проблемы, но и решить их! Отец возглавлял факультет в течение 5 лет, и за это время факультет стал полноценным участником учебного процесса и студенческой жизни. Студенческой жизни, в первую очередь самостоятельности, отец придавал особое значение. Наверное, видел в этом способ объединения студентов и придания им чувства принадлежности к студенчеству, т.е. сообществу, объединенному обучением и профессиональной подготовкой. Я помню, как наш преподаватель

физкультуры в 30-й школе, Владимир Леонидович Черезов, рассказывал нам, как он поступил на факультет, когда деканом был отец. «На собеседовании декан сказал, что надо участвовать в художественной самодеятельности, на что я ответил, что делать ничего не умею, я не хотел ни в какую самодеятельность. Декан меня спросил: «Танцуешь?» - «Нет». - «Стихи читаешь?» - «Нет». «Тогда в хор!». Не знаю, каким был Владимир Леонидович на момент поступления в институт, но когда я у него учился, он был человеком необычайно общительным, великолепным рассказчиком с отличным чувством юмора. Помню, например, как проходили соревнования не то районные, не то городские по гимнастике среди школьников. Поскольку я занимался спортивной гимнастикой, на меня, видимо, возлагались особые надежды. В частности, я мог много раз подтянуться. Перед подтягиванием Владимир Леонидович напутствовал меня так: «Ну-ка, Левик, крестьянский сын, задай им жару!». В общем, мы любили общаться с ним – а что может быть более важным качеством учителя? Может, участие в студенческой самодеятельности в какой-то мере поспособствовало этому... Отец многое изменил на факультете. Одной из серьезных задач оказалось расписание. Расписание занятий было таким, что можно было пропускать занятия, т. к. они часто накладывались на тренировки, и никто не мог с уверенностью сказать, когда какое занятие

состоится. Возможно, это было связано еще и со спецификой факультета: его студенты серьезно занимались спортом, ездили на сборы и соревнования, некоторые преподаватели являлись одновременно тренерами. И все же расписание было необходимо, и такое, которое было бы возможно соблюдать. Мама рассказывала, что отец много времени отдал решению этой сложной задачи. Да я и сам помню, как он много вечеров – и, наверное, ночей тоже – провел на кухне перед разложенным листом ватмана. На этом листе были нарисованы клеточки (я думаю, расчерчен недельный календарь по дням и учебным парам), на этих клеточках приколоты квадратики по их размеру (наверное, названия предметов). Для отца эта задача была, я думаю, одновременно и важной, и интересной – ему была интересна любая гимнастика ума. В конце концов он сумел сделать расписание удобное, понятное и предсказуемое для студентов и преподавателей. Много лет спустя, когда я сам был студентом и специализировался на программировании, отец спрашивал меня, есть ли такая задача в программировании, как составление расписания. А такая задача действительно была известна тогда, разрабатывались алгоритмы.

Много времени и внимания отец уделял быту студентов, включая условия проживания в общежитии, стипендии и даже питание в столовой. Дошло до того, что он предлагал создать студенческую комиссию по качеству пищи в

столовой - это дало бы более объективные оценки, в отличие от комиссии преподавателей, которые и питались-то отдельно.

Отцу приходилось заниматься всем, включая даже вызволение студентов из милиции. Спортсмены – народ физического ощущения жизни, так что проступки у них случались чаще, и они чаще попадали в милицию, что в те времена всегда грозило неприятностями в виде обязательной общественной реакции, которая могла выразиться и в отчислении из института. Когда такое случалось со студентами спортфака, отец сам ехал в милицию, просил отпустить провинившихся, обещая лично воздействовать на них. И ему всегда удавалось убедить работников милиции, ведь если слушать отца, с ним нельзя было не согласиться – он всегда говорил очень убедительно. А не слушать его было невозможно – настолько он умел завладеть вниманием любого собеседника. Тут я должен отвлечься, чтобы вспомнить процесс вызова к отцу на кухню.

Когда отец работал дома – писал статьи, готовил лекции – он всегда работал на кухне. Почему - я объяснить не могу. Конечно, у него не было дома своего кабинета, но он мог бы, например, работать в их с мамой комнате – там и места больше. Но он работал на кухне. Кстати, несмотря на то, что я не вижу этому объяснения, я сам - если мне случается работать дома – работаю на кухне. И этот текст сейчас набираю там же. И тоже не знаю, почему. Возможно, нахождение на

кухне создает впечатление, что все происходящее в доме находится у тебя под контролем. Так вот, когда отец работал на кухне, то он оттуда и руководил семьей. В частности, проводил с нами беседы. Беседы проводились по конкретным поводам – я не помню, чтобы отец «занимался воспитанием» типа рассказывания поучительных историй о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Беседы проводились тогда, когда мы в чем-нибудь провинились. И тогда следовал вызов к отцу. Путь до кухни из нашей комнаты пролегал через длинный (с учетом мерок того времени и детского роста) коридор. Конечно, мы не бежали по нему вприпрыжку, а старались идти медленно, чтобы хоть немного оттянуть момент «представления» перед судом... Я до сих пор, как сейчас, вижу эту дверь, которую, войдя по вызову отца, полагалось закрыть – и это окончательно лишало надежды на легкое избавление и демонстрировало твою полную незащищенность перед правосудием... Отец никогда нас не ругал. В смысле, он не повышал голоса. За всю жизнь я помню лишь один такой случай – отец кричал на Люсю. Но это было исключение, о котором расскажу позднее. В остальных случаях все было гораздо хуже – он разговаривал с нами очень тихо. Так тихо, что не слушать было невозможно, и невозможно было в тот момент избавиться от внутренней дрожи. Хотя никакого давления не было – это был вроде бы обычный разговор, вроде бы нормальное требование рассказать, что произошло. Без

всяких наводящих вопросов и полностью. Более того – зачастую даже не обозначалась тема, отец мог просто сказать «Ну, рассказывай». Но при этом он смотрел таким взглядом, что просто не оставалось шанса что-то скрыть, наоборот – хотелось скорее все выложить и освободиться от этой процедуры, и только чистосердечное признание могло проложить путь к этому освобождению. Я не знаю, сколько раз на требование «рассказывай» я рассказал совсем не о том, что было причиной вызова, – наверное, много. Но это было уже неважно – главное, чтобы быстрее закончилось. Не было никакого желания что-то скрывать – наоборот, выложить все сразу, чтобы сократить этот процесс. И ведь ничего специально отец для этого не делал – просто тихо говорил и внимательно смотрел, а вот ведь в какое состояние приводил «подсудимого»... А может, только в такие моменты я и осознавал степень своей вины в обсуждаемых событиях, о которых до этого старался не думать? – возможно. Но точно помню, что во время такого разговора исчезало все вокруг – никакого окружающего мира, только отец и я. И этот тихий голос, к которому невозможно не прислушаться... Впоследствии, став немного старше, я попытался изобрести противоядие – во время разговора думать о чем-нибудь другом, например, приятном – но это совершенно не получалось. Разговор отца в таких ситуациях, собственно, и начинался с того, что он внимательно смотрел на меня таким

взглядом. Однажды, я помню, - это было вовсе не на кухне, и вовсе я не был вызван, - мы находились в гостиной – отец, мама, я – все было хорошо. И вдруг отец начал смотреть на меня этим взглядом, на который у меня уже, видимо, был устойчивый рефлекс. Минуты через 2 этого взгляда я уже находился в состоянии той самой незащитности перед приговором, даже не зная, в чем меня могут обвинить. Отец посмотрел на меня еще минутку, а потом, когда я уже, видимо, совсем оцепенел, улыбнулся, давая понять, что это была шутка. Невозможно выразить степень испытанного мною облегчения. Вот так, без всяких слов, одним взглядом отец мог вызвать бурю разных эмоций.

Так что – возвращаясь к спортфаку – у милиционеров тоже не было шанса не начать слушать отца, а начал слушать – так закончишь полным согласием со всем сказанным. Кстати, вызволение студента из милиции вовсе не означало для студента окончание ответственности. Напротив, она только начиналась – на факультете он получал от декана, что называется, «по полной программе». Это вообще было характерно для отца: он защищал своих перед чужими, независимо от обстоятельств дела. А потом уже, сообразно обстоятельствам, разбирался. Так же было и с нами: если, например, нас ругали соседи, то мама тут же бралась нас вразумлять, а отец, наоборот,

вступался за нас, а уж дома разбирался по существу.

Основные усилия отца на спортфаке были направлены на формирование процесса обучения студентов. Он считал, что факультет должен готовить не просто спортсменов, а педагогов в области спорта – образованных специалистов, умеющих быть преподавателями спорта – учителями физкультуры, тренерами. Для этого мало быть хорошим спортсменом, надо быть педагогом, настоящим учителем – и не только по названию профессии, но и по сути – уметь вызвать интерес к предмету, вдохновить на обучение, увидеть слабые и сильные стороны ученика и, наверное, самое главное – суметь завоевать его доверие, чтобы помочь ему во всем этом. А для этого надо овладеть специальными знаниями и умениями. И это отец считал обязательными направлениями в обучении студентов спортфака. Практически никто в администрации института тогда с этим не соглашался, отец вынес это предложение на учёный совет – не утвердили, и сколько же отцу пришлось приложить усилий, чтобы преодолеть это сопротивление и сложившиеся стереотипы. И ему это удалось, хотя и не полностью. В связи с произошедшими переменами уже при нем факультет переименовали – и это отражало новое содержание учебного процесса – в факультет физического воспитания, а теперь – через 20 лет –

он называется «педагогический факультет физкультуры и спорта».

Много времени и сил ушло на комплектование преподавательского состава факультета. Наверное, это было непросто, на факультете сложились свой состав, свои нормы поведения и отношения... Отцу удалось изменить ситуацию на факультете и собрать хороший коллектив преподавателей, избавиться от тех, кто не видел свою задачу в качественном преподавании и воспитании специалистов, привлечь на работу желающих по-настоящему работать, готовить настоящих педагогов спорта. Обстановка на факультете изменилась, он превратился из просто группы спортсменов в коллектив настоящих преподавателей – образованных, интеллигентных людей, видящих свою задачу в образовании студентов. Я сам знаю многих из них – они продолжали работать на факультете много лет, в том числе и в годы моего студенчества. Хотя я учился на другом факультете, но я занимался спортом и много общался с преподавателями и студентами спортфака и даже одно время выступал за факультет в конкурсах художественной самодеятельности!

Отец руководил спортфаком 5 лет. Следующим деканом стал Валерий Павлович Кренев – профессиональный спортсмен, гимнаст. Интересно, что к моменту назначения отца деканом, семья Креневых уже приехала в Ижевск. Оба профессиональные спортсмены, гимнасты

(Валентина Васильевна – жена Валерия Павловича – тоже была гимнасткой), с высшим спортивным образованием. Так что были вполне обоснованные ожидания, что деканом сразу назначат Валерия Павловича. Я думаю, что Бабин остановился на кандидатуре отца потому, что у отца уже был опыт преподавания, он уже зарекомендовал себя как способный волевой человек, и это то, что нужно было факультету, чтобы суметь провести столь серьезные изменения. И для этого не обязательно было быть спортсменом. Так что вот такое небольшое противостояние сопровождалось вполне понятной напряженной обстановкой и отношениями, ситуация во многом подогревалась намеренно, наверное, некоторые преподаватели хотели конфликта. Но конфликта не получилось. И отец, и Валерий Павлович – оба мужчины высокой культуры, интеллигенты, фронтовики – преодолели эту проблему вполне достойно, разочаровав, очевидно, любителей интриг, а впоследствии вообще стали друзьями, и мы много времени проводили вместе семьями, а Леха Кренев – мой друг вот уже 45 лет. И многие эпизоды из нашей жизни связаны с нашими отцами. Вот один из них: кто-то у кого-то (то ли мой отец у Валерия Павловича, то ли наоборот), попросил денег взаймы. Какую-то достаточно большую сумму, скорее всего, это было связано с покупкой машины – они оба были заядлыми автолюбителями. При передаче денег состоялся

такой диалог (мы с Лехой были в соседней комнате и все слышали):

- Расписку написать надо?

- Ну, а ты как думаешь?

- Я думаю, что не надо.

- И я тоже так думаю.

Годы работы отца на факультете физического воспитания оставили самые лучшие воспоминания у студентов и преподавателей. Многие из этих воспоминаний опубликованы в различных статьях, посвященных профессиональной деятельности отца. Вот некоторые из них.

Из воспоминаний Владимира Васильевича Осинцева, профессора, заслуженного работника физической культуры УАССР, отличника народного образования РСФСР, ветерана ВОВ :

... Сначала Павел Лейбович «чувствовал себя не в своей тарелке»: он не спортсмен , инвалид ВОВ, до него все деканы были только профессионалы-спортсмены, некоторые преподаватели возмущались его назначением ... Но потом отношение очень изменилось.

П.А. детально и глубоко изучил учебный план, внёс большие усовершенствования в расписание : сумел совместить учебную работу и спортивное совершенствование! Это создавало большой порядок и удобство. Систематически занимался кадрами, укреплял ими факультет, все курсы в результате были обеспечены высококвалифицированными специалистами.

Настойчиво создавал условия для самостоятельной работы студентов, что было крайне необходимо.

П.А. вникал во всё, что происходило на факультете, «болел» за студентов на соревнованиях, в конкурсах самодеятельности, особенно восхищался теми, кто отдавал всю свою энергию студентам.

П.А. отличала интеллигентность, большая выдержанность в общении, вежливость, отсутствие крика, индивидуальный подход. Он преподавал психологию на высоком научном уровне, требовал от студентов высокого внимания и ответственного отношения к науке, умел заинтересовать её проблемами.

П.А. стал самым уважаемым из деканов, признанным лидером, прекрасным товарищем, от которого всегда можно получить помощь, совет, интересный собеседник, преданный семьянин. Пятилетие его руководства – серьёзный вклад в развитие факультета!

Вспоминает Черных Н.В., старший преподаватель.

... Участник ВОВ, инвалид войны, но мы с ним всегда почему-то находили общий язык, разговор всегда был с юмором - будь это о задачах смотря художественной самодеятельности или напутствие декана накануне ответственных соревнований.

... П.А. на лекциях умел держать дисциплину, умел заинтересовать студентов практически

примерами. Тогда студенты оживлялись и особенно внимательно слушали. По психологии получить оценку «хорошо» - это почти «красный диплом»...

П.А. очень активно и трепетно помогал студентам в подготовке к смотру художественной самодеятельности. Кстати, попасть на наш смотр – это было как купить билет в Большой театр! П.А. умел находить таланты среди студентов, помогал и доверял активу факультета в организации проведения лекций, концертов, пропаганде спорта для населения УАССР.

Студенты очень уважали П.А., гордились им! О П.А. можно писать и рассказывать очень много...

Касихин Анатолий Михайлович:

... он обращал специальное внимание на **ВСЕСТОРОННЮЮ** подготовку будущих преподавателей.

П.А. проводил занятия со студентами по курсу психологии и педагогики. Как преподавателя его отличали высокая грамотность и эрудиция. Он был последовательным, требовательным преподавателем, вводившим новшества в учебный процесс. Уже в те годы он ввёл первым досрочно автоматическую оценку зачёта и экзамена для отличников. А это повышает инициативу и качество образовательного процесса у студентов.

Нина Александровна Беляева, старший преподаватель спортфака, ветеран труда:

...до ВУЗа работала на мотозаводе, закончила вечернюю школу, хотела поступить на иностранный факультет, но на немецкий язык не было приёма. Предложили спортфак, не знала о нём, но подала заявление. В деканате П.А., строгий, пронизательный взгляд, внимательно выслушал. Посоветовал: « Дорогая, отца нет, доработай месяц, получи зарплату, тогда приходи, примем». Я сразу увидела - он не такой, как все – отеческое отношение!

Он много внимания уделял воспитательной работе со студентами, требовал, чтобы учёба, а не соревнования была у нас на первом месте. Особенно мы видели его помощь на первом курсе: многие предметы мы не знали, он терпеливо разъяснял, узнавал про каждого студента, никогда не слышала недоброго слова от него!

А лекции – умнейший преподаватель! Трудно было, но старались каждое слово не пропустить, записать.

П.А. для факультета был отцом и матерью, лучшим советчиком, психологом и педагогом , а это – главное! Сейчас бы такого! Вспоминаем его с коллегами до сих пор...

Мамина аспирантура

Руководя спортивным факультетом, будучи совершенно увлеченным работой, отец все же не забывал, что он хотел большую семью. В 1956 г. родилась моя сестра Люся, она родилась в Ленинграде, но исключительно потому, что мама специально поехала рожать туда, чтобы бабушка (мама отца) могла ей там помогать. Точно так же четырем годами раньше в Ленинграде родилась и Наташа, когда мама жила в Сыктывкаре. В 1959 г. родился я. Со мной уже так не церемонились – где жили, там и родился, т.е. в Ижевске. Отец очень хотел сына, так что когда я родился (тогда УЗИ еще не было, и до самого рождения не знали, кто будет – мальчик или девочка), он бегал по этажам всего дома, делаясь своим счастьем со всеми соседями. Мама рассказывала, что отец всегда хотел большую семью.

Но при всем при этом, он и помыслить не мог, чтобы мама оказалась на каких-нибудь второстепенных – даже по сравнению с ним – ролях. И он убеждает ее поступать в очную аспирантуру. Это, конечно, было не на пустом месте. Работая в школах, а затем в институте, мама вела серьезную научную работу, во многом ей помогал отец, конечно. Так что ей было с чем идти в аспирантуру и стремиться к защите диссертации. Даже по сегодняшним меркам (а может быть – по сегодняшним меркам тем более),

одно лишь предположение о том, чтобы уехать от семьи – от мужа и трех таких маленьких детей – 2, 6 и 10 лет - на два года могло вызвать – и вызвало – массу не поддерживающих эмоций и мнений в среде знакомых, соседей и даже родственников, от удивления до категорических возражений. Но отец был непреклонен.

Вот как вспоминает об этом времени мама:

«Эти годы (1962 – 1964) тоже особый этап в нашей супружеской, семейной жизни: согласиться расстаться с семьёй, с тремя малышами, чтобы учиться в очной аспирантуре – «уму непостижимо»!! Многие соседи, коллеги не одобряли, смущались, возмущались, не верили, что получится, что выдержим. И на П.Л. смотрели как на сверхгероя, как на ненормального. Не случайно же меня в Москве не приняли: «трое маленьких детей!? Какой может быть результат!» А в Ленинграде добрый профессор Голант Евгений Яковлевич взял надо мной руководство, поверил в меня! И я втройне рада, что не подводила его!...»

И опять П.Л. долго и настойчиво уговаривал меня поехать, решиться, что всё будет в порядке, что несправедливо, если я останусь на всю жизнь без научной степени, что мы не простим себе этого (а мне было 34 года, очная аспирантура разрешалась до 35). К этому времени я уже несколько лет собирала экспериментальный материал, но...не могла сочетать научную работу с педагогической, с общественной работой

и семьёй...Директор (Бабин М.П.) тоже настаивал на очной аспирантуре... До сих пор(2008 г.) у меня перед глазами одна из картинок : малыши, Лёва с Люсей, держась за руки, со слезами на глазах провожают меня, а я сажусь в автобус, стараясь улыбнуться им, а на сердце...»

Кстати, как ни странно, но я тоже помню этот момент – мы с Люсей проводили маму до автобуса №22 (я даже это помню! – а ведь мне было только 2 года) около «Блинной» на улице Коммунаров и шли обратно, держась за руки, и громко плакали. Видимо, это действительно был большой стресс. А уж тогда можно представить, каково это все было маме! *«Но - «нужно» - вспоминает мама – «этот мотив всю жизнь был на первом месте, всё больше объединяясь с «могу» и «хочу».*

Решение отца мне очень понятно. Это был момент, когда могло быть принято другое, более легкое решение – не ехать. Ну, ведь не обязательно же иметь маме ученую степень. И мама, я думаю, с радостью бы согласилась. Но отец отлично понимал, что этот шаг (не ехать) станет первым шагом к ослаблению профессионального развития мамы, что неминуемо поставит отца и маму на разные профессиональные плоскости. А он хотел, чтобы они были ВМЕСТЕ, он не хотел для мамы никаких вторых ролей, и он понимал, что этот шаг – так же важен, как и его аспирантура в свое время. И был готов на это. Он всегда был готов к

трудностям и лишениям ради будущего... В том, насколько он был прав и дальновиден, можно легко убедиться, если прочитать мамину статью «Судьба на двоих». Но самое главное, я думаю, даже не в том, насколько он был прав и дальновиден, а в том, что имея столько довлеющих обстоятельств – большая семья, дети маленькие, квартира маленькая, жизнь трудная и т.д. – отец ни на минуту не забыл своей мечты – чтобы они с мамой были ВМЕСТЕ всегда и везде – в том числе и на одном профессиональном уровне. Никакие проблемы не помешали ему помнить то, о чем мечталось много лет назад, и стремиться к этому, не смотря ни на что. Я думаю, что вот это качество – оно очень важно. Я думаю, что многие люди постепенно забывают, о чем мечталось в молодости, а разные обстоятельства становятся предлогом, позволяющим немножко отклониться от пути, о котором мечтал, потом еще чуть-чуть, потом еще, а потом и вообще забыть этот путь и оказаться совсем на другом пути, ведущим уже совсем не туда, и уже думать, что это и есть твой путь, и что вроде ты этого и хотел... Кто знает, как все сложилось бы, не прими отец такого решения, не уговори он маму. Но он и принял, и уговорил, и остался с нами – тремя маленькими детьми. Потому что он точно знал, чего хочет, и как этого достичь.

И далее опять бесконечные письма...

«Здравствуй, моя дорогая Анечка! Я – за письменным столом, а ребята уже спят. Лёва,

правда, не очень спокойно: нет-нет, да и приподнимется, убедится, что я в комнате, и снова ляжет. Придётся, наверно, лечь с ним. Только опишу тебе сегодняшний день. Бабин (директор) дал отношение в горгаз ; я его сразу отнёс, сказали, что в сентябре будут баллоны и сразу установят газ. Ребята все здоровы, и я уже чувствую себя хорошо. Мы ещё питаемся тем, что тобою приготовлено. Сегодня ребята смотрели телевизор, и я дал им поиграть на нашем диване. Лёва один раз спрашивал про тебя – я ему сразу сказал, что мама уехала в Ленинград, и он принял это спокойно. А Люся приняла это как известное ей. Наташа ведёт себя хорошо, только уборку, которую ты ей поручила, она сделала не полностью. В общем, Анёк, жизнь идёт своим чередом, и, хотя и тоскливо в первое время без тебя, а жить живём нормально, и ты не беспокойся. Спокойной ночи, дорогая моя...Ну вот, Анечка, ты, наверно, уже подъезжаешь к Ленинграду, и самые тяжёлые часы и минуты позади. У нас по-прежнему всё в порядке. Сегодня варил курицу, все с аппетитом поели. Особенно много ест Лёва, он в садике ещё плохо кушает, но ничего – дома навёрстывает. Всё же завтра зайду посмотреть, как он там ест. Я пока с непривычки не могу заняться другими делами, кухня занимает много времени. Но я уже начал постигать её тайны и вижу, что смогу экономить время. Всяческих тебе успехов,

родная, и хорошего настроения. Все мы тебя целуем!»

Любимый мой, только отъехали – сразу начинаю писать – в этом теперь моё спасение... Соседка-учительница с Украины-с мокрыми глазами – тоже рассталась с детьми и внуками, успокаиваем друг друга... Всё смотрю на часы: что вы сейчас делаете? Дорогие мои ребятишечки, без мамы не скучайте! Помогайте папе. Лёвочку берегите. Жду от вас писем и рисунков... 18 часов – теперь вы, наверно, ужинаете и посмотрите телевизор. Наташенька, вычисти, доченька, чайник – чтоб блестел снаружи. А ты, Павлук, горшок, чтобы Люся ночью не ходила в уборную, и Лёва знал своё место сам. Спокойной вам ночи, любимые мои! Всё бы отдала, чтобы быть с вами! Но ... не имею права...

«Дорогая моя Анечка, большой тебе привет от меня и наших ребятишек! Ты ещё не в Ленинграде, но когда письмо дойдёт – уже освоишься там. Пока у нас всё в порядке. Лёву, как ты и велела, мы вчера и сегодня не выводили гулять (-32). Он такой же здоровенький. Спал нормально. В 3 часа начал кричать «мама», я позвал его к себе, и он тут же сладко уснул. Люся утром что-то жаловалась на голову, но температуры не было, наверно, не хотелось идти в детский сад. Вечером присмотрюсь к ней. Купил ей одну книжечку. Наташа с утра пошла к Калининым – идут вместе в кино на «Конька-горбунка». Мы с нетерпением ждём от тебя

вестей. Целуем много – много раз и открываем счёт 1: бесконечность, значит, бесконечное количество дней до встречи , и значит, всё счастье – впереди.»

«...А теперь мы в Москве. Билеты на Ленинград удалось закомпостировать только на 24 часа. День провели плодотворно: сначала экскурсия по Москве (спец. автобус), сейчас сидим в театре(!) Немировича-Данченко, слушаем комическую оперу Моцарта «Так поступают все женщины». Устали очень, но довольны - день не пропал. Наташенька, ты права - на Ленинских горах есть трамплин! Когда будем в Москве все вместе, обязательно поедем на экскурсию - это интересно!»

«Анечка, дорогая моя! Целуем тебя всей нашей семьёй, желаем благополучного устройства и ждём первых вестей. У нас всё в порядке. Дети пока не болеют, хотя объявили карантин из-за гриппа. Люся ходит в садик, Лёва ещё скучает без тебя, особенно по утрам, но вскоре привыкнет, конечно. Скучает и Наташа, но увеличение каникул её определённо взбодрило. Сейчас 6.30 утра – картина тебе знакомая: Лёва с Люсей на диване «плавают в море». Я тут же за столом пишу. Сегодня у меня 3 пары занятий, завтра экзамен и консультация. Прошу тебя, насколько позволит время, делать вырезки из ленинградских газет о случаях проявления воли и безволия и пересылай их мне...» (отец работал над докторской диссертацией и над статьёй)

...Родной мой, напиши о себе поподробней: как проходит твой день? Чем ты сейчас занимаешься? Какие у тебя научные мысли? Будь у меня красивым, гладь брюки, вовремя меняй рубашки. Мойтесь регулярно, чтоб у девочек волосы были чистые, ноги не забывают мыть! Павлушок, если бы ты знал, как мне не хватает заботы о вас! О тебе, о детях, у меня жуткая потребность в этом! ...Одно спасение - занятость работой, беспокойство о ней, но она идёт медленно. Пока только на уроках русского языка проводим экспериментальное обучение, а на арифметике и географии ещё не начинали -как-то учителя примут? -это главное. Мне кажется, что надо показать, как наш способ будет влиять на умственное развитие детей, а Голант на это не идёт. Главное - он считает - дать систему приёмов формирования умений и навыков, т.е. чисто педагогический план. Много читаю литературы, но и заставляю себя переключаться, иначе плохо со сном и болит голова. ..

....К вам едет мама!! (мама отца - наша бабушка Ева - поехала из Ленинграда в Ижевск помогать отцу управляться с нами). Теперь всё будет хорошо! Как я завидую маме - она всех вас увидит, обнимет, будет жить с вами! Как же мне тяжело без тебя, без детей! И какое счастье, что вы есть у меня! - учусь твоей философии. Наташенька, напиши обязательно, в какую смену учишься? С кем сидишь? Когда по 5 уроков? Свой режим, как твои дела? Будь умницей, и тогда у меня всё будет получаться лучше. В

Ленинграде нет никакой крупы, макарон, муки, за картошкой большая очередь. А как у вас? Павлик, будьте всегда с запасом...

Анечка, родная моя, прости, что пишу карандашом - Лёва куда-то дел ручку. Два дня уже, как мы встретили маму, поэтому я не писал - она сразу тебе написала. На маме только кухня, и днём она ложится отдохнуть, как ты велела! Наташа пока учится нормально - за диктант получила 5, по истории - 4, в тетрадах троек нет. Очень ждёт уроки природоведения, «когда будут измерять, сколько весит воздух». В музыкальной школе договорился: теперь удобное расписание. У нас пошли дожди - везде грязь и слякоть. Ребят одеваю, как надо - об этом ты не беспокойся. Двор и стадион обнесли новым забором - стало солидно и красиво. А главное - удалось провести газ и местком дал разрешение на постоянное посещение Лёвой детского сада (Пономарёвым и Калининым тоже). Твоя брошюра выходит, но название немного изменили: «Комментирование на уроках русского языка в опыте школ г. Ижевска» (предложило министерство), я дал согласие...

...Дорогие мои, поздравляю вас с приездом мамы. Какие вы счастливые! А у меня сплошные переживания: добралась я, наконец, до диссертации Сухобской. И что ты думаешь? Её схемы - это наши письменные объяснения (такие же условные обозначения, разделения чёрточками и т. д.), т.е.

мой конёк. И в эксперименте у неё трудности и мысли, как у меня (вернее, у меня, как у неё). Только у неё всё лучше, толковее. Вот как бывает. Я сразу решила – плюнуть на всё и уехать. Расстроилась страшно. Да спасибо сёстрам Пумпянским – поехала к ним, они меня немного успокоили... Павлик, ты мечтаешь о возможности жить в Ленинграде. Убеждаюсь, что это нереально: даже Палеи не могут добиться прописки уже 2 года и работы, измучились; у нас нет необходимой площади на семью из 5 человек... Очень жду подробностей о Наташеньке, что говорят врачи? Анализы?...

... Ну, вот, Анечка, снова стук колёс – но они уже вернутся в нашу сторону: скоро мы встретимся и я, наконец, расцелую мою дорогую девочку, а ты – всех нас! Я очень доволен поездкой (конференция в Москве). Было много интересных докладов. Приезжал Гальперин со своими сотрудниками. Слушая их доклады, я всё время думал о твоей работе. Она сходна с их исследованиями, у них, конечно, всё отработано, и это ступенька для перехода к обучающим машинам. Мой доклад тоже прошёл неплохо, он был последним – все устали, но приняли хорошо и согласились с основными его положениями. Доклады обещают напечатать – это особенно важно, у меня совсем нет печатных работ – печально... Показал я статью, которую привёз, Мерлину (профессор из Перми), он сказал: «Очень умные мысли и очень умно написана, но

требуются эксперименты». Это-то мне и самому ясно, но как-то вновь обрёл уверенность и теперь обработаю для доклада на конференции в Свердловске, в декабре. И ещё обрадую тебя: везу домой 9 кг баранины, пахнет в банках!... В Ижевске перебои и с маслом, может придётся тебе выслать нам посылочку.

По случаю предстоящего приезда мамы на несколько дней отец устроил соревнование между нами, детьми, нарисовал таблицу, в которой отмечал наши заслуги. Я помню этот большой лист, он сохранился в нашем семейном архиве.

...Все мы, Анечка, тебя с нетерпением ждём, соревнование в полном разгаре, и даже Люся стала спать в детском саду (я включил этот показатель в её графе, уже есть результат). Лёва теперь уже не пишется, время чаще проводит с Люсей. Наташа занимается, ниже «4» оценок нет. В это воскресенье думаю сходить с ними в цирк...

Письмо от детей: *Здравствуйте, дорогие мамочка и Геня (мама в Ленинграде жила вместе с Геней – братом отца, а его и отца мама – бабушка Ева – приехала к нам, чтобы помогать отцу с нами)! Завтра, в субботу 15 сентября мы с классом едем на трамвае в лес на праздник «Золотая осень». Староста у нас Ирина Калинина, председатель Наташа Ключкина, звеньевые: в нашем, первом звене Наташа Суслова, во втором Таня Щуклина, в третьем Вова Ялунин. Мамочка пришли мне, пожалуйста, тетради по русскому*

и по арифметике. Передай привет всем знакомым. Ну пока всё. Целую крепко, крепко вас! До скорого свидания! Наташа, Лёва, Люся.

Дорогая Наташенька, спасибо за письмо, доченька, хорошо написала, и почерк хороший. Как мне приятно, когда ты стараешься! Люсенька моя, какой красивый узор ты мне нарисовала! Спасибо родная. Как Лёва на музыкальных занятиях? Поёт? Расскажи папе, а он напишет. Целую вас всех, мои любимые ребятки. Павлик, хорошо, что ты купил себе туфли, а вот брюк и здесь нигде нет. Продолжаю искать их и костюм. На Витю его нашла - получу командировочные - куплю. Берегите себя!...

Витя – мамин брат. Он тоже жил с нами в Ижевске, куда был отправлен его (то есть и мамиными) родителями, считавшими его трудным подростком. Они надеялись, что авторитет и влияние отца сделают из него хорошего человека. Машины родители относились к отцу с большим уважением - как и подавляющее большинство людей, знавших отца - и тоже верили в его влияние и авторитет. Не знаю, что в конце концов сказалось – может, он и был сразу нормальным парнем, а может, действительно, отец на него повлиял – но Витю помню совершенно замечательным человеком, очень общительным, с превосходным чувством юмора, открытым и добрым. Он всю жизнь проработал на производстве (закончил механический институт) и всегда пользовался уважением своих коллег. Он

умер несколько лет назад, у него осталась замечательная семья – жена, дети, внуки – и мы все поддерживаем тёплые отношения до сих пор.

.... Дорогая моя Анечка! Большое тебе спасибо за радость, которую ты доставила нам всем своим приездом. Это был большой праздник – и мы уже снова ждём его повторения. Люся просит меня вновь завести «листок, чтобы всё записывать для мамы», и я думаю, что мы вскоре его уже заведём. Ребята справились с разлукой, только Наташа была огорчена, что ты с ней не попрощалась. Сегодня Люся с Лёвой ходили в детский сад, температура у них нормальная. Я пока не ходил в муз. школу – добавили мне нагрузку, и готовлю доклад к конференции Пед. общества, уже завтра. Потом сделаю всё, о чём ты просила. Был у Т.П. (учительница Наташи) – она пока довольна, хотя относит нашу дочку к трудным ученикам. Я её убеждал, что к проступкам Наташи надо относиться легче. А Наташа принесла три «5»! На конференции нас хвалили и выбрали меня в правление районной организации...Ходил по магазинам насчёт кукол девочкам, пока ничего не нашёл....Наташу держим в постели - опять РОЭ. Врач советует положить её в больницу, т.к. бабушку она не слушает, а я дома редко - всё время прыгает на пол и вертится. Я не решаюсь без совета с тобой, поэтому вызову тебя по телефону. Ты, Анечка, не расстраивайся, ничего особо серьёзного, погода ещё такая – в классе у Наташи 5 человек таких,

как она. Лёва рядом, играет с автоматом (купил ему на день рождения). Люсю в детском саду хвалят, что хорошо танцует

...Наташе в больнице разрешают ходить: ревматизм, ревмокардит не подтвердился!.. Люсю оставил дома - покраснело горло, но температуры нет. Посылаю твою брошюру, поздравляю! Скорее покажи её Голанту (руководитель маминной диссертации). У меня была открытая лекция – прошла хорошо, хвалили во всех отношениях и рекомендовали молодым преподавателям посещать мои лекции...

...Павлик, по письму мамы (имеется в виду мама отца) вижу, что у неё плохое настроение (тебе-то она ничего не скажет), она не соразмеряет свои силы, скучает по Ленинграду, по Гене, Муся (сестра отца, тоже жила в Ленинграде) ей не пишет, хотя я просила её. Будь поласковей с ней, заставляй отдыхать...

Однажды отец (я это помню очень смутно) записал нас на магнитофон и послал пленку маме. Сейчас-то, конечно, кого этим удивишь? А тогда... Родной мой, твой подарок превосходен! - звуковое письмо! Всех вас слушаю, мои дорогие голоса! А Лёва-то как разговорился – молодец, мой маленький. Ребятки сами обо всём рассказали маме. А Витя-то – солист! Правда, прослушать я могла только в школе – магнитофонов ни у кого нет...

...Анечка, узнай точнее о семинаре по программированному обучению , который был в Москве при МГУ, я не знал о нём, в наш институт не сообщили(отец в это время разрабатывал этот курс для преподавателей и студентов). Люся делает цепочку к Новому году - решили, что каждый вечер будет клеить по 100 колечек, без конца теперь пересчитывает. Готовимся встречать тебя! А ты, если позволят финансы, привези куклы. Наташа в санатории чувствует себя хорошо, кормят там отлично (мама была у неё), и нужный врачебный контроль, мы довольны , что ей выделили путёвку... Мне нравится, Анечка, что тебя «цитирует» Голант, это заслуженно, работай спокойно, не сомневаюсь – всё получится. Мы все тебя очень-очень ждём!

...Любимые мои, какой праздник был у меня в эту субботу - большое письмо от бабушки, с такими подробностями, как будто я дома побывала с вами! И всё у вас хорошо. А ты, Павлик, заботливый папа и сын. И, конечно, муж. Умник ты мой! Вот только с деньгами трудно было вам. Мы тоже еле-еле дотянули, а сегодня у соседки взяли 5р. - теперь хватит на 3 дня...Первое воскресенье я не ревела -

грустно без вас ужасно!...Я очень рада за тебя, любимый: наконец-то и наши «дубы» начинают видеть тебя! Как я люблю гордиться тобой во всём! Но ты слишком увлёкся Обществом – совсем не бываешь дома.... Тезисы со съезда я видела, там и твои! Я поздравляю тебя, мой умник!

...А ребятки мои улыбаются – каждый вечер и утром я смотрю на вас. Как прекрасно, что ваш папа сделал такую фото картину!

...Была у Голанта - замечаний по главе много, но всё по стилю, убрать максимализм, а так - говорит - материал интересный. Отважилась спросить о поездке к семье - согласился: «Я вполне полагаюсь на Вас, АМ, пожалуйста». Так что - ура!...Сначала закончу вторую главу... Как твоя брошюра для родителей, дорогой? Она им очень нужна. Мне понравился и стиль, и содержание.

...Теперь, как о величайшем счастье, мечтаю о встрече! Но ещё очень-очень много работы. Павлучок, не забудь про Лёвочкин день рождения. Купи ему от нас что-нибудь забавное и всем сладостей, хоть понемножку. А у меня наступила забота - математическая обработка материала, корреляция и т.п. Надо срочно овладеть, Голант в этом не разбирается. Похожу на лекции к Ломову в ЛГУ, проконсультируюсь у Палея, конечно, ты мой главный помощник и руководитель!

...Иногда думаю о себе: умею жить прошлым и будущим, поэтому во многом отказываю себе. Сейчас уж терплю - сплошная работа и работа - а потом

надеюсь на организацию тобой наших семейных разрядок и удовольствий!!

...Настроение, правда, боевое: надо успеть всё задуманное сделать, но и взвинченное, поэтому и плохой сон, и голова. Заставляю себя вовремя успокаиваться: очень хочется сохранить себя для ребят, для тебя!...

...Стипендию распределила так : 400р. - долг, 5р - за чулки (достала соседка), 45-за питание, 2р - взносы, и всё

...Родной, поздравляю моего дорогого офицера! Артиллериста!...

...Какое счастье, что у Наташеньки может и нет ревматизма! И она сможет наравне со всеми заниматься спортом! Очень прошу: ничего не убирайте, стирку накопите к моему приезду - доставьте мне это удовольствие!

1963г. Дорогая моя Анечка! Мы все уже вновь мечтаем о встрече, хотя квартира и полна ещё дорогих нам признаков твоего недавнего присутствия. Ребятам рыбий жир даю ежедневно. И вообще с ними всё в порядке - не беспокойся ты напрасно. У Люси теперь новое увлечение : мама дала ей маленький фартук, и она называет себя «хозяйкой»; на днях помогала бабушке гладить. Постарайся как можно заранее сообщить о сроке твоего приезда – уж очень все мы любим готовиться (соревнования, отмечать дни..). И не забудь мне преднизолон, он должен быть постоянно. Занятий сейчас у меня немного

– 8 часов лекций в неделю, поэтому всё долблю «Отцу и матери дошкольника». От «Общества» не освободили, а, наоборот, увеличили объём работы!...

Вернулся я из Свердловска, дома - у Наташи РОЭ нормальное! Но пока врач оставила ей один день - дополнительный выходной...

...Поездкой в Москву я доволен: интересные доклады (и для твоей работы используем!), понравился Дворец Съездов и Панорама Бородинской битвы. Из Москвы я привёз 16 кг. фруктов, куклу, 2 попугайчика и проекционный фонарь для диафильмов. Ребята очень довольны подарками. Сами решили- «всё на всех»!...

...Любимый мой Павлучок, оказывается ты сильно болел, а я не смогла за тобой поухаживать! Умоляю: одевайся теплей, береги себя, мы должны сберечь себя ради нашего счастливого будущего! Иначе никакие жертвы настоящего не окупятся! В отношении здоровья мы все должны слушаться маму - здесь она самая мудрая!

...Тебе привет от Веккера, от Ломова, Лёвки Ланды - у него я была на лекциях и увидела, что я занимаюсь алгоритмами, понимаю их верно и применяю более реально, чем он (лучший специалист). Я рассказала ему о нашей методике обучения - он одобрил. В общем настроение моё опять поднялось. Голанту отдала ещё один параграф, а сама засела за статью, написала 8 стр., а надо 35-40...

Дорогая наша мамочка! Поздравляем тебя с женским днём! Желаем тебе во всём успехов! Хороших настроений!! У нас по-прежнему всё в порядке С питанием нормально, даже апельсины ещё есть – дети получают каждый день по 0,5, и Наташе возим каждую неделю в санаторий, она чувствует себя хорошо. В детском саду старшие готовят инсценировку «Алёнушка», Люсе «поручена» (!) партия Алёнушки: каждый день, приходя домой, она воспроизводит всю сказку во всех лицах, вплоть до ведущего, с учётом замечаний воспитательницы и с объяснением всех ошибок, которые каждый из исполнителей совершал. По секрету она мне сообщила, что готовит тебе и бабушке к 8 марта подарки – по коробочке. У Лёвы тоже успехи: начал проговаривать «Р»! Правда, не чистое, не раскатистое, а приглушённое, не звонкое. Начала этого я не застал: услышал, как Люся его тренирует (скажи «уррра», добрррое утро» и т.д.). Люся рассказывает, что утром проснулась и слышит, как Лёва говорит: «каррр, позорр, хоррр», после этого она и стала его учить. Анечка, в прошлый раз я забыл тебе написать, что статью, которую ты готовишь для аспирантского сборника, лучше дать значительно больше – всё равно её будут сокращать, а тебе нужно, чтобы было больше печатных листов. Я получил из Рязани протокол заседания кафедры, где обсуждалась и моя статья : разругали... и за то, что стремлюсь

ввести новую терминологию и за многое другое. 8го утром думаю позвонить тебе по телефону минут на 20 – имею же я право на это в праздник моей дорогой жены! И, конечно же, я не возражаю, чтобы ты подарила себе от меня какой-нибудь подарок!! Горячо тебя целую, моя девочка!..

...Анечка, твоё письмо меня порадовало – у тебя всё в порядке. Готовлю доклад на республиканской конференции «Общества» и лекцию для преподавателей школ-интернатов. Много времени на это уходит, но всё-таки туфли сумел купить - таскаю, а брюк нет. Повезло: на-днях «напал» на носки - купил бпар, себе и Вите, так что тут порядок. Появился детский крем - приобрёл, конечно. Мы не голодаем: вчера купил кости для супа, принёс 20 котлет! А через 1,5 месяца мы уже встретимся!! Получил письмо из Перми от Мерлина: съезд психологов состоится в Ленинграде, мой доклад принят. А я в нём сомневаюсь, как обычно, но рад, что встретимся! Лекционная нагрузка у меня выполнена, остались консультации и экзамены(6 групп).

...Очень соскучился и жду не дождусь нашей встречи...

...Могу отчитаться тебе, дорогой, дни были плодотворны: 30стр. статьи + разговор с методистом (с кафедры математики), которая заинтересовалась нашей работой и попросила

рассказать студентам. Главное - за неделю закончить статью, отдать её Голанту и тогда мечтать о нашей встрече. Правда, ещё бы сделать один параграф 3-ей главы. Уже составила таблицы по арифметике - что-то получилось слишком хорошо. Прямо страшно.

Но главное - как вы там? Как здоровье твоё, мамы? Ничего не давайте ей делать. Скорей бы прошёл этот месяц - и я дам отдохнуть вам!

Деньги я очень стараюсь экономить, и ты старайся, родной, хоть бы к лету нам немного подкопить. А к 8 марта купите маме на платье! И поздравь - гжатчан!...И мы себя скоро поздравим - наш день 17 марта!

...Как я счастлива, что ты у меня есть - мой великан! Мой Бог!

...Лёву мы несколько дней выдерживали дома - кашлял. Мама сказала, что надо свести к врачу и была права - бронхит. Сделали несколько процедур, и теперь - в порядке! У Наташеньки поднялось РОЭ! И врач испугалась. Потом оказалось, что это от больного зуба. Снова сделаем анализы, вылечив зуб. Музыкай Наташа занимается каждый день. Витя сдал второй экзамен на «5», я уже получил партбилет. В общем у нас всё хорошо. Мы все горячо желаем тебе того же!

А у меня ничего не получается, даже этот злополучный прибор (для исследования мотивов по докторской диссертации). Приехала комиссия

по Уральскому округу, каждый институт отчитывался, наш проректор перечислял будущих докторов, в том числе и меня – мне было очень неудобно, никакого просвета...

Завтра провожу Президиум (республиканского педагогического общества знаний), потом придётся выехать в какую-нибудь сельскую группу для проверки. Сейчас готовлю доклад о программированном обучении для зав. метод. кабинетами. Потом - для методистов. Согласился, чтобы заставить себя лучше в этом разобраться. Ты же знаешь, если надо мной висит, то я больше буду стараться...

А прибор я всё-таки сделал. И со скрипом, со всякими ремонтами, он всё же работает. 3 раза в неделю провожу эксперименты с 3х часов, а потом забираю Лёву домой. Однако, сейчас важны не мои, а твои дела!

...Был в музыкальной школе на отчётном концерте. Наташа сыграла неплохо (по сравнению с другими.) Учительница сказала, что она перевыполняет программу. Посылаю тебе твою статью – редактор просил её переделать в соответствии с его замечаниями, срок - месяц. Уж постарайся. Спокойной ночи, моя любимая...

Родной мой, я приеду – поедешь к Мерлину или Петровскому – они же предлагают! Ведь всегда два ума лучше! А ты какой-то одиночка во всём Это – твоя беда!.Может такой путь и верный, но ужасно

трудный и длинный... А обсуждение моей работы опять переносится-на 6-7 января. С замечаниями рецензентов я согласна, всё смогу переделать...

Попрошу тебя, Анечка, выслать мне список новой литературы по программированному обучению, особенно где о конкретном опыте его – мне обещают дать группы студентов с разных факультетов для проведения спецсеминара в течение семестра....

1964год. Дорогой мой Анёк! По твоему письму вижу - ты вся в делах. Голант предлагает сделать перестановку некоторых параграфов. Это, по-моему, непринципиально. Решай сама. Главное – не потерять темпы. И ещё: было бы обидно оттягивать защиту из-за отсутствия печатных работ. У тебя же статья в журнале «Русский язык в школе» и брошюра, правда, обе о вашем опыте на уроках русского языка. Но в издательствах ещё 3 статьи! Пусть уж Голант побеспокоится теперь, он ведь так успокаивал и поддерживал тебя!

Но ты не трать время и нервы на переживания, а не торопясь готовься к выступлению на кафедре, продумай и подготовь таблицы, которые пригодятся и на защите (надо их специально заказать). Я на следующей неделе вышлю тебе документы - диплом и подлинник сдачи кандидатских экзаменов.

Если обсуждение пройдёт в намеченные сроки, ты смогла бы на неделю приехать к нам, ведь в

новогодние дни ничего не будет. И о деньгах не беспокойся – неужели мы не можем себе позволить такое удовольствие! Все мы тебя очень ждём!

Наташе по домоводству поставили «5» - за вареники, а по арифметике есть тройки, занимаемся. Не беспокойся. Я с ней ласков. Не переутомляйся, Анёк, нам нужна здоровая и весёлая мама.

Павлик, твоё письмо - как ты прекрасно написал Заключение! Это непревзойдённый сюрприз! Я же без конца перечитываю написанное мной, и без конца переделываю - не нравится... Радуюсь, что ты сделал прибор и проводишь эксперименты!! А.А. Люблинская прочитала мою диссертацию - в целом одобрила, замечания по первой главе в основном. Анг.Конст. работа меньше понравилась, но оба рецензента намерены допустить работу к защите...

...Дорогая моя, я считаю, что не стоит беспокоиться о сроках рассмотрения работы на кафедре и о сроках защиты. Было бы, конечно лучше сделать всё раньше, но откровенно буддировать этот вопрос не стоит, не стоит и зря беспокоить Голанта. Месяц раньше или позже защита – для нас не страшно теперь. Зато успеешь спокойно сделать перестановку параграфов, соответственно исправить ссылки. В нашем с тобой варианте всё было более скромно, но согласимся с рецензентами. Так и

быть. Главное – не переживай и знай, что я тебя люблю, целую, ценю и уважаю...

...Дорогие мои! Скоро Новый год! Придётся уж нам встретить его врозь, но что поделаешь. Будем мужественными! Только вот девочкам придётся без костюмов идти. Или может в школе что-нибудь придумают? Может маски купить? – Подумайте вместе.

Е.Я. автореферат пока не берёт, говорит - некогда, но я ему через несколько дней всё равно подсуну, чтоб к 24.12 был готов. Как я боюсь!! Но настраиваю себя быть поспокойней и знать, что все замечания из доброжелательности. Продолжаю приводить в порядок все свои материалы - не беспокойся, всё сделаю. Каждый день хожу в публичку: поступает новая литература, журналы...

Дорогие ребятки мои, очень рада, что впереди у вас чудесные каникулы! И столько веселья! Я приеду – вы мне обо всём расскажете. Только прошу вас: в каникулы побольше помогите бабушке - ведь ей тем более надо отдохнуть. Подумайте сами, что вы сделаете за неё. Наташенька, молодец - сделала винегрет! А потом и Люсеньку научишь. Побольше гуляйте на улице и Лёвушку берите. Наташенька, 31го опусти открытки в ящики соседям. Не забудь их поздравить!

Дорогая моя! Поздравляю тебя с Новым – для нас с совершенно новым и счастливым – 64ым годом! Этот год – год завершения твоей большой работы, год защиты тобою не только диссертации, но и тех больших усилий, которые тебе пришлось совершить в минувшие годы. Если прошлые годы доставляли нам немало огорчений и лишений, разлук и прочих трудностей, заставляя идти на значительные жертвы, то Наш, 64 ый(!) – я счастлив обещать тебе это!! – станет началом заслуженного покоя в семье, не знающего разлук и других лишений, началом ритмично налаженной жизни, в которой своё, но не единственное, место займёт и интересная работа!!! Счастья, счастья тебе, Анёк, в этом году! Все мы ждём тебя с нетерпением, вся наша семья живёт ожиданием этого! А пока – всё идёт своим чередом. Девочки учатся неплохо – в тетрадях разные отметки (из-за невнимательности), а в дневнике 5 и 4.

Здравствуйте, дорогие мои! Ну вот совсем уже близится наша встреча, чудесная, такая долгожданная! Из моей телеграммы вы знаете, что обсуждение прошло благополучно – меня допустили к защите! Перед этим ночь почти не спала, есть не могла, но выжила! Сама я выступала неважно: истратила много времени на первую половину диссертации, потом пришлось торопиться. Было стыдно, тем более работу мою хвалили (не в меру)

оба рецензента, а недостатки - в плане пожеланий. Потом мне объяснили, что работа выгодно отличается от других (строгой логикой, математической обработкой материала, поэтому большей доказательностью и лаконичностью), и надо аспирантам учиться на ней. Сейчас все экземпляры моей работы аспиранты разобрали (прямо боюсь как бы не потеряли). Эти успехи благодаря тебе, родной - твоей требовательности (иногда и до слёз - полезно!), последовательному контролю и неоценимой помощи!!

По всем этим письмам я представляю себе, как много отцу приходилось делать – и по дому, и по работе. Я представляю себе, как он уставал, постоянно передвигаясь между университетом, детским садом, школой, музыкальной школой, больницами, врачами – заботясь о нас, детях, маме и бабушке, ставя перед собой невероятно количество профессиональных и бытовых задач. А сколько ему приходилось думать и держать в голове! Но еще я представляю, что все эти трудности он переносил – как это ни странно – с удовольствием! Ведь это были трудности на пути к их с мамой такому хорошему будущему! А для будущего отец был готов на многое.

В 1965 г. мама успешно защитила диссертацию. Семья была в сборе, сбывалось все, о чем так мечтали, к чему так стремились и ради чего так много перенесли.

Как Павел Львович стал Павлом Лейбовичем.

Как я уже говорил, дедушку моего – отца моего папы – звали Лейба Михайлович. Его знакомые и соседи называли его «Лев Михайлович» - наверное, так было проще. Но настоящее его имя – по документам – Лейба, а отчества всех детей, в том числе и моего отца, по настоянию бабушки, везде произносилось не «Лейбович», а «Львович». Бабушка, видимо, полагала, что это немножко спасет во время возможных погромов, может, думала, не так сильно будут бить, если что... Мне сейчас, конечно, легко шутить на эту тему, а бабушке, я думаю, было не до шуток – она наверняка на всю жизнь запомнила, как во время погромов у нее на глазах были убиты ее родные, и как сама она чудом спаслась в поле...

Однако, несмотря на все усилия бабушки, большинство людей знали отца как Павла Лейбовича. Такая перемена произошла в результате неожиданного отражения вполне в то время обычного «еврейского вопроса». Мне совершенно очевидно, что вот этот вот «еврейский вопрос» не мог не волновать отца – и не потому, что он был еврей, а потому, что это просто позорнейшее качество государства – допускать хоть какие-нибудь ущемления по национальному признаку. А это государство не просто допускало – оно сделало это частью внутренней политики – то, что касалось разных ограничений для евреев. Отец никогда не

обсуждал ни с кем – в том числе и с мамой – свои мысли и переживания по этому поводу. Но я уверен – они были, и были постоянно. И не только по этому вопросу, но и по многим другим вопросам. Отец, конечно, не мог не видеть всего происходящего в стране, да к тому же вся эта политика отражалась на нем полностью. Мама говорила мне, что она часто видела по взгляду или по отдельным репликам отца, как он возмущен многими сторонами государственного устройства и его внутренней политики. Так что он все это видел, все это переживал – и молчал обо всем этом. Он молчал, не потому, что боялся сказать, а потому что, во-первых, в этом не было никакого смысла – ведь от того, что ты поговоришь об этом, ни в стране, ни в твоей жизни ничего не изменится. А, во-вторых, я думаю, потому что ему не с кем было говорить об этом. Он не говорил об этом с мамой, оберегая ее от лишних расстройств. Он не говорил об этом со своими близкими друзьями – потому что у него не было настолько близких друзей. Он носил все это в себе. Вообще, отец с детства не любил делиться своими проблемами – его родители ничего не знали о его жизни, когда он еще жил с ними, в студенческие годы его сокурсники лишь случайно узнали о его бедственном положении... Мама вспоминала : *«закрытым был даже с друзьями, потом и со мной – темы внутренних переживаний, проблем как-то умело обходил и не любил мои расспрашивания об этом (в противоположность*

мне, с живым интересом выслушивал меня, болтушу – удивляюсь этому всё больше). Как же эта особенность (тип личности) усугубляла состояние его сердца, его сознания!! Я его звала «кустарь-одиночка». О его проблемах, их решении им я узнавала от коллег наших позже, возмущалась, конечно. Он только усмехался : «а то пришлось бы тебе дважды переживать». Так что и об отношении отца к такого рода вопросам можно только догадываться - в том числе и по отдельным проявлениям этого отношения. Еще из воспоминаний мамы: «жизнь наша проходила на этапе недозволенности самостоятельных рассуждений о политике, критической оценки её, поэтому и не отрывали время от дел, которых всегда было невпроворот. А у меня ещё и страх с детства был ... Я видела по глазам, по взгляду ПЛ, по отдельным репликам, что со многим он не согласен, многое не одобряет, возмущён (отношение к людям в ВОВ, к еврейской нации, Брежнев, его самовосхваление, пустые магазины и рынки...)». Однажды родителей вызвали в школу за мое аполитичное поведение, которое выразилось в том, что я где-то высказал свое мнение о Брежневе. Я не помню, что конкретно я о нем сказал, но наверняка ничего хорошего. Отец не пошел. Мама ходила, но после этого мне не было сказано ни слова – как будто вообще ничего не было. Это, наверное, был единственный раз, когда вызов родителей в школу прошел без последствий для меня... Так что вот все эти

вопросы государственного и общественного устройства отец, конечно, понимал. Понимал, как они влияют на его жизнь в том числе, но сделать с этим - как и все граждане - ничего не мог, и может быть даже старался поменьше думать об этом, чтобы больше времени и нервов отдать тому, что он мог и должен был делать – работе и семье. Также отец, например, никогда не рассказывал о войне. Его не раз приглашали, как ветерана войны, прийти в школу (в том числе и в наш класс), рассказать о войне. Но он никогда не ходил, а на вопросы мамы «почему» отвечал – «А что я им должен рассказать? Правду?» А правда-то, видимо, была не совсем такой, как нам рассказывали учителя истории... И отец, конечно, всю эту правду видел сам, и все понимал.

Так вот, о «еврейском вопросе». В нашей семье не следовали никаким религиозным иудейским традициям – родители были, конечно, атеистами. Так что на тему нашей национальной принадлежности они с нами никогда не говорили, я вообще не помню никаких разговоров о национальностях, в том числе и еврейской. Так что обо всем этом я узнал гораздо позднее. Я помню, что мама отца – бабушка Ева – иногда произносила какие-то фразы себе под нос на незнакомом языке. Я никогда ее не спрашивал, что это такое, решив, очевидно, что это особенности пожилого возраста. Я теперь понимаю, что она говорила на идиш сама с собой – а с кем еще она могла на нем поговорить.

Национальность отца, как признак сортировки людей в стране, преследовала его всю жизнь, начиная со студенческих лет. Причем никто этого и не скрывал – настолько явным это было, что практически уже стало казаться естественным. Даже моя мама – когда я задавал ей вопросы, например, каковы были признаки того, что тот или иной отказ был из-за национальности – сначала впадала «в ступор», а потом говорила, что никто этого и не скрывал, это все знали и так. Легко соглашаюсь, потому что и сам застал часть этого времени, хотя уже и не в таком масштабе. Некоторые люди, которые хорошо знали родителей, уважали их, говорили «вы такие хорошие люди, хоть и евреи» или «и не подумаешь, что евреи». Когда родители вступали в партию (а произошло это во времена Хрущева, когда все – в том числе и родители – поверили в наступление перемен), их спросили, не состоят ли они в нелегальной еврейской организации... Отца – одного из лучших студентов на курсе – с трудом оставили в аспирантуре, настоял его руководитель. Маму не оставили в аспирантуре, хотя в ней как в аспиранте были заинтересованы, – и им пришлось расстаться на три года. Отцу 14 лет не присваивали звания доцента, хотя обычно его давали через 2-3 года после защиты. Отца никогда не назначили никем выше руководителя кафедры, хотя он был на голову выше в своих организаторских способностях многих очень высоких руководителей. Отцу не разрешали

принимать на работу евреев, и он очень радовался, например, что Эсфирь Абрамовна Мальцева успела поступить на работу на кафедру до него – ему бы уже не разрешили ее принять... Ну и т.д. и т.д. – много можно приводить разных примеров. Короче, национальность отца очков ему не добавляла. И я могу только представлять, как это было противно – осознавать это. Единственное, что, наверное, облегчало – это то, что так было давно, и уже, возможно, казалось просто неперемным условием жизни... И все равно – сам принцип разделения (или наоборот - объединения) людей по национальности был отцу неприятен, и он никогда не принимал в этом участия – так, например, он не стал членом никакого еврейского кружка, хотя в такие его неоднократно приглашали. Он никогда не скрывал своей национальности и никогда не подчеркивал ее. Но вот наступило время, когда обострилось в очередной раз отношение государства к евреям, хотя оно и до этого не было равным. И многие стали скрывать свою национальность, меняя по-еврейски звучащие имена или отчества на более русские варианты (типа Самуил – Семен, Натан – Антон и т.д.). И вот тогда отец проявил свою национальность - сделал все наоборот, поменял свое отчество «Львович» на «Лейбович» и с тех пор всегда представлялся так. Вот так отец однажды проявил свое отношение к еврейскому вопросу.

Он был настоящим гражданином своей страны. И настоящим интернационалистом.

Воспитание детей.

Странные воспоминания стали одолевать меня, когда я начал писать эту главу о том, как нас воспитывали, какое место в нашей жизни занимал отец и какой след оставил. Странность эта заключается в том, что, с одной стороны, совершенно очевидно - отец сделал для нас очень много, он всегда помогал нам, а уж обо мне и говорить нечего – он еще и многому меня обучил. Он проводил с нами время, пусть и немного, зато интенсивно – мы ездили в разные поездки, начиная от сбора грибов под Ижевском и кончая длинными поездками – на машине в Москву и Ленинград, а однажды мы даже целый месяц всей семьей отдыхали на Украине, в Закарпатье, побывав перед этим в Киеве, где родители принимали участие в научной конференции. Отец делал много фотографий, снимал на камеру, даже давал мне нажать на ней «пуск». Он нас даже баловал иногда – в отличие от мамы, например, - и покупал нам то попугаев, то проектор для просмотра слайдов, то сладости – когда, в общем, на это денег не было, а однажды даже привез из Ленинграда собаку... Он учил меня водить машину, фотографировать, мастерить разные полезные вещи, ремонтировать технику... Он помогал Наташе и Люсе в самые трудные периоды

их жизни... Он нас защищал, когда на нас жаловались – например, соседи. Он много думал о нашем будущем, старался сделать все, что мог, чтобы создать нам условия для развития и профессионального роста. Он учил меня ездить на двухколесном велосипеде и бежал за мной – на протезе! – чтобы подстраховать, я это помню. А самым моим приятным воспоминанием об отце остался наш обед в столовой университета. На первый взгляд ничего особенного: отцу надо было меня накормить, я пришел к нему на кафедру, и мы пошли в столовую университета. Вдоль раздачи стояла очередь студентов, но преподавателям разрешалось брать вне очереди. Отец взял тарелку борща. Может, было еще что-то, но я запомнил этот борщ. Потом мы пришли в отдельную комнату, где обедали только преподаватели. Мы сели за стол, накрытый белой скатертью, у нас была тарелка борща, две ложки, на столе стоял хлеб (бесплатно! – ешь, сколько хочешь), соль, перец и горчица. Отец посолил борщ, поперчил, взял ложку горчицы и положил ее на край тарелки. Потом он немного горчицы растворил в борще, тщательно размазывая ее ложкой по дну тарелки и объясняя мне, что это очень вкусно. Я тоже размазывал горчицу своей ложкой. А потом мы стали есть этот борщ из одной тарелки – и это было очень вкусно! И так здорово! Никогда не знаешь, что окажется самым ярким воспоминанием...

Я также знаю от мамы – сам-то не помню, конечно, – что отец очень любил, когда мы были маленькие, возиться с нами, катать нас на себе, подбрасывать высоко. И мы это тоже очень любили и радовались. Так что положительных эмоций, вроде, было достаточно.

И вот, несмотря на это, на все эти положительные моменты, общее мое воспоминание – я старался избегать общения с отцом. Я чувствовал себя спокойнее, когда отца не было дома. Когда он приходил, обстановка в доме, до этого спокойная и расслабленная, становилась напряженной, и я старался под любым предлогом улизнуть на улицу, где чувствовал себя гораздо спокойнее. А если не было такой возможности – старался не выходить из нашей детской комнаты, куда отец заглядывал редко.

Когда я осознал это мое общее воспоминание, я подумал, что причина заключается в моей плохой памяти – возможно, она просто запомнила пару таких моментов, забыв множество тех, когда я стремился быть с отцом. Тогда я решил восстановить этот пробел и воспользоваться воспоминаниями своих сестер – они-то уж наверняка помнят больше, чем я, и их впечатления об отце, наверное, совсем другие. Я попросил старшую сестру Наташу написать небольшие воспоминания о ее детстве и роли папы и вообще родителей в нем. Я не ожидал от Наташи многотомного труда, зная о ее приверженности краткости, которая у нее

является даже не сестрой таланта, а им самим. Однако, я поразился ее ответу – это были воспоминания, уместившиеся на 15-20 строках, да еще и начинавшиеся словами «к сожалению, я о папе не могу вспомнить ничего такого положительного»... Выходило, что мои впечатления не так уж и беспочвенны? И я стал более внимательно изучать наше прошлое, размышлять о нем, стараясь понять это противоречие...

Общее впечатление от нашего воспитания я бы, наверное, сформулировал так: родители были к нам внимательны и требовательны. Окружающие нас, в основном, хвалили, а родители - ругали. Не в том смысле, что они нас все время ругали, а в том, что общались, разговаривали они с нами в основном по поводу совершенных нами проступков – плохого поведения, плохих отметок, в связи с жалобами соседей и т.п. То есть тогда, когда надо было принимать меры. Все остальное общение было, как правило, просто бытовое – что надо сделать, куда сходить и т.д. Это неудивительно – ведь речь идет о времени, когда существовали не написанные, но созданные и «втертые в кожу» стандарты общения взрослых с детьми, стандарты воспитания. И эти стандарты не предусматривали особой нежности и душевности – они предусматривали подготовку детей к жизни, которая есть постоянная борьба: «И жизнь не зря зовут борьбой, и рано нам трубить отбой ... - орлята учатся летать». Так что

вот, видимо, все нежности, игры и обнимания остались в глубоком детстве, и чем старше становились мы, тем в большей степени основной формой общения оказывалась подготовка вот к этим полетам, а на остальное, видимо, времени уже не оставалось, а может, это остальное считалось уже пройденным и неважным перед лицом надвигающейся самостоятельной жизни...

Наташа – моя сестра – первый ребенок родителей – так что ей и досталось первой. Она родилась в период маминой работы в Сыктывкаре, но уже через год родители переехали в Ижевск и жили в общежитии. На Наташу свалились все тогдашние представления отца о воспитании. Воспитывать предполагалось в строгости, распорядке и прочем порядке, прочно сидевшем в головах людей – неравнодушных воспитанников того времени. Ее даже кормили по расписанию. То есть если она (грудной ребенок!) плакала от голода – не давали есть, пока не наступит время! Ночью отец не позволял маме вставать к Наташе, если она плакала и просила есть не вовремя. Наташа была очень – и даже слишком – подвижным и энергичным ребенком, который с самого своего рождения не давал родителям расслабляться. Укротить ее не могли никакие команды и наказания. В общежитии, где они жили, Наташу обычно выпускали в коридор – играть с другими детьми и не мешать родителям заниматься. Наташа организовывала мероприятия, которые, в конце концов, в основном заканчивались

проблемами – или плачем других детей, или разбитыми окнами, а то и мелкими травмами. Она была очень активна, и сидеть на месте не могла ни секунды. Родители постоянно получали замечания от соседей по общежитию по поводу поведения Наташи – и считали своим долгом тут же принять меры. Но они совершенно не знали, что делать, как ее остановить. Её не выпускали из комнаты, где они жили, но она двигалась постоянно, не давая родителям работать – писать статьи и готовиться к лекциям. Иногда применялся творческий подход – ей давали перебирать то ли макароны, то ли крупу, и ее хватало минут на 5. В общем, свободы Наташе не предлагали, ей приходилось завоевывать ее самой и постоянно бывать наказанной за это. Она везде была «зачинщицей», устраивала рискованные игры – куда-то прыгать, бегать, прятаться, бегала по крышам – короче, своим поведением наводила ужас на соседей, пока родители были на работе. Потом соседи жаловались родителям, и родители ругали и наказывали Наташу. А за что, спрашивается, ругали? Спасая лягушонка, попавшего в щель, она разобрала кирпичный угол дома. Двух мальчиков, которые написали в штаны, стегала веткой по голым попам, приговаривая «будете проситься на горшок». Мальчики послушно стояли и ревели, хотя были на голову выше Наташи! Бедная Наташа! – на нее жаловались и ее ругали, в общем-то, просто за несоответствие представлениям соседей и

родителей о том, каким должен быть ребенок. Она была другая – вот и доставалось ей. Она брала без спросу деньги, чтобы купить шоколадку мальчику, которого в классе все обижали, она однажды легла на рельсы, чтобы посмотреть – проедет ли трамвай, хватит ли под ним места. Однажды, когда ей было 3 года, она упала в огромную канаву, полную воды, была холодная погода, Наташа была в пальто, рядом никого – запросто могла утонуть, но она сумела выбраться. В общем, как-то так постепенно у меня сложилось представление, что Наташа росла сама по себе, не будучи избалованной вниманием родителей. Это, конечно, не совсем так – родители уделяли ей внимание, и даже достаточно большое. Они следили за ее учебой, отдали ее в музыкальную школу и даже купили пианино – Наташа очень хотела заниматься музыкой, часами сидела и слушала, как занималась музыкой ее соседка, и это не прошло мимо внимания родителей. Они прилагали усилия к ее воспитанию, но усилия эти были, в основном, в направлении, я бы так сказал, «исправления неправильного и воспитания правильного». Ни о каких «разговорах по душам или о жизни» Наташа не помнит, да их и не было – это мне подтвердила мама, некогда было – работа, домашние заботы... Общение с детьми не являлось тогда первоочередной задачей, главным делом была работа! А маме еще приходилось много времени отдавать покупке продуктов, готовке, обеспечению нас всем необходимым...

Мама рассказывала, она через день тратила примерно 4 часа, чтобы только найти необходимые продукты! И можно представить, как она уставала. Так что тут и правда не до разговоров по душам... Да что там разговоры по душам – например, о том, что у женщин бывают менструации, Наташа узнала только из собственного опыта, будучи совершенно не готовой к этому. Кстати, прогресс у родителей в этом деле (я имею в виду половое воспитание детей) от ребенка к ребенку оказался совершенно небольшой: единственную беседу мамы со мной на эту тему (отец вообще со мной об этом никогда не говорил, как и вообще о личном) я помню дословно. Я сидел в своей комнате и делал уроки (наверное, это был 9 или 10 класс), мама вошла в комнату, и без всякой подготовки сухим, казенным голосом сказала: «Вот один мальчик так вел себя с девочками, что в 16 лет стал отцом». На этом беседа была закончена. Мама так и не сообщила мне, что конкретно делал этот мальчик, чтобы добиться такого замечательного результата. Наверное, это и не было целью. Скорее всего, просто надо было выполнить план – и провести половое воспитание, вот она и провела. Представляю, чего ей это стоило, и как она к этому морально готовилась, ведь по представлениям того времени с детьми вообще не полагалось вести подобные разговоры, да и вообще никакие разговоры на темы, не связанные с «что такое хорошо и что такое плохо». Так что

мама в этом смысле обогнала время, можно сказать. И сегодня, когда у меня четверо детей, я вполне мог бы отметить ее заслуги в моем воспитании и сказать «А ведь мама предупреждала...»

В общем, общение с родителями было ограничено необходимостью. Маме еще мы могли пожаловаться – например, болит голова. Я не помню, чтобы я когда-нибудь жаловался отцу. Да что там жаловался – даже то, что следовало сказать непосредственно ему, мы говорили маме, а она – передавала отцу. Я не знаю наверняка, почему мы не хотели разговаривать на проблемные темы – да и на другие тоже – с отцом, но думаю, в первую очередь потому, что общение с отцом в большей части было связано с нашими проступками, а значит, с напряжением, слезами, наказанием. Отец никогда не бил нас, даже, по моему, особо и не наказывал. По крайней мере, наказания мне не запомнились. Возможно, они не запомнились потому, что гораздо хуже наказания был сам процесс объяснения с отцом по поводу совершенных проступков, на фоне которого приговор – каким бы он ни был – воспринимался с облегчением, как знак окончания страшного процесса дачи объяснений на кухне, о котором я уже рассказывал. Впрочем, однажды отец меня все-таки бил, точнее шлепал по голой попе. Дело было так: я нашел 2 рубля. Нашел я их, к сожалению, не на улице, а дома. Но! – не где-нибудь на столе, и уже тем более не в папином

пиджаке, а на полу в ванной около стиральной машины. Ну, ясное дело – ничьи! А 2 рубля по тем временам – огромные деньги. Могу напомнить: самое лучшее мороженое того времени – да и вообще всех времен! – эскимо «Ленинградское» – стоило 22 копейки. То есть можно купить целых 9 штук! Что я и сделал, позвав с собой моих друзей из класса и двора. К сожалению, один из них после «банкета» «заложил» меня Наташе, а она – я не знаю почему – сказала родителям. Т.е. она сказала, наверняка, маме, а мама – отцу. Как и полагалось, я был вызван на кухню. И, как и полагалось, надо было рассказать правду. И я ее рассказал – где я нашел эти два рубля. И даже по требованию отца я указал точно место на полу в ванной, где они лежали. Как оказалось потом, эти 2 рубля были оставлены мамой для тети Нади, нашей знакомой, которая приходила 2 раза в месяц помочь маме по хозяйству. А деньги у нас обычно оставляли в кухне на буфете, так что по мнению отца, я не мог их найти в ванной. Поэтому мои показания о том, где я их нашел, он счел ложными и повел меня в комнату, сказал снять штаны и лечь на диван. И стал меня шлепать. Мне не было больно – по крайней мере, я не помню боли. Единственное, что запомнил – обида. Шлепнув меня пару раз, отец предложил мне снова показать место нахождения клада. Я снова показал ему пол в ванной. Он меня снова шлепал. И так продолжалось до тех пор, пока я не сломался – а я таки сломался – и, догадавшись,

какого ответа от меня ждут, показал на буфет. На этом экзекуция прекратилась. Потом, в присутствии мамы, происходило дальнейшее разбирательство, в ходе которого выяснилось, что мама в тот день оставила деньги – эти самые 2 рубля – на стиральной машине! Так что мои первоначальные показания подтвердились, и это расстроило отца еще больше: он-то, конечно, хотел, чтобы его сын был смелым, сильным и стоял за правду до конца – пусть даже его пороли бы ремнем, а не то что рукой по попе. И я уверен – окажись отец на моем месте в моем возрасте, он бы ни за что не отказался от своих слов – с его-то волей... А мне, – как говорилось в одном фильме – не достался этот ген. И отец был разочарован – я это помню, как сейчас. Еще мне Наташа рассказывала, как отец шлепал ее. Она совершила какой-то проступок (наверное, серьезный), за который ей, по решению отца, полагалось наказание – шлепание по попе. И вот отец повел Наташу на экзекуцию, а она была маленькая и очень боялась и плакала. И тогда отец, видимо, чтобы она не боялась, пообещал ей, что шлепнет только рукой и один раз. Но от шлепания вообще он не отказался. Я вот так думаю, что отец, понимая, какую важную роль в его жизни играла его воля, сколько важных достижений пришло именно благодаря ей, сколько благодаря ей он смог выдержать, хотел такой же воли и для каждого из нас. Но у нас ее не было – по крайней мере, мы ее не демонстрировали там, где, по

мнению отца, должны были. Вот он и старался воспитать ее в нас – для нашей же пользы, так сказать, как орудие в борьбе с проблемами надвигающейся взрослой жизни.

Так вот, поскольку общение с отцом происходило, в основном, по таким мало приятным поводам, то и условный рефлекс у меня выработался соответствующий: старался как можно реже попадаться отцу на глаза. Наташа – моя старшая сестра – тоже предпочитала меньше общаться с отцом. У Люси, возможно, такой проблемы не было – ведь она была паинька и совершенно правильная, так что бояться ей было нечего. Впрочем, это не совсем так, и я помню один случай, когда и ей досталось.

Я не помню, что конкретно Люся сделала, по моему, она нагубила маме. Ей было лет 12 тогда, и в этом возрасте такое вполне возможно, как мы теперь знаем. Какие там были слова - не помню, но все кончилось тем, что разгневанный отец, которого не удовлетворили Люсины извинения перед мамой – возможно, они были произнесены с недостаточной долей искренности - стал заставлять Люсю целовать маме руки. Мама при этом робко и тихо говорила «ну зачем, Павлик?», но отца уже было не остановить, он громко (что было крайней редкостью!) говорил, почти кричал на Люсю «Целуй матери руки!». Мне было страшно, хотелось убежать, но убежать было нельзя – в такие моменты хотелось только одного – чтобы меня не заметили, а любое движение могло

привлечь внимание. Так что я сжался – и это неважно, что в данном случае колокол звонил не по мне – все равно было страшно. Мама, по приказу отца протянувшая Люсе руку для поцелуя, старалась никуда не смотреть и находилась, наверное, в не меньшем напряжении, чем я. Люся, уже вся в слезах, прикоснулась губами к маминой руке, одновременно обмазывая ее своими соплями. Именно эта деталь помогла мне пережить бурю – я сконцентрировался на этом веселом моменте и сумел отвлечься от страшной действительности. Вот, видимо, такие моменты – даже если и не ты виноват – перевесили все положительные события и оставили прочные воспоминания о той беззащитности перед лицом – пусть и справедливого – правосудия, когда тебе надо пережить этот момент и ты знаешь, что помощи ждать неоткуда – ты один перед этим огромным прессом. А пресс действительно был огромным – я уже говорил, что сила личности отца и внушения были такими, что тебя практически парализует, и чувствуешь себя абсолютно беззащитным.

Сила воли моего отца. Это, наверное, мог бы быть отдельный предмет для изучения и обдумывания. Достаточно только вспомнить, как он решился на ампутацию голени без обезболивания и как выдержал ее. Как он всю жизнь – практически каждый момент ходьбы – страдал от боли в культе, но никогда даже виду не показывал. Еще он страдал от лишая, который был у него на

руках. Это такая противная штука – постоянный зуд, от которого невозможно избавиться. Мама покупала ему какие-то мази, но они помогали мало, не было тогда никаких эффективных методов. И он терпел и никогда не показывал – в том числе и маме, – как это тяжело. А это очень тяжело: один известный писатель, например, выдержавший гонения властей и вынужденную эмиграцию, – т.е. человек далеко не слабый, – подумывал о самоубийстве, чтобы избавиться от таких же проблем с лишнем. Отец не просто имел сильную волю, он, мне кажется, обожал ее и с радостью нагружал и нес эти нагрузки. Так, например, он время от времени голодал, чтобы похудеть и чувствовать себя легче. Но голодал он не так, как это делает большинство людей, борющихся с весом – постепенно, снижая порции и т.д. Он просто переставал есть, и мог не есть несколько дней. Тот, кто хоть раз садился на диету, знает, как это тяжело – даже просто заставить себя есть меньше, а уж ничего не есть ... Мало этого – когда мама в такие дни старалась не есть при отце (чтобы «не дразнить»), он, наоборот, приходил на кухню и сидел с ней, говоря при этом, что он будет смотреть, как она ест, и это наверняка еще больше усилит эффект голодания. Это он так шутил. На самом деле, я думаю, ему просто нравилось вот это чувство своей сильной воли. Отец вообще любил волю – во всем. Он посвятил этому личностному качеству и часть своих исследований, называя волю «душой

души». Говорил, что воля – это залог душевного единства, что если она недостаточно сильна – в душе наступает хаос, что волевой акт – это всегда разрешение противоречий, борьба мотивов, и что волевое усилие – это следствие победы воли над чувствами. Я думаю, любой человек, находясь рядом с отцом, чувствовал эту огромную его силу воли.

Несмотря на это, я не припомню, чтобы отец применял какие-то крайние меры для нашего воспитания, как я уже говорил, он никогда нас не бил и даже голос повышал очень редко. Но иногда все-таки он любил применить «тяжелую артиллерию» и насладиться результатом...

«...Я ещё не работала на кафедре, когда пришла по какому-то делу в дом Горфункелей. П.Л. проводил меня в гостиную и на несколько минут вышел. Из соседней комнаты доносились звуки пианино: кто-то из детей разучивал гаммы. Неслышно вошла крупная собака, очень ладная, короткошерстная, абсолютно чёрная. Спокойно, дружелюбно обнюхала меня, разрешила погладить себя. По моей просьбе подала лапу. Подошла к П.Л., только что опустившемуся на стул, положила голову на его колено. П.Л. погладил её ласково и тихо, но твёрдо сказал: «Уголёк, на место». Уголёк поднялся и с каким-то достоинством покинул комнату. Поняла: в этом доме человек и животное понимают друг друга почти с полуслова. И подумала: «Если собака так воспитана, как же должны быть воспитаны дети?» Это вспоминает

Б.П.Сысоева, заслуженный учитель РСФСР, старший преподаватель, ветеран труда. Вот теперь, спустя этак лет 45, я могу поделиться с Бориславой Петровной и со всеми читателями секретом этого воспитания.

Уголька отец привез из Питера. Он купил его не где-нибудь – на Невском проспекте! Уголек (так мы его называли потом) сидел в компании еще нескольких щенков в коробке с совершенно породистой таксой! – и не просто породистой, а увешанной медалями самых что ни на есть чистых кровей сукой! Отец всегда мечтал о породистой собаке, а уж тут такая такса! С медалями! И щенки такие маленькие и милые, и когда вырастут – будут все в маму! Ну как не купить!? Заплатив немалые деньги, отец добыл где-то кусок мешковины, из которой сам сшил небольшой мешок на лямке, привесил себе под плащ и положил в него щенка. В такой амуниции он и сел в поезд. Как ему удалось проехать весь путь до Ижевска и скрывать щенка – можно только удивляться. Он привез его домой, и щенок сразу же стал нашим любимцем. Со временем он вырос в веселую черную дворнягу, не имеющую с «мамой» ничего общего, кроме цвета. Однако, это никак не повлияло на отношение к Угольку всех окружающих – например, соседей, которым отец с юмором рассказывал, как он купил породистую таксу. О нас и говорить нечего – Уголек стал настоящим членом семьи. Однажды мы поехали в лес, наверное, за грибами – не помню. И когда

стали собираться домой, Уголек никак не хотел садиться в машину – все бегал, резвился – не каждый день такое раздолье. Отец два-три раза сказал ему залезать в машину, но Уголек и ухом не повел. Тогда отец сказал нам всем садиться (мы-то, конечно, выполнили команду с первого раза). Отец еще раз позвал Уголька – без результата. Тогда отец завел машину и поехал. Сначала мы с интересом наблюдали, как Уголек продолжал играть, потом, увидев, что машина уезжает, побежал за ней. Мы еще веселились, полагая, что вот сейчас отец остановится, и Уголек залезет в машину. Но отец не останавливался, а только увеличивал скорость. Уголек продолжал бежать. Мы уже начали волноваться – почему отец не останавливается? – но сказать-то, конечно, ничего не решались... Через некоторое время мы уже видели, как Уголек устал, а отец все ехал. Мама начала подавать робкий голос в защиту Уголька, но отец не реагировал и продолжал увеличивать скорость. Мы уже сжались от страха, полагая, что отец решил оставить Уголька в лесу... Уголек уже начал лаять из последних сил, будучи, конечно, уверен, что его просто забыли, а не специально бросили... В машине висело напряжение, смешанное с отчаянием... Мама бросала на отца умоляющие взгляды, но он их не замечал. Я помню, как я был напуган, и как жалко мне было Уголька – да и сестрам, конечно, тоже... Перед самым выездом на шоссе отец остановился и открыл дверь. Уголек из последних сил влетел в

машину... У нас отлегло от сердца... Стоит ли говорить, что после этого Угольку даже не надо было никогда подавать команду «в машину» - стоило только открыть дверь - и он уже настораживался. А уж если завести мотор - летел пулей! Я думаю, этот был акт воспитания не только Уголька.

Так вот, возвращаясь к общению с отцом, - я все же пытался его избегать, по возможности минимизировать. Меня отталкивали, наверное, даже не столько сами «выговоры», которые я получал на кухне за конкретные проступки, а то напряжение, которое возникало, если отец был рядом. Как это получилось, я не знаю. Может быть, оттого, что в воспитательных беседах со всей неотвратимой логикой и правдивостью обнаруживались как моя вина в совершенном конкретном проступке, так и те мои качества, которые к этим проступкам привели - невнимательность, недостаточное упорство в учебе и других занятиях, непоследовательность, разбросанность, и как следствие - отсутствие должных результатов. И ведь это было правдой, и эта правда со всей очевидностью вылезала наружу во время таких бесед. Так что когда отец был рядом, возникала такая смесь чувства вины с чувством опасности, что может быть обнаружено очередное подтверждение этому. Поэтому я старался как можно реже попадаться отцу на глаза. Кроме того, в повседневной жизни отец требовал от нас высокой дисциплины,

которая – конечно же! – залог успехов в достижении целей. Но дисциплина не была нашим неотъемлемым качеством, поэтому мы по-разному чувствовали и вели себя дома, когда отца не было, и когда он появлялся. Мама рассказывала, например, что когда я приходил из школы, мне всегда надо было срочно в туалет, поскольку я старался не ходить в туалет в школе. Я изо всех сил несся домой, но когда открывал дверь – первым делом спрашивал, дома ли папа. Если нет – я бросал тут же у порога пальто, портфель, шапку – и бегом в туалет. А если папа был дома – я аккуратно весил пальто, снимал обувь, надевал тапки, относил портфель в комнату и только потом – не торопясь! – шел к заветной цели. Возможно, побегу я сразу – отец ничего бы мне и не сказал, но вот так уже действовало его присутствие. Без него мы могли быть расслаблены, баловаться и смеяться, но стоило отцу появиться – наступала тишина, и мы «ходили по струнке». Думаю, очевидно, какой вариант был для нас предпочтительнее.

Люся, второй ребенок родителей, была полной компенсацией за все проблемы, которые родители получили с Наташей. Она была правильной с самого рождения, она не создавала проблем никому – ни родителям, ни воспитателям в детском саду, ни учителям в школе. Она хорошо училась и была вполне самостоятельной – ее не надо было заставлять делать уроки или быть аккуратной и прилежной – она все делала сама.

Она была правильной. Иногда с перегибами – например, стараясь навести в классе порядок, она записывала в специальную тетрадь эпизоды из неправильного поведения одноклассников на перемене, то есть когда их не видят учителя. Одну такую запись я почему-то запомнил – «Поносов бегают». Бедный Поносов, наверное, и не знал, что бегать на перемене – нехорошо. Но Люся-то знала – и все записывала! В общем, Люся выглядела вполне заслуженной наградой родителям за непоседливую и непослушную Наташу. Я был последним ребенком родителей, а в смысле трудностей, которые им доставил – средним. Не так спокоен и правилен, как Люся, но и не так неуправляем как Наташа. Мое детство, конечно, отличалось от детства Наташи. Во-первых, – сын. Отец очень хотел сына, и когда я родился – он просто прыгал от счастья в прямом смысле. Соседи потом рассказывали маме, что пока она была со мной в роддоме, отец просто носился по этажам, делясь со всеми своим счастьем. Счастье усиливалось еще и тем, что вообще-то мама не хотела меня рожать и собиралась делать аборт. Но отец ее сумел уговорить – то есть ему я обязан своей жизнью как минимум трижды – с учетом того, что на войне он защищал и мое право на жизнь. Мое первое воспоминание об отце – как он оставил меня дома, а сам пошел в университет. Дома больше никого не было, и, похоже, это был первый раз, когда я остался один. Не знаю, сколько времени отец отсутствовал, но все это

время я просидел на диване, не сходя с места и ничего не делая. Потом отец пришел и спросил – что я, так и просидел все это время? Практическое воплощение своих планов моего развития отец начал со спорта. Он хотел, чтобы я занимался спортом, и отдал меня в секцию спортивной гимнастики, когда мне было всего 6 лет. Примерно в 8-9 лет меня, как и моих сестер, отдали в музыкальную школу. Примерно в 11-12 лет отец отвел меня в их лабораторию в университете, чтобы я обучился там премудростям радиоэлектроники. Я не стал мастером спорта по гимнастике, хотя и занимался ей много лет, музыкальную школу я бросил через 3 года, свое радио-развитие я прекратил еще быстрее. Отец учил меня фотографировать, и даже подарил мне свой фотоаппарат «Москва-5» с объективом «гармошкой» - и я не стал никаким великим фотографом и даже не полюбил это дело как хобби. Я всегда впоследствии думал, что отец хотел от меня во всех этих занятиях каких-то великих достижений, а я его разочаровывал. Я всегда думал, например, что мне разрешили бросить музыкальную школу только потому, что я набрался смелости «стукнуть по столу кулаком» и сказать «не пойду больше». Я действительно не любил музыкальную школу. Я ее ненавидел, особенно сольфеджио, несмотря на то, что его у нас вела очень красивая женщина Ольга Яновна. Но я был еще маленький, и не мог оценить этого достоинства предмета, а никаких других

достоинств у него я не видел, пение по нотам вызывало у меня стойкое отторжение. То же и с хором. Его у нас вела Розита Андриановна. Она тоже была очень красивой женщиной, и вдобавок к этому она была, наверное, лучшим специалистом тогда в этом деле. Но даже такая комбинация не смогла привить мне любовь к занятию хоровым пением, и, выводя какую-нибудь партию вторым голосом, я думал только о том, когда же это закончится. Уроки по специальности (то есть непосредственно игра на фортепьяно) мне тоже не нравились, потому что мне не разрешали подбирать то, что я хотел, а заставляли играть концерт Берковича, из которого я запомнил только фамилию композитора. Так что любовь к музыке так и не пришла, а развившаяся ненависть к ней была такого размера, что я осмелился перечесть отцу, и заявил, что больше в музыкальную школу не пойду. Увидев такую мою решительность, отец не стал настаивать на продолжении моей музыкальной карьеры. Так я полагал до недавнего времени, и только совсем недавно я узнал от мамы (вот как полезно писать книгу!), что на самом деле отец и не думал меня заставлять, придерживаясь мнения, что если человек не хочет что-то делать, то пусть лучше не делает, и что надо искать то, что понравится. Я был разочарован несколько, потому что до этого открытия полагал – и с гордостью иногда рассказывал – что вот однажды так проявил свой

характер, что даже отец понял, что спорить бесполезно. А он, оказывается, и не хотел. Он не ждал от меня высоких спортивных результатов, он хотел, чтобы я был хорошо развит физически. И вообще, он хотел разностороннего моего развития, поэтому и обучал многому – вождению машины, фотографированию, домашнему строительству и ремонту бытовой техники...

А я-то всегда думал, что отец ждет от меня больших достижений и разочарован их отсутствием, что я не соответствую его высоким требованиям... И, возможно, еще и поэтому – а, может, в первую очередь поэтому – я избегал общения с ним. Наверное, надо чаще – при любой возможности и по любому поводу – подчеркивать достоинства своих детей, показывать им свое восхищение и любовь... Может, это и есть лучшая подготовка к тяжелой жизни. А может, и жизнь тогда не окажется тяжелой...

В общем, воспитание наше проходило в направлении обучения и исправления неправильного – и это, похоже, было основным поводом для общения. Если при этом вспомнить, что отец рос в семье, где его общение с отцом происходило только во время воспитательной порки, то и удивляться особо нечему. Кстати, и в маминой семье тоже все было строго: мамин приемный отец (родной отец мамы умер, когда ей было 3 месяца, так что она его и не помнила) был директором школы, мама – бухгалтером, они были очень скромными людьми и в то же время очень

строгими со своими детьми, и излишними нежностями их тоже не баловали. Так что странно было бы ожидать этого и нам.

Отец очень заботился о том, чтобы мы не выросли изнеженными и избалованными. Любой акт «балования» им пресекался – он часто по этому поводу делал замечания, особенно своей маме – нашей бабушке Еве. Она всегда – видимо, помня голод войны, – старалась нас накормить, в любой момент давала что-нибудь вкусенькое, никогда нас не ругала, не заставляла ничего делать, всегда была с нами ласкова – ну, то есть, по мнению отца, наносила непоправимый ущерб воспитанию личности. Кстати, из всех взрослых нашей семьи бабушка Ева была единственной, не имеющей не только высшего – вообще никакого – образования, и специалистом в воспитании детей она не была, правильных приемов воспитания не знала – и запомнилась мне как человек – единственный! – рядом с которым мне всегда было спокойно...

Даже и не знаю, какой вывод из всего этого сделать. Может, ну его к черту, это воспитание. Просто разговаривать с детьми о том, что им интересно, просто баловать их, просто делать каждый момент жизни радостным и светлым, рассказывать им обо всем, что знаешь, о себе...

Отец бы, например, да и мама тоже, так много интересного могли бы нам рассказать о себе, о своем времени. Но никогда ничего подобного они нам не рассказывали – все только дела, дела... Вот и оказались воспоминания о страшных

воспитательных беседах сильнее, чем о положительных моментах...

Более того – все это передается, так сказать, в следующие поколения. И мы – дети наших родителей – такие же воспитатели. Тоже все воспитываем своих детей в духе подготовки к тяжелой жизни... Откуда вот это у нас? – а вот из того же воспитания... Мы все перенимаем от родителей – а наши дети от нас. Но – слава Богу! – жизнь не стоит на месте, и все постепенно меняется. Я со своими старшими детьми (они сейчас уже взрослые) в их детстве не особенно много беседовал о своем прошлом, да и о них самих тоже – но все-таки уже больше, чем мой отец. И они тоже боялись меня, но уже не так, как мы своего отца. А они, эти дети, со своими детьми уже совсем другие. Аня, моя дочь, много общается со своим сыном, многое ему рассказывает. Про Максима, своего старшего сына, вообще не говорю – он уже совсем другой, и его детям совершенно не угрожает никакой особый «нервный напруг» от подготовки к «тяжелому будущему взрослой жизни», а ждет их совершенно счастливое детство. Да и я со своими младшими детьми стараюсь вести себя по-другому. Получается далеко не всегда – очень трудно перешагивать пороги, сформировавшиеся в детстве. Но я стараюсь. Стараюсь меньше делать им замечаний и больше хвалить, стараюсь, чтобы они чувствовали себя со мной спокойно. И перед сном беседую с ними о чем-нибудь интересном, а

иногда пугаю их – им очень нравится, и они всегда смеются. И я уже знаю, что вот эти бессмысленные и бесполезные вроде моменты запомнятся им больше всего – как тарелка борща на двоих.

Моменты нашей жизни.

В 1968 г. отца назначили заведующим кафедрой педагогики и психологии. Примерно в это же время у него случился его первый инфаркт, который, как решили они с мамой, явился «звонок» о чрезмерно высоких нагрузках – отец никогда не жалел себя, отдавался всему, что делал, полностью. Однако, этот звонок мало что изменил, и отец продолжал работать «на износ», пытаясь воплотить в жизнь как можно больше из задуманного. А задумано было много, и эти десять лет, что отец руководил кафедрой, стали самым замечательным периодом его жизни, самым плодотворным и самым насыщенным разными событиями. Какими только направлениями в психологии он не занимался! Он развернулся, что называется, «на полную катушку». Точнее, они развернулись вместе с мамой, которая тоже уже была и кандидатом наук, и доцентом. Они охватили широчайший спектр психологических исследований и приложений и просто передвинули психологию в Удмуртии на совершенно иной уровень – уровень, достойный науки, а не только популярного просвещения. И с

тех пор наука психология развивается в Удмуртии именно как наука, сохранились все заложенные родителями традиции, приумножились новыми направлениями, новыми кадрами. И это не мое и даже не мамино предположение. Сейчас, когда прошло уже больше 40 лет, и Университет отмечал свое 80-летие, об этой роли родителей в становлении науки психологии в Удмуртии говорили открыто, в том числе и на самих психологических кафедрах, которых теперь уже не только что несколько кафедр, а аж целый институт! И мне очень приятно, что там, в институте, висит барельеф, посвященный отцу, а в университетском музее есть немало материалов о родителях. Вряд ли кто-нибудь из нас, их потомков, сможет похвастать таким следом в истории хоть чего-нибудь. Отец занимался всем – от применения психологии на производстве до судебно-психологических экспертиз. Все, о чем думалось и мечталось столько лет, вдруг получило возможность воплощения – разве могло быть это упущено?! Этот период жизни моих родителей известен многим – их студентам, которых было невероятное количество, преподавателям университета, руководителям предприятий, которые пытались внедрять в свою работу научные психологические методы, различным партийным руководителям, возглавлявшим и направлявшим в то время все, в том числе и развитие психологии, учителям и директорам школ, в которых под руководством кафедры

проходили практику студенты и многим-многим другим, включая тех, кто просто получил от моих родителей непосредственно психологическую помощь.

Это было то самое «будущее», к которому отец так стремился, ради которого были все предыдущие сложности и длительные разлуки, связанные с аспирантурами и защитами диссертаций отца и мамы. Это как раз было то «будущее», про которое отец рассказывал маме в самые тяжелые моменты их жизни, которое должно было вознаградить за весь предыдущий труд.

Конечно, все эти десять лет родители были поглощены работой как никогда, хотя и до этого были заняты, в основном, ей. Но в эти 10 лет развернулось немало событий и в семье – ведь за 10 лет мы из детей превратились во взрослых людей – так что и в этом плане это была целая эпоха.

И кое-что из этой эпохи я уже помню сам, то есть могу рассказать вполне ответственно. Хотя это кое-что – далеко не полное последовательное воспоминание, а просто некоторые отрывки, но которые, возможно, дадут более полное представление о жизни и личности отца.

Как я уже говорил, из всего, связанного с отцом, крепче всего в моей памяти засели воспитательные беседы на кухне. Хотя в жизни нашей было множество других событий – в том числе и очень радостных и приятных, и некоторые из них я тоже помню.

Например, я помню наши поездки за грибами. Считалось, что за грибами надо ехать рано утром. Почему – не знаю. Может, пока грибы еще свежие и не раскисли на жарком солнце, а может, пока их не разобрали другие грибники. А может, и по другой причине. Отец будил нас рано утром – часа в 4!, и мы, наверное, не хотели вставать, но я запомнил, что мне как раз нравилось вставать так рано – ведь впереди был целый день счастья. Помню, что я очень любил эти поездки. Да и не только я – все, конечно. Ведь поездка за грибами – это не только само собирание грибов (которое мы тоже все любили), но и (!) – обед на расстеленном покрывале, где-то на поляне, у реки или просто в лесу. Когда мама достает из сумок термос, хлеб, и потом все, что приготовлено к обеду: яйца, помидоры, огурцы, масло, соль в спичечном коробке, бутерброды с сыром, а иногда даже курица или колбаса. Кажется, ничего уже не может быть лучше. Но – может. Это вождение. Всегда, когда мы куда-то выезжали из города, отец давал мне водить машину. Вообще, отец очень любил машины, очень любил быть за рулем и часто говорил «если бы не инвалидность, я работал бы водителем». И я теперь точно знаю почему, ведь я тоже люблю водить машину, и, уверен, по той же причине – это физическое ощущение свободы, еще одна возможность делать то, что хочешь – поехать туда, куда хочешь. Это ты ведешь этот автомобиль, это ты определяешь, куда он тебя везет, а не кто-то еще... А кроме того

- и это, я думаю, было не менее важно, - машина делала для отца возможными длинные и долгие передвижения, которые без нее были для него невозможны или мучительны - ведь боли в ноге не оставляли его никогда, а совсем даже минимальные пройденные расстояния делали эти боли очень сильными. Вообще, машины - это отдельная глава, такая отдельная составляющая жизни отца, и как мне кажется, весьма значительная.

Первой машиной родителей была «Победа». Если кто не помнит - это была одна из основных моделей (а может и вообще единственная) легкового автомобиля - большая, кузов - из толстого железа. Однажды отец и еще трое преподавателей (у всех, между прочим, по двое - трое детей!) ехали по Нылгинскому тракту для выбора территории под студенческий спортивный лагерь. На обратном пути, нарушив правила, какой-то велосипедист оказался прямо на пути «Победы», еще немного - и он был бы сбит. Отец свернул в кювет, машина трижды перевернулась. Те, кто потом видел, в каком состоянии была машина после аварии (совершенно смятый со всех сторон кузов), не могли поверить, что все люди в машине не только остались живы, но и практически не пострадали! Отец, правда, потерял сознание на какое-то время... Но маме ничего не сказал, пришел домой с улыбкой, в хорошем настроении (то есть, конечно, делал вид). И уж потом рассказал о том, что случилось. Не

сразу рассказал, а, стараясь, как всегда, сберечь мамино спокойствие, постепенно, в стиле «Все хорошо, прекрасная маркиза». В различных воспоминаниях, в том числе и напечатанных, свидетели тех событий описывают действия отца, как геройские – свернул в кювет, чтобы не сбить велосипедиста! Я думаю, его решение свернуть в кювет было нормальным рефлекторным действием, характерным для большинства водителей. Потому что на самом деле в этой ситуации гораздо правильнее было сбить нарушившего правила велосипедиста, чем угробить 4 невинных человек в «Победе» - отцов совершенно невинных детей! Велосипедисту повезло – во-первых, думать и выносить справедливый приговор было некогда, и, во-вторых, у отца была отменная реакция... Всем четверым в машине повезло тоже – перевернуться в машине в кювет и остаться живыми и практически невредимыми! Не повезло машине – но это был самый удачный вариант. С тех пор отец всегда говорил, что самое опасное на дороге – велосипедисты. И когда много лет спустя он учил меня водить машину, он всегда это повторял. Впоследствии я, хоть никогда и не сталкивался в аварийных ситуациях с велосипедистами, но точно так же повторял это своей дочери, когда она училась водить машину. Причем повторял не потому, что это мне говорил мой отец, а потому, что был именно глубоко уверен – и до сих пор уверен! - в том, что это так –

настолько сильно было влияние его слова. Кстати, отец и в этом обогнал свое время: много лет спустя я прочитал в правилах дорожного движения Австралии (где дорожное движение организовано просто отменно!), что одна из наибольших опасностей на дороге – велосипедист. Это записано прямо в правилах – среди наиболее важных советов водителям!

Второй машиной был Москвич-401, эту я уже немного помню, похожа на те, в которых ездил Штирлиц. Но я не помню никаких событий, связанных с ней, если не считать того, что потом отец продал эту машину нашему соседу Борису Ивановичу, и мы, дети двора, подсыпали ему в бак песок, а также затыкали выхлопную трубу. А еще наш дворовый алкаш Кутя, который каким-то чудом совмещал пьянство и работу молотобойца на механическом заводе, возвращаясь однажды домой после одного из этих занятий, т.е. в любом случае находясь в подпитии, стал играть с нами в футбол. И когда мяч закатился под эту машину Бориса Ивановича, Кутя просто приподнял ее наполовину, чтобы мы могли его достать.

Третьей машиной был Запорожец-965. Такой горбатый маленький Запорожец, менее престижной машиной была только «инвалидка» – некое подобие коляски с мотоциклетным двигателем. Отцу этот Запорожец дали то ли бесплатно, то ли без очереди – в общем, как инвалиду войны. Кстати, более престижная

модель тоже была только одна – Запорожец 966, но ее инвалидам не давали, а может, давали, но не всем, а выборочно. Конечно, еще были крутые машины – например, Волга ГАЗ-21 с оленем, застывшим в прыжке на капоте, но это уже было из разряда недостижимого даже для воображения. Но каким-то образом родителям удалось поставить дело так, что мы никогда не вздыхали по поводу более престижных моделей, а очень радовались нашей маленькой машинке. Я не знаю, что родители для этого делали, наверное, ничего, просто сами были такими – независтливыми, искренними... А может, и делали что-то, но так, что мы этого не замечали – профессионалы же. Но в любом случае, мы и взрослыми стали точно такими же – совершенно избежавшими этого чувства зависти, способного погубить в человеке все самое хорошее. И в этом нам крупно повезло – в сегодняшней жизни поводов для зависти гораздо больше: разница в материальном обеспечении людей гораздо глубже, соблазны стать известным и влиятельным в глазах окружающих легко овладевают людьми. Стоит один раз попасться – и это станет целью всей жизни, затмив саму жизнь. Нам повезло с родителями. Так вот, наш белый «Запорожец» я уже помню очень хорошо, в первую очередь потому, что именно на нем отец начал меня учить водить машину – а было мне всего 7 лет! Для вождения я подкладывал под себя подушку, поскольку иначе – даже в такой маленькой

машинке – я не видел дороги. Машинка наша была с ручным управлением. Поскольку у отца не было правой голени – вместо педали газа были такие лопасти на руле (кстати, очень удобно), а вместо педали тормоза – рычаг у правой руки. Я легко научился с этим управляться. Во время вождения отец никогда не повышал на меня голоса, даже если я ехал неправильно. Он методично учил меня, например, не заезжать одновременно двумя колесами в выбоины, а выбирать дорогу так, чтобы в выбоину одновременно попадало только одно колесо. Если же попадали два – машину сильно трясло. Но и в такие моменты отец никогда меня не ругал, не выговаривал мне – он меня учил. И научил – впоследствии я действительно умел достаточно плавно проехать по самой корявой дороге (какая, например, вела от шоссе к нашему садовому участку). Сейчас мне уже не попадаются такие дороги, но все равно приятно сознавать, что в случае чего – я и это могу. Не помню, с какого возраста отец начал привлекать меня к ремонту машины. Сам он возился с машиной часто. Во-первых, я думаю, все машины тогда были такие, что в них все время что-нибудь не работало. Во-вторых, отцу это нравилось. В этом деле он также проявлял свою смекалку и находил нестандартные, но эффективные решения. Я помню, что однажды появилась дыра в крышке блока цилиндров. Неважно, что большинство не знает, что это такое – достаточно знать, что эта

крышка должна выдерживать сильное давление. И вот каким-то образом в ней появилась дыра. Такую дыру не заклеишь лейкопластырем. Все говорили отцу, что придется покупать новую (то ли крышку, то ли блок цилиндров, а может вообще машину – не помню). Но отец был бы не он, если бы не нашел решение. Тогда только-только появился клей, называемый «эпоксидная смола». Клей хороший, но не настолько прочный, чтобы им заклеить немаленькую дыру, и чтобы он выдерживал давление. И тогда отец «усилил» этот клей – он напилит железных опилок, добавил их в этот клей и заклеил дыру. Я помню, как все удивлялись, увидев, что это сработало. Кстати, это было уже с «Москвичом» - нашей следующей и последней для отца машиной. Эту машину родители купили, долго ожидая ее в очереди, хотя можно было получить опять Запорожец без очереди. Но отец хотел хорошую машину - и они ее купили! Под руководством отца я тоже стал неплохо разбираться в устройстве машины. Однажды, когда отца уже не было, мне пришлось менять на нашем «Москвиче» коробку передач. Я не просто сменил ее сам – я сделал это один, и даже не подняв машину на домкрат. Те, кто понимает в этом – оценят. Опять же, сейчас это все уже не является необходимым, и все действия по обслуживанию машин свелись к плановым поездкам на техобслуживание. Я уверен, что большинство водителей не знают, как поменять колесо – какой уж там самостоятельный ремонт.

Да это сейчас и не надо. Но приятно сознавать, что ты это можешь.

Возможно, у тех, кто понимает и помнит, что такое сменить коробку передач, возникнет вопрос: а почему я делал это один, что нельзя было позвать кого-нибудь? И я отвечу – это, видимо, наследственное. Отец страшно не любил обращаться за помощью и старался все сделать сам, даже когда обращение за помощью было вполне естественным и эффективным шагом для решения задачи. Мама рассказывала, что даже когда они, например, искали какой-нибудь адрес в другом городе и не могли найти, ей стоило больших трудов уговорить отца спросить об этом прохожих. Мало того, он и ей не давал этого делать – и мама, конечно, не делала, понимая какой гнев это вызовет. Откуда такое качество появилось – неизвестно, но оно было у отца всегда. Мама рассказывала, что еще в студенческие годы, когда они еще не были с отцом вместе, но она уже заметила его, она отмечала, что отец никогда не хотел, чтобы ему помогали, например, поднять упавший костыль – всегда хотел справиться – и справлялся – сам! И сердился, если кто-то настаивал на оказании ему помощи. По рассказам мамы, это качество отца проявлялось во многих случаях, и я несколько таких случаев помню, а один из них даже расскажу.

Дело было летом (зимой отец на машине и не ездил – как, впрочем, многие в то время). Мы

поехали всей семьей в Сарапул – там жил мамин брат с семьей. Дорога не дальняя – 60 км, по сегодняшним меркам вообще не расстояние. Да и по тем временам – не большое путешествие, уж точно без ночевки в пути. По дороге обратно мы прокололи колесо. Каждый нормальный водитель в то время был готов к такому событию: во-первых, «поймать» на дороге гвоздь или стекло было вполне вероятно, во-вторых, резина на колесах у большинства была в таком состоянии («лысая»), что ее легко можно было проткнуть гвоздем, держа его в руке (что иногда некоторыми и делалось в качестве развлечения или приветствия соседям). Так что практически каждый водитель имел у себя в багажнике необходимый набор. Наиболее опытные и бывалые, подходившие к делу основательно, имели 3-х ступенчатую защиту: 1) запасное колесо, которое можно поставить вместо проколотого – для этого надо всего лишь поставить машину на домкрат, снять колесо, поставить колесо, снять машину с домкрата, 2) запасную камеру (на случай, если «запаска» уже дырявая), которой можно заменить проколотую – для этого надо снятое колесо разбортовать, т.е. снять покрышку с диска, достать камеру из-под покрышки, вставить другую и забортовать колесо обратно, 3) кусок резины и клей (на случай, если и запасная камера тоже уже дырявая) – для заклеивания дырки в камере. У нас был второй вариант – т.е. надо было снимать колесо,

разбортовывать его и надевать запасную камеру. В принципе – не бог весть какое дело, я отцу не раз помогал в таком деле, да и перебортовка была не новым делом для нас обоих. Так что отец сказал маме и девочкам сходить погулять по лесу на пол-часика, поискать грибы, а мы тут за это время все сделаем. Отправил он их в лес вовсе не потому, что нам нужны были грибы, а потому, что отец не любил наблюдателей во время работы. Наверное, это тоже наследственное – я тоже этого не люблю, правда, послать всех в лес удастся редко. Приступив к работе по замене камеры, мы быстро прошли первую часть – подняли машину на домкрат и сняли колесо. Но разбортовка загнала нас в тупик: резина прилипла, я бы сказал «прикипела» к диску, и не хотела с него слезать. Чего мы только не делали: в разных комбинациях и последовательностях вставляли длинную и короткую «монтажки», подкладывали какие-то найденные на земле палки, я вставал по указанию отца на резину, но моего веса было явно не достаточно, и это никак не помогало. С такой ситуацией мы раньше не сталкивались, и понятия не имели что делать. Мама с девочками давно уже вернулись из леса. Мама уже несколько раз предлагала поесть (что-то с собой было), но отец говорил, что не надо – скоро поедем. Через некоторое время отец уже согласился, чтобы мама покормила нас – сам он есть не стал и был уже, я бы сказал, не очень спокоен, хотя и продолжал что-то делать, но понимал уже, что это все не

поможет – резина прикипела насмерть. Мама робко предложила обратиться к кому-нибудь за помощью. В принципе, это было логично и легко – мы были на краю шоссе, мимо проезжало много машин, в том числе грузовых – а там ведь профессионалы. Но отец сказал, что справимся сами и продолжил попытки снять покрышку. Я был не активным участником действия, а лишь выполнял указания. Начинало темнеть, мама снова попыталась подать голос в пользу обращения за помощью, но отец был неумолим, а мамина излишняя настойчивость (ведь сказал же один раз – нет!), вызвала лишь дополнительное неудовольствие. Девочки, да и я тоже, вообще молчали – в таких ситуациях, когда отец раздражен, лучше не привлекать к себе внимания.... Вот сейчас я думаю – ведь было понятно, что отец не знал, что с этим делать, и что мы не первые, кто сталкивается с этим – ну, то есть, самое время спросить у кого-нибудь, что с этим делать. Но нет, нам легких путей не надо, мы сами справимся. Стало холодно, темно и понятно, что до утра мы никуда не уедем – в темноте тем более ничего не получится. Так что мы заночевали прямо там, на обочине, в машине. Рано утром отец остановил машину... Я так понимаю, чувство ответственности перед семьей победило... Водитель, молодой парень, посмотрел на колесо и сказал, что в таких случаях, как наш, надо просто наехать на покрышку машиной – никаким другим способом ее не снять. И тут же проделал это – за

две минуты крышка была снята. Мы быстро поставили колесо и поехали домой. Кайф был невероятный: отец включил отопление (за ночь мы сильно замерзли и никак не могли согреться), мама дала нам по бутерброду... Но самое главное – было спокойно, отец был в хорошем настроении, а значит, и мы могли расслабиться. Всю дорогу отец говорил, какой хороший парень этот шофер, который помог нам, настоящий профессионал. И наверняка сам думал – чего сразу не обратился за помощью? Впоследствии, вспоминая об этом случае, я всегда отмечал, что, конечно, надо было сразу кого-то попросить помочь – и нам не пришлось бы провести такую ночь под открытым небом. Очень логично и понятно. Но не помогает. И я сам тоже стараюсь избегать обращаться за помощью, хотя и понимаю, что это глупо, а на замечания жены объясняю, что это наследственное, так что я не виноват.

Примерно к 12-13 годам я уже водил машину совсем хорошо, и отец иногда разрешал мне ездить самостоятельно. Так, например, когда он лежал в больнице, я подъезжал на машине, он выходил в одной пижаме – как бы погулять – садился в машину, и я вез его домой – наверное, принять ванну, да и вообще побыть дома. Я помню, отец с гордостью говорил соседям по палате, что за ним приехал сын на машине. Да я и сам этим гордился. А после 8-го класса (т.е. мне было 14 лет!), когда мы на машине ездили к бабушке с дедушкой в Гжатск (теперь Гагарин –

город в 170 км от Москвы), отец давал мне водить машину по улицам Москвы и Ленинграда! Конечно, я сдал на права, как только мне исполнилось 18. Я до сих пор – как и отец в свое время - очень люблю водить машину.

С последней машиной связано еще одно воспоминание. Эта машина тоже была с ручным управлением – рычаги газа и тормоза были сделаны для рук. Конечно, это делало управление машиной менее приятным – обе руки всегда заняты, маневрировать сложнее. Вы только представьте, что невозможно, например, крутить двумя руками руль (например, в повороте) и одновременно прибавлять газ – а ведь это обычная ситуация. Поэтому, конечно же, мне всегда хотелось поводить нормальную машину (уверен, что и отцу – тоже!). И вот однажды родители собирались на 2 недели отдохнуть на Воложку, и я их должен был туда на машине отвезти (и, стало быть, машина оставалась в моем полном распоряжении на две недели!). Предвкушая 2 недели владения машиной, я поменял ее управление – снял рычаги газа и тормоза и поставил на место них обычные педали (они сохранились в комплекте машины). Когда отец увидел это, он очень расстроился, стал говорить, что я зря это сделал, приводя какие-то искусственные аргументы. На самом деле, конечно, ему было просто неприятно: не успел уехать, а уже все поменяли – тут разные ассоциации могут возникнуть. Тогда, конечно, я

этого не понял – и мне ведь так хотелось поехать с педалями! А сейчас все видится по-другому: ведь это было летом 1982 года, последнее лето отца, он уже знал о своем диагнозе – и вот, не успела закрыться дверь, а сын уже...

Сейчас я часто думаю – вот сейчас бы отцу поехать! Сейчас машины с автоматической коробкой передач, т.е. педалей только две, и отец спокойно смог бы ездить без всякого ручного управления, да и машины-то совсем другие... Хотя, возможно, отец от своей машины испытал гораздо больше наслаждения, чем мы – от наших. Вождение машины, точнее, обучение этому, было, пожалуй, единственным занятием, которое мы делали с отцом вместе (ну, то есть, он меня учил) и при этом практически никогда не ругались и не ссорились. Потому что нет почвы для споров – один учит, другой учится. Но я и здесь находил иногда поводы. Помню, однажды, я вел машину, отец сидел рядом и говорил мне, чтобы я увеличил расстояние до впереди идущего грузовика. Я, видимо, не увеличивал, и отец сказал, что за такими грузовиками опасно ехать так близко, потому что он может резко остановиться – поскольку очень тяжелый – и я в него въеду. На что я вполне обоснованно возразил, что чем тяжелее машина, тем длиннее у нее будет тормозной путь, да и расстояние вполне нормальное. И ведь был прав! Но – в который раз – не всегда важно быть правым. Надо-то было просто увеличить расстояние, потому что, во-

первых, это никогда не повредит, а, во-вторых, надо всегда слушать, что говорит отец – теперь-то я в этом абсолютно уверен, но пока не могу втолковать это своим детям. Не понимают пока. Хотя некоторые уже начали задумываться, так что еще есть надежда. Кстати, вот сейчас вспомнил, что когда машину ведет моя жена, основное замечание, которое я ей делаю (а как же мне обойтись без замечаний!) – слишком малое расстояние до впереди идущей машины... Может, это тоже наследственное, а расстояние-то вполне нормальное.

Так вот, когда мы выезжали за грибами, я еще и машину водил, что делало такие поездки еще более желанными. Я мало помню подробностей таких поездок, но вот что мне запомнилось точно – это состояние покоя и счастья. Я помню, что в этих поездках у отца всегда было хорошее настроение. Сидя за рулем, он насвистывал какую-либо мелодию или просто такие соловьиные трели, приговаривал «хорошо ведь, Анёк?» или «ну, ребята, хорошо ведь?». Машина, дорога, скорость, вся семья рядом – все это, конечно, положительно влияло на настроение отца, и я не помню ни одного раза, чтобы мы получали от него какие-либо воспитательные выволочки в эти дни – как будто устраивалось негласное перемирие. Так что уже за одно это можно было любить эти поездки.

Собранные грибы мы солили, заготавливали на зиму – но это уже не самая любимая стадия таких

поездок, а просто неотъемлемая, как «саночки возить». А еще часть грибов мы отдавали тем соседям, у которых не было возможности самим их собирать – в нашем доме жили несколько пожилых людей, и родители посылали нас к ним с такими вот подарками.

Еще отдельным воспоминанием является наш садовый участок и вообще строительство. Под строительством имеется в виду создание разного рода домашних приспособлений: полок, кухонных шкафов и пр., а также и проектов помасштабнее – например, маленький садовый домик. И в этих - «побочных» - занятиях тоже проявлялись отцовские изобретательность, способность находить нестандартные ходы и реализовывать их. Например, когда мы жили в 2-х комнатной квартире (родители, трое детей, няня, которая жила у нас, и Витя – мамин брат), отец, чтобы уместить нас троих в одной комнате (а комнаты были малюсенькие), сделал 2-х ярусную кровать. Сейчас этим вряд ли кого удивишь, а тогда никто даже придумать такое не мог, и к нам ходили смотреть на эту кровать как на техническое чудо. Знаю об этом, конечно же, от мамы, но и сам смутно помню эту кровать справа от двери - я, конечно, спал наверху. Мама рассказывала, что только через несколько лет впервые о 2-х ярусных кроватях где-то написали, как о каком-то совершенно новом изобретении... Или, например, домик на нашем садовом участке. Участок был недалеко от города, тогда многие их покупали (в

Ижевске их называли, да и до сих пор называют - «садоогород») – проводить время на природе, а, возможно, и для обеспечения себя фруктами и овощами. Я помню, как мы в первый раз приехали туда. Участок представлял из себя 3 сотки земли (ну, то есть 300 кв.м., то есть территория 15x20 м), на которых были разбиты грядки (я помню одну – с земляникой), а также были сложены какие-то старые доски. Ничего другого там не было. Помню, как мама сообщила нам, что мы этот участок купили. Очевидно, она хотела сообщить об этом как-то необычно, неожиданно, чтобы еще больше увеличить нашу без сомнения предполагаемую радость от этого события. Мы пололи грядку (занятие, которое я впоследствии ненавидел с такой силой, что даже сейчас, вспомнив об этом, почувствовал некое подобие тошноты). Очевидно, мама хотела продемонстрировать нам, как это здорово – копать на своем участке, и вызвать наши восторги и просьбы немедленно такой купить. И тут бы она и сказала – а вот, мы уже его купили! Но восторгов мама не дождалась, похоже, потому что я помню, что она подошла к сообщению о покупке по-другому: она спросила нас, как мы думаем, сколько этот участок стоит. Он стоил, как я потом узнал, 600 рублей – это были достаточно большие деньги. Наверное, мама ожидала, что мы будем поражены величиной участка и скажем, что он бесценен (я помню, что при приеме в комсомол, когда тебя проверяли на политическую

подкованность, так полагалось отвечать на вопрос «сколько стоит хлеб») Но я маминых надежд не оправдал и уверенно назвал предполагаемую цену – 10 рублей! Мама предприняла последнюю попытку и удивленно-возмущенно сказала «Да ну что ты!». Тогда я понял, что не угадал и тут же исправился – ну, рублей 25! Короче, я с самого начала это приобретение не оценил. Впоследствии мама много раз говорила мне, что вот с возрастом я пойму как это хорошо – копать в грядках! Не знаю, о каком точно возрасте мама говорила, но, похоже, до стольких лет мало кто доживает... Отец, насколько я помню, тоже не был фанатом ни прополки грядок, ни других сельскохозяйственных мероприятий, участия в них не принимал, он занимался строительством. Так что я любил помогать ему – в основном, наверное, делая выбор в пользу строительства между строительством и собиранием коровьего навоза на полях – «для удобрения грядок» - или прополки этих же грядок. Я отлично помню, как мы с ведрами ходили по прилегающим полям и искали эти коровьи «следы», которое мама называла «шоколадом», пытаясь, очевидно, нас вдохновить. Надо сказать, прием срабатывал. По крайней мере, прополку грядок я ненавидел гораздо больше, чем собирание этого шоколада. Участие отца в данных мероприятиях ограничивалось организацией: когда мы начинали выражать недовольство этим занятием или сомнение в его целесообразности – отец бросал на

нас взгляд. Один только взгляд, но такой, что сразу же становилось ясно, что надо идти и как можно быстрее. Такой вот взгляд бросал на нас отец, и этим исчерпывалось его участие в общем деле удобрения грядок.

Так вот, отец построил на этом участке маленький домик. Домик – громко сказано. Это было строение площадью, я думаю, максимум 6-7 кв.м. и никаких перегородок внутри – для них уже просто не оставалось места. Уже потом, через много лет, когда отца уже не было, я оценил – насколько же изобретательны и нестандартны были его решения! Так, например, отопление. Ночевать в этих хоромах без него было холодно. Но о том, чтобы делать печку (единственный известный в то время способ отопления дома за городом), не могло быть и речи. Во-первых, печку сам не сложишь – надо кого-то нанимать, к кому-то обращаться за помощью – и одно это уже делало такой вариант плохим. Во-вторых, надо покупать кирпичи, цемент – а где это купишь. И самое главное – если делать печку, она как раз будет размером с этот дворец. Отец устроил обогревательную систему домика из старого титана. Кто не знает – это раньше была такая система для подогрева воды и отопления в ванной комнате – металлический цилиндр диаметром около 30-40 см и высотой, наверное, метра 1,5, с отсеком для сжигания дров – стояли во многих квартирах до появления газовых колонок. Так вот что сделал отец: он вставил внутрь этого

цилиндра трубу для выхода дыма, вывел ее на крышу домика, а полость между этой трубой и цилиндром заложил глиной, оставшейся у нас в большом количестве после того, как нам вырыли колодец. Колодец – это отдельная история, потом расскажу. Теперь при отоплении эта глина нагревалась – как в настоящей печке – и хранила тепло долго-долго! Или окно – это было опять же совершенно необычное для того времени решение. Обычное окно в садовом домике – это небольшое вертикально расположенное окно, с двумя створками и форточкой. То есть надо было иметь раму по размеру, стекла по размеру (достать-то стекло было трудно, а уж отрезать по размеру – тем более). Окна обычно были маленькие. Окно в нашем домике было совсем другим (впрочем, почему было – домик – то до сих пор стоит, исполняя функцию летней кухни, которая маме очень нравится). Это горизонтальное, в пол-стены, окно без всяких створок – просто большое оргстекло в раме. Плюсов – полно: светло, зафиксировать можно (открывалось наружу, петли вверху) в любом положении, не надо никаких форточек, нет опасности разбить стекло! И сделать это было гораздо проще и быстрее! Кстати, по-моему, с тех пор мне нравятся большие окна и светлые помещения.

И много еще можно привести примеров того, как отец любил мастерить и какие при этом находил интересные и необычные решения. При этом надо

учесть, что мастерить-то было совершенно не из чего – никаких строительных материалов тогда не продавали. Да что там тогда – я прекрасно помню, когда я уже стал отцу помогать в этих занятиях, а затем стал и самостоятельно делать какие-то такие вещи, материалы собирал где попало: деревянные планки от упаковки мебели, доски ДСП по случаю, шурупы на рынке... Когда сейчас я хожу в магазин за чем-нибудь для такого строительства, всегда думаю, вот бы отец это увидел: есть все, чего только придумаешь, а также много еще чего, о чем даже не думал... После смерти отца я перебирал его «столярный уголок» - все его инструменты, шурупы и прочая утварь для строительства содержались на полках, построенных им же в своем кабинете – маленькой комнатке в нашей последней (для него) квартире. Комната была площадью, я думаю, около 8 кв.м – не больше. Там были кровать отца, письменный стол и этот столярный уголок в виде полок от пола до потолка. Там было много чего: отвертки, электродрель, шурупы, гвозди, плоскогубцы, железные планки, деревянные планки, пластиковые пластины, даже был токарный станок – он лежал на полу в нерабочем состоянии. Конечно, отец собирался когда-то его восстановить и использовать... Вообще, все находилось не в идеальном порядке, но в состоянии готовности к идеальному порядку, были какие-то ящички, в которые, наверное, предполагалось в будущем разложить гвозди и

шурупы, какие-то баночки из-под майонеза, чтобы в каждую положить, наверное, отдельный вид шурупов, гаек и шайб... Одна полка, на уровне пояса, одновременно выполняла роль верстака – то есть на ней было немного свободного места для работы с материалом... Конечно, отец наверняка мечтал о том времени, когда забот станет меньше, и он сможет больше времени проводить за этим занятием. И вот тогда уж он наведет в этом деле совершенный порядок, и так приятно будет работать – не спеша, с расстановкой, зная, где что лежит, и все это удобно так организовано... Я перебрал все это хозяйство, сложил, что-то выбросил, но в основном большинство оставил – я ведь уже разбирался в этом и понимал, что это теперь все мое, как и заботы о семье. Мы потом много раз переезжали, я все это перевозил с собой, постепенно заменяя на новое, и тоже стараясь по мере возможности держать в порядке и готовности. Теперь, конечно, все другое, инструменты современные, никаких материалов «про запас» хранить не надо – пошел в магазин и купил, когда потребуется. И я тоже очень люблю что-нибудь делать своими руками для дома. И у меня теперь есть кладовка для инструментов и верстак в гараже, и я стараюсь все держать в порядке. Но получается пока не совсем – нет времени. Но когда-то потом, когда забот станет меньше, я наконец все устрою как надо...

Еще на нашем садовом участке был колодец. Это было велением того времени – делать колодцы. Делали их так: приезжала специальная машина, которая бурила дыру диаметром 1 м и глубиной 3 м. Я так понимаю, это был «колым» водителей таких машин. Пробурить эту дыру стоило 10 рублей. В результате рядом с ней оставалась огромная куча глины, а сама дыра постепенно заполнялась грязной водой. Правда, мама утверждала, что это очень чистая вода, просто еще глина не осела. Возможно. Но она это говорила и через год, и через два. Хотя, наверное, вода действительно была чистая – судя по тому, что лягушки в ней плавали с удовольствием. Все, кто сделал такие колодцы, впоследствии вставляли в нее трубу – такую бетонную трубу, диаметром как раз метр – и стенки колодца больше не осыпались. Где люди брали трубу – не знаю, ведь тогда ничего такого в магазинах не продавалось, а трубы эти использовались в строительстве чего-то, может, водопровода. Но в те времена люди не покупали, а «доставали» - т.е. договаривались где-то купить что-то из того, что не продается в магазинах. Для этого было два пути. Путь первый: вы имеете «блат», т.е. знакомого начальника конторы, в которой это «что-то» есть. Тогда вы имеете возможность это купить совершенно легально по совершенно смешной цене – ведь все это находится во внутреннем государственном обороте и стоит по документам очень дешево – и вы по этой цене это

покупаете! И все законно – вы купили у государства и заплатили государству. Надо только, чтобы начальник такой конторы захотел вам это продать – ведь он не магазин, а, например, строительная контора. И он не обязан продавать всем. А продаст он вам, если от вас будет польза – сейчас или когда-то в будущем. Ну, если вы начальник базы или преподаватель в институте, например... И кто-то вас порекомендовал, что вы вот такой человек, который умеет решать вопросы... Короче, это был такой закрытый клуб, в который если вы сумеете войти – то у вас обязательно будет и труба для колодца, и вообще много еще чего – и все практически бесплатно. Путь второй: купить нужную вещь не у государства, а у человека, который работает на том складе, где эта вещь хранится. Т. е. вы фактически покупаете ворованное. И вы это понимаете. Если вы, например, покупаете у сторожа стройки кирпичи, то вы, конечно, понимаете, что он их не из дома принес... Никаких других вариантов тогда не было. А если вы гордо откажетесь от этих – то у вас никогда не будет трубы в колодце. Ведь в магазинах их не продают! Хотя у всех, кроме вас, эти трубы будут! Они будут торчать, как положено, на метр из земли – на участках ваших соседей вокруг вас и напоминать вам, что вы ни черта не можете в этой жизни... И, имея свой колодец, вы будете посылать своих детей за водой к соседям, у которых труба есть.

Так что отец тоже хотел поставить трубу. И я сильно подозреваю... да что там подозревать! - я абсолютно уверен, что отец пытался пойти по второму варианту – криминальному. Сейчас объясню, почему я в этом уверен. Нисколько не сомневаюсь, что отец легко мог бы найти этот самый бласт и купить эту трубу официально, заплатив в кассу эти самые 68 копеек, например. И все официально, и ты ничего не воруеть – ты покупаешь. Ты – честный человек. Но есть маленькая деталь: ты должен согласиться, что ты – «свой». Никто не требует от тебя письменного согласия, да и устного тоже. Но ты сам, внутри себя, должен с этим согласиться. С тем, что ты вот такой избранный – любому с улицы не продадут, а тебе продадут. И не только здесь, но и во многих других еще местах, где тоже эти «свои». И дело даже не в том, что когда-то и к тебе могут прийти и тоже попросить сделать чего-то «в виде исключения». Могут и вообще не прийти. Не в этом дело. А в том, что в этот момент, пожимая руку этому начальнику, который разрешил продать тебе эту трубу (это полное собрание сочинений или этот гарнитур), ты признаешь, что вы оба – вот эта вот самая «элита», и вы оба этим гордитесь и почитаете за большую ценность и личное достижение – принадлежать этому кругу. От мамы я знаю, что отец никогда не пользовался «бластом», и я думаю, что вот именно поэтому. Я думаю, ему было противно об этом даже думать. Второй общеизвестный путь – находить тех, кто

имеет доступ к тому, чего вам надо, и может вам это продать. Этот кто-то не требовал от вас признаний его заслуг, принадлежности к элите... Он просто воровал, не скрывая от вас этого, зная, что за это и посадить могут, и не делая из себя интеллектуального героя. И из этих двух вариантов отец предпочел – я это знаю от мамы – этот второй. Мне такой выбор очень даже понятен. Когда-то давно я посмотрел фильм «Возвращение «Святого Луки» - о том, как из музея украли знаменитую картину и как ее перепродавали и пытались вывезти за границу. В этой цепочке были разные люди. Вор – который непосредственно украд картину (играл его Дворжецкий), а также еще несколько человек – посредники, перевозчики и т.д. Участвовал в этой цепочке и интеллигентный такой человек, из научной сферы, (его играл Басилашвили). Он непосредственно с кражей никак связан не был, ничего не крад, а лишь был посредником при перепродаже. И чувствовал себя, конечно, человеком высокой культуры, ценящим искусство, и таким вот «входим и избранным», ничего, конечно, не имеющим общего с низом общества и уж тем более - с ворами. И вот в какой-то момент фильма я понял, что мне гораздо более симпатичен вор Дворжецкого, чем вот этот представитель «элиты», которого играл Басилашвили. Так что выбор отца я вполне понимаю и одобряю. Мама рассказывала, как он много раз, ранним утром подъезжал на стройки,

пытаясь найти, где эти трубы есть, с кем надо договариваться... Но так и не нашел. И это для меня тоже не удивительно. Ведь и тут надо уметь разговаривать – по крайней мере, чтобы тебе поверили, что ты не из милиции и что ты вообще тоже в каком-то смысле «свой», т.е. для тебя вообще это нормально – вот так покупать... Отец, наверное, такого впечатления тоже не производил... Так что в течение нескольких лет (!) отец искал трубу, а я каждый год спускался в колодец, из которого предварительно откачивали воду, и чистил его, складывая глину со дна в ведро, которое мне спускали на веревке. Зачем я это делал – не знаю, ведь воду оттуда мы все равно не брали, а ходили к соседям. Но мне говорили – я делал. Наверное, отец каждый раз считал, что вот в этом-то году точно найдет трубу, и уж надо поставить ее в чистый колодец. Глину опять складывали около колодца. Часть ее ушла на печку, о которой я уже рассказал, а остальное так и лежало около колодца. Колодец мы закрывали крышкой, которую отец сделал, чтобы никто туда не провалился. Эпопея с колодцем закончилась бесславно. Я уже, наверное, был студентом, когда мама сказала мне, что колодец надо засыпать. Совершенно ясно, что это она не сама приняла такое решение, а сумела убедить в этом отца. Как всегда, решения до нас (в данном случае до меня) доносила она. Хотя - казалось бы – гораздо естественнее отцу сказать мне об этом, сказать, что я должен сделать и как. Но вот так

всегда было, что такое общение происходило через маму. Так что она дала мне 10 рублей и попросила, чтобы я нашел где-то машину с землей и засыпал колодец. Я договорился с каким-то шофером с машиной, заполненной каким-то песком, и за 10 рублей он приехал к нам на огород и высыпал этот песок в наш колодец. Так что вот этот колодец в итоге стоил нам 20 рублей и нескольких моих ежегодных спусков вниз и чисток. В общем, не так уже и дорого...

У меня осталось твердое впечатление, что отца все уважали – и соседи, и коллеги, и просто знакомые. Я уверен, его уважали даже люди, находившиеся с ним в не очень дружеских отношениях. Об одном таком примере я знаю сам. Был в университете такой профессор юрист Василий Васильевич Овсиенко, он - как и отец - был ветераном войны и тоже без ноги: нога его была ампутирована полностью, и он ходил на костылях. Уже после смерти отца я поступил на юридический факультет и на 5 курсе написал диплом об использовании компьютеров в правоохранительных органах. Тема была совершенно для того времени новая. А я был не самым угодным студентом для некоторых преподавателей, особенно для одного из них. Причины для этого не было никакой – он просто меня не любил, в течение всей учебы старался меня «закопать», а оттого, что это не получалось, он не любил меня еще больше. Так что к пятому курсу он, похоже, видел уже своей обязанностью

хоть как-нибудь меня «сковырнуть». О его таком равнодушии ко мне знали все на факультете и наблюдали за нашими поединками. Так вот этот товарищ, который меня не любил, отдал мой диплом на рецензию большому милиционерскому начальнику, который написал, видимо, ожидаемую от него, рецензию. Суть рецензии сводилась к тому, что диплом очень плохой, никчемный, не проработанный и т.д. Из конкретных недостатков было отмечено то, что диплом напечатан на компьютере (дело тогда редкое), что, по мнению рецензента, свидетельствовало о непроизводительном использовании мною компьютера. Венчал список недостатков сообщение о том, что в своей работе я не использовал ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма. Несмотря на очевидную нелепость рецензии, дело могло повернуться плохо – ведь комиссия вполне могла вынести свой вердикт на основании рецензии, тем более, что этот преподаватель, который меня не любил, сам тоже входил в комиссию и вообще имел немалый вес на факультете. Поддержать меня пришли мои бывшие коллеги-программисты, которые при зачитании рецензии дружно хохотали, но это оказывало лишь моральную поддержку мне, а для членов комиссии они авторитетами не были, конечно. Более того, в моем активе была очень положительная рецензия из Ленинградского института прокуратуры, подписанная двумя профессорами этого института, но и они для

членов комиссии не были авторитетом – ведь эти профессора были где-то в Ленинграде... Зато для них авторитетом и начальником был этот преподаватель, который меня не любил. И он задавал мне вопросы и высказывал замечания, которые хоть и были такими же нелепыми, как рецензия, но ясно указывали членам комиссии нужное направление мысли... Так что еще неизвестно, как бы все обернулось... И вдруг, прямо середине моего выступления, в аудиторию зашел Овсиенко. Он не был членом комиссии, и не имел никакого отношения к моему диплому. Но он был таким авторитетом на факультете – профессор (по-моему, тогда единственный), активно занимающийся наукой, много лет проработавший в университете, ветеран войны и т.д. – что мог зайти куда угодно, и вряд ли кто-нибудь ему бы возразил. Так вот, заходит он и говорит, что хотел бы поприсутствовать на защитах дипломов. «Конечно, Василий Васильевич...» торопливо залепетал тот самый преподаватель. Овсиенко сел и стал слушать. После того, как была зачитана рецензия и тот «нелюбитель» меня задал все вопросы и высказал мнения, дающие членом комиссии правильное направление мысли по поводу моей работы, Овсиенко вдруг попросил слово. И начал говорить о том, какой хороший диплом я написал, и что его все юридическое сообщество ждало чуть ли не весь последний век. Не затрагивая никаких деталей, Овсиенко

перешел к осуждению тех, кому мой диплом не понравился (не указывая на конкретных лиц, а говоря вообще), и сообщил, что только некомпетентные люди могут не оценить значимость этой работы. Довершая разгром оппонентов, Василий Васильевич сообщил, что рецензент, который упрекнул меня в неиспользовании работ классиков марксизма-ленинизма, сам, очевидно, их не читал, иначе он бы непременно обратил внимание, что ни о каких компьютерах там и речи нет. Завершив свою речь, Овсиенко ушел, из чего стало ясно, что именно мой диплом и был его целью. Членам комиссии сигнал был понятен. «Вес» того преподавателя состязаться с авторитетом Овсиенко не мог. Я получил 5. Через несколько дней я пошел поблагодарить Овсиенко за помощь – тем более, что я с ним был знаком просто как студент с преподавателем – не более. И я был удивлен, что он знает про мой диплом и читал его. Я нашел его на кафедре и попросил 5 минут его времени. Он сказал «Пойдем, покурим». Мы вышли на улицу, и я стал говорить ему слова благодарности за хорошую оценку моего диплома и за поддержку. И тогда он рассказал мне, что диплома моего он не читал и вообще о нем не знал. Но ему рассказали о том, что меня пытается «топить» тот преподаватель, и он решил мне помочь. «Мы не были с твоим отцом друзьями», - сказал он так, что я понял, что они не просто не были друзьями, а были между ними какие-то

противоречия, - «но он был настоящий мужик, таких сейчас мало». Помню, я потом спросил у мамы об их отношениях, но она не знала подробностей, а лишь подтвердила, что отношения у них были натянутые. Я потом хотел спросить об этом у Василия Васильевича, да все оттягивал, откладывал. А потом Василий Васильевич умер. Так я и не узнал, в чем были их противоречия, но узнал, что отца уважали даже те, с кем он не был в хороших отношениях.

Отца уважали самые разные люди – например, наш дворовый алкаш Кутя. Как я уже говорил, Кутя работал молотобойцем на механическом заводе. Не знаю, какие обязанности предусматривала его должность, но он был здоров как бык – в отличной физической форме. Кроме того, он дома занимался гирями – он делал это утром у окна, и мы могли видеть это из двора. По утрам, я думаю, потому что это было единственное время, когда он был трезвый. Остальное время он был пьян. Мне почему-то кажется, что Кутя вовсе не был таким вот тупым «хроником», а был совершенно неглупым парнем, может, просто пил от безысходности... И еще, похоже, его доводила его мать, Мария Васильевна, с которой они жили в одной квартире на втором этаже в нашем подъезде. Когда она его доводила, он начинал на нее «наезжать», говоря милицейским языком «угрожать физической расправой» и даже приводил угрозы в исполнение. И тогда Мария Васильевна начинала

кричать «помогите», «спасите», «убивают» - в общем, весь этот известный набор, который должен был призвать на помощь соседей. Но я не помню, чтобы кто-то из соседей отважился сразиться с Кутей, хотя в нашем дворе жили и спортсмены тоже. Может, конечно, я просто не помню... Но я точно помню, что с какого-то времени Мария Васильевна в такие моменты стала бегать за помощью к нам. И я помню такой момент, когда отец встал на пути гнавшегося за ней Кути. Кутя попытался «отодвинуть» отца, но у него ничего не вышло – отец крепко держал его за руку. Я видел все это из коридора нашей квартиры, и мне было страшно. А отец стал с Кутей разговаривать. Я не слышал, что он ему говорил, но по тону было понятно, что это именно разговор, не упреки, не выволочки, не нотации, а именно разговор человека с человеком... Наверное, с Кутей давно так никто не разговаривал. Кутя перестал кричать, перестал размахивать руками, стал слушать и даже что-то отвечать... Через некоторое время он пожал отцу руку и совершенно спокойно пошел домой... Так бывало несколько раз. А Кутя потом мне тоже говорил «твой отец – настоящий мужик, умный и справедливый».

Вот уж точно – отец был справедлив, у меня осталось твердое такое впечатление. Наверное, я всегда был согласен с его позицией, когда они с мамой обсуждали какую-нибудь ситуацию – будь это случаи на работе или во дворе. Я думаю,

многие ценили отца за это качество. Я уже приводил воспоминания мамы о том, как к отцу за справедливым советом шли соседи по квартире – люди гораздо более старшие считали его справедливым. Или, например, другое проявление этого качества: отец всегда говорил – и так оно и было – что он с большим желанием работает со слабыми учениками, чем с сильными. Вот согласитесь – это редкое качество, в основном учителя любят работать с сильными – ведь тогда результаты более очевидны. Но разве не является справедливостью то, что слабые больше нуждаются в помощи, чем сильные? И только преподаватель, не озабоченный видимостью для окружающих своих профессиональных достижений, а искренне желающий помочь ученику, может сосредоточить больше внимания на слабых. И – на самом-то деле – это требует не меньших усилий. А прогресс слабого ученика, я думаю, является гораздо большим свидетельством профессионализма учителя, чем заоблачные достижения сильного, просто не таким очевидным. Или, например, отец вставал на защиту кого-нибудь по одной лишь той причине, что все его осуждали, даже если сам при этом тоже в душе его осуждал. И это я тоже считаю справедливым – не должны быть все против одного. Но самым большим проявлением справедливости отца я считаю то, что он относился к людям на основании их существенных, личностных качеств, а не каких-то

иных, будь они положительными или отрицательными. И ярким примером такого отношения для меня являлся Аркадий – ученик, а потом и коллега отца. Он пришел работать в исследовательскую лабораторию, созданную отцом при кафедре. Аркадий был способным и любознательным студентом, насколько я помню. Под руководством отца он защитил диплом и даже написал кандидатскую диссертацию (которую, правда, так и не защитил), продолжая работать на кафедре и в лаборатории. У него был существенный недостаток – Аркадий любил выпить. Выпить-то, впрочем, тогда любили практически все. Просто Аркадий не знал меры и иногда – и даже совсем не редко – напивался порядочно. Из-за этого у него были всякие проблемы в университете, и отцу приходилось его защищать и отстаивать. Отцу жаловались и выговаривали за Аркадия многие, но отец никогда не переставал быть на его стороне, что не мешало, конечно, ему самому «воспитывать» Аркадия. Уже после смерти отца мне пришлось общаться с Аркадием довольно плотно по моей работе, и я увидел те качества, за которые отец его уважал: он был человеком совершенно открытым, никогда не боялся высказать свое мнение, в нем не было ни капли снобизма. Он с уважением относился к людям и любил жизнь, делал то, что считал нужным, и жил так, как считал нужным, в полном согласии с собой. И еще он был справедливым человеком – такое осталось

у меня впечатление. Так что отцу было за что его уважать. Аркадий очень тяжело переживал смерть отца, он во всем нам помогал в период похорон. На семейном совете обсуждался вопрос, сообщить ли о смерти отца бабушке Еве – его маме. Она жила в Ленинграде, была уже совсем больна, и скрыть правду было совсем легко – просто не писать ей об этом. Конечно, вся семья говорила, что не надо ей сообщать – может сердце не выдержать, надо ее пожалеть и т.д. Вполне благородное и обоснованное суждение. И только Аркадий был за то, чтобы сказать. Он не боялся выглядеть неблагородным и черствым – он говорил то, что думал. И я был с ним согласен, и считал это справедливым. Но мы оказались в меньшинстве, так что бабушке ничего не сказали. Через 3 года бабушка и сама умерла, так ничего и не узнав.

Так вот, о справедливости. Я думаю, что чувство и потребность справедливости – это то качество, которое отец оставил по наследству нам – всем троим детям. Вообще, мне кажется, мы унаследовали от отца несколько весьма существенных качеств. Но вот это чувство справедливости – точно, причем все трое. Я не могу сказать, что оно помогает жить. Я бы даже сказал – во многих случаях мешает, во многих случаях оказывается неуместным – как в анекдоте, когда один человек, проходя мимо помойной ямы, увидел, что кто-то там

барахтается, он нырнул туда и вытащил кого-то типа бомжа. Бомж его спрашивает:

– А почему ты прыгнул за мной?

– Я тебя спас – отвечает тот.

- Чудак человек – я там живу.

Это вот такое чувство справедливости, которое зачастую является окончательным мотивом поступка – без всяких вопросов, надо ли это кому-нибудь – и может совершенно поменять твою жизнь. У меня так и произошло - когда не за горами уже была аспирантура в Москве, где меня ждали, и я даже уже сдал кандидатский минимум, кажется, по философии, я вдруг озаботился несправедливостью, творящейся в стране, и решил лично ее, справедливость, быстренько установить. При этом вопрос, много ли людей в стране в этом нуждаются и понимают под справедливостью то же, что и я - вообще не рассматривался. Так что вместо аспирантуры я поступил на работу в прокуратуру, планируя, что справедливость будет проистекать и распространяться по стране именно оттуда, и на заочное отделение юридического факультета. Это произошло через полгода после смерти отца, так что ему не пришлось увидеть крах его надежд на мою научную карьеру. К сожалению, установить справедливость - как вы, наверное, заметили - не удалось, и из прокуратуры я уволился. Но время прошло не зря - работая в такой организации, сталкиваешься с совершенно разными проявлениями жизни и общественного устройства

и познаешь их так, как, возможно, нигде больше. К тому же я встретил там много замечательных людей.

И вот это чувство справедливости оказалось очень живучим в нас. От отца оно передалось не только всем нам, но и успешно продвигается вниз по генеалогическому дереву и проявляется уже в моих детях. Когда я учился на юридическом факультете, сложилась какая-то ситуация, когда я требовал какого-то справедливого решения – по моему, я требовал пересдачи экзамена, по которому мне поставили оценку, с которой я не был согласен. Это была несколько необычная ситуация. Потому что я учился на заочном, а для заочников, которым стипендия все равно не положена, по сути, существует две оценки – сдал или не сдал (т.е. получил «2»). Никакого практического различия между, скажем, «3» и «5» для заочника нет. По крайней мере, тогда не было. И вот я требовал пересдачи по предмету, по которому получил вовсе не «2». Вот только представьте себе: вместо того, чтобы радоваться, что сдал, и что про этот вопрос уже можно забыть (впереди же много других экзаменов), я требовал пересдачи, из-за которой мне снова придется готовиться по этому предмету, причем готовиться усиленно – ведь ты, по сути, бросаешь вызов, пусть и не тому конкретно преподавателю, который будет эту пересдачу принимать, но он тоже преподаватель, и если студенты возьмут за моду обжаловать оценки... И вот я ходил по

разным инстанциям внутри факультета, и все эти инстанции мне отказывали, я думаю, именно потому, что не видели смысла вообще отвлекать преподавателей на повторный экзамен в ситуации, когда другая оценка ничего не меняет для человека. Но для меня же дело не в практическом результате, а в справедливости! Поэтому я продолжал настаивать, пока, наконец, не пришел к заместителю декана, который курировал заочников. Им был Семен Демьянович Бунтов. Семен Демьянович оказался более понимающим человеком – он меня для начала выслушал. Потом задал мне несколько вопросов, после которых, очевидно, решил, что случай «клинический» и лучше один раз снова принять у меня экзамен, чем я буду вечно отвлекать их своими требованиями. Экзамен я пересдал. Лет через 10 после этого моя дочь Аня, учась на том же заочном отделении того же юридического факультета, попала в точно такую же ситуацию, и тоже стала требовать пересдачи. Она точно так же ходила по инстанциям факультета и не добившись справедливости, пошла прямо к декану факультета, которым к тому времени стал Семен Демьянович. Она выложила ему все свои аргументы, после чего он спросил, как ее фамилия. Услышав фамилию, Семен Демьянович понимающе протянул «А...» и разрешил Ане пересдачу. Вот такое качество – готовность бороться за справедливость – отец передал нам, и оно уже передалось нашим детям, и я уже вижу

его и в старшем внуке... Это все хорошо, конечно, но все же в любой борьбе за справедливость есть фаза ее доказывания. Тебе приходится доказывать – и, как правило, как раз тем людям, которые эту несправедливость и породили. А понятие у вас о справедливости разные, ситуацию видите по-разному, так что этот процесс бывает очень тяжелым и влечет массу переживаний – в основном, от осознания невозможности доказать совершенно очевидную, на твой взгляд, вещь... По крайней мере, я всегда это переживал тяжело, и мне бы не хотелось, чтобы дети проходили через такие же испытания. Но, к счастью, жизнь на месте не стоит, происходят разные трансформации, и формы борьбы за справедливость выбираются разными детьми разные. Думаю, отец бы порадовался таким разным формам. По крайней мере, повеселился бы точно.

Мои младшие сыновья – Марк и Павлик, которых отец уже не застал, приезжали вместе с нами по выходным в деревню, где жили их бабушка и дедушка – родители моей жены Ирины. Бабушка всегда готовила им торт, который выдавала им в обед, но – только после супа. И вот в очередной такой раз дети, давясь, ели суп, подбадривая себя видом уже готового и даже нарезанного торта. Наконец, суп съеден, бабушка положила каждому на тарелку по кусочку торта, дети взяли ложки, и тут... Тут бабушка замечает, что дети не убрали на место игрушки, с которыми они играли до обеда

(Марку было 7 лет, а Павлику – 3). Разразился скандал, бабушка говорила, что они вообще ничего за собой не убирают, и поэтому она принимает решение лишить их торта. Это было несправедливо: во-первых, они иногда убирали за собой, а во-вторых, им не говорили, что убрать игрушки надо именно до обеда. Несправедливость была налицо. Марк бросился в объяснения: «Бабушка, ну мы ведь не хотели это оставить вообще неубранным, мы просто решили, что еще будем после обеда играть, поэтому не убрали», – пытался он объяснить ситуацию. Но бабушка его не слушала и перебивала: «Вы всегда так делаете, и это уже не в первый раз, вот если бы это было в первый раз...» Чем дальше Марк пытался объясниться, тем меньше оставалось у него шансов на это, от бессилия что-то доказать и несправедливости ситуации у него уже появились слезы, в конце концов он совсем «потух», замолчал, гордо отодвинул от себя тарелку с тортом и заплакал... В течение всего этого спора Павлик молча, двумя руками, быстро запихивал себе в рот огромные куски торта, уминая их пальцами во рту, оставляя жевание на потом... Так что иногда справедливость можно и не доказывать, а просто ее восстановить.

Еще я хорошо помню, что у отца было отменное чувство юмора – ну, это наверняка помнят все, кто его знал. Его юмор всегда был тонким, точным и своевременным. Такое общее впечатление у меня осталось, хотя и затрудняюсь

привести примеры, вот вспомнил один: мы переходили дорогу в Москве – отец, я и Люся. Отец держал нас за руки и рассказывал, как правильно перейти дорогу. Люся сообщила, что она, когда переходит дорогу перед машиной, совсем не боится, потому что думает «все равно же он меня не задавит». И отец без всякой паузы сказал «конечно, да даже если и задавит – все равно ведь он будет отвечать». Я думаю, чувство юмора нам тоже удалось унаследовать от отца, что является, пожалуй, самым важным подспорьем в этой непростой жизни.

Еще я помню такой момент: мне было, наверное, 18 лет, и я привез из какой-то поездки бутылку вина «Южная ночь» – очень такая красивая этикетка с виноградом и ночным южным небом, да и само название тоже вдохновляло. Я показал родителям эту бутылку и сказал, что приберегу ее на день рождения, который был уже близко. На мой день рождения пришли, как обычно, мои друзья, мы сидели, разговаривали, мама нас чем-то угощала, наверное, и мы пили это вино. Отца дома не было. Когда он пришел – гости уже разошлись. И я помню, как отец заглянул ко мне в комнату, с улыбкой, поздравил с днем рождения и говорит «Ну что, давай вместе выпьем это твое вино»... Я представляю, каково ему было услышать, что я уже выпил его с друзьями. Получилась такая наглядная демонстрация – с моей стороны совершенно не намеренная – того, что отец и так видел и, конечно, очень переживал:

что я ему предпочитаю компанию своих друзей, что мы далеко не так близки, как ему хотелось бы, и что это уже поздно пытаться исправить.

Как я уже говорил, разговаривали мы с отцом – я имею в виду именно просто разговор – крайне редко, в основном это были «разборки» отцом моего неправильного поведения и проступков. Но все же иногда разговаривали. И я запомнил две притчи, рассказанные им мне:

Притча про рыбака: у рыбака был сын. Рыбак поймал 2 рыбы. Одну съел сам, а другую отдал сыну – и сын был сыт целый день. Другой рыбак поймал две рыбы и обе отдал своему сыну – и сын был сыт два дня. А третий рыбак научил своего сына ловить рыбу – и тот был сыт всю жизнь.

Притча про орла: к орлиному гнезду, находившемуся на острове посреди реки, подступает вода, и орлу, чтобы спасти птенцов, надо перенести их на берег. Он может нести одновременно только одного, и всех перенести не успеет, поскольку вода подступает очень быстро. Вот он взял одного, несет его и спрашивает: - Ну что, сынок, будешь ли ты также носить меня, когда станешь большой? – Да, папа, конечно, давай, носи меня дальше. И орел бросил птенца в воду и вернулся за другим. То же было и со вторым. А третий сказал: нет, папа, я не обещаю носить тебя, но обещаю, что я так же буду носить своих детей. И орел перенес его на берег.

Так много времени я провел у отца на кухне, на этих воспитательных беседах, внушениях по поводу неправильного поведения и т.д. Но спроси меня сейчас – что я помню из этого? Ни малейшего содержания ни одного такого воспитательного разговора – только желание, чтобы этот разговор быстрее закончился. Зато те немногие слова, что были сказаны в спокойной, расслабленной обстановке – запомнил навсегда.

Дети выросли.

Говорят, мы все выросли совсем неплохими людьми. И это, конечно, заслуга родителей, хотя я и не могу перечислить по пунктам программу нашего воспитания. Более того, я с уверенностью могу сказать, что время на это воспитание выделялось по остаточному принципу – а времени у родителей не было, ведь основным занятием была работа! Из всех актов воспитания запомнились только внушения, которые отец делал мне на кухне, о которых я уже рассказал. И это не самые приятные воспоминания, правда, очень яркие – недаром они так прочно сидят даже в моей (все забывающей!) памяти. Мы все были достаточно способными, чтобы не позорить родителей в школе, и для этого не требовалось их особых усилий. Так что единственные заботы, которые мы им доставляли, это поведение. Учителя время от времени жаловались на Наташу

и меня, и родителям приходилось принимать какие-то меры, т.е. уделять этому внимание. В основном, этим занималась мама. Она ходила на родительские собрания, общалась с учителями, принимала их жалобы. А потом передавала их отцу. Отец проводил «разбор полетов» дома, в школу он практически никогда не ходил, только в особых случаях. Один такой особый случай я помню. Я учился классе в пятом или шестом и принес домой дневник, в котором было записано, что за поведение на неделе мне поставлена двойка, а внизу приписано, что это за то, что я на перемене выпрыгнул из окна 2-го этажа. Я действительно оттуда выпрыгнул, но это было не бог весть каким риском: во-первых, между этажами была небольшая крыша-козырек. Во-вторых, я приземлялся не на асфальт, а на кучу шлака, лежащего во дворе школы. В-третьих, я был достаточно хорошо подготовлен – ведь я уже несколько лет занимался спортивной гимнастикой. Так что поводов для беспокойства вроде и не было. Но наша классная руководительница Тамара Петровна подняла такой скандал, что мама не решилась пойти в школу, а отправила отца. Я не знаю, что говорила ему Тамара Петровна, но с уверенностью могу предположить – ничего похвального в мой адрес. Как я уже говорил, отец вне дома всегда был на нашей стороне. Но Тамара Петровна этого, конечно, не знала, а потому ожидала, видимо, немедленного обещания отца принять жесткие

меры, расстрелять меня или каким-то другим эффективным образом обеспечить, чтобы мне впредь неповадно было... И уж конечно она не сомневалась в согласии отца с ее негативной оценкой ситуации и моего поведения... Я не знаю содержания их разговора, знаю только, что закончился он тем, что отец сказал: « в школе, видимо, недостаточно возможностей проявить себя как-нибудь по-другому...». И попал в самую точку! (правда, он этого так и не узнал). Ведь причиной моего прыжка было просто желание обратить на себя внимание девочки, которая мне нравилась.

Наташа хотела жить в Ленинграде и поэтому собиралась поступать в какой-нибудь ленинградский институт. Она часто говорила, что все равно туда уедет. Закаленная с детства в борьбе за себя, она была способна делать то, что хочет, невзирая на отношение к этому родителей, соседей и вообще окружающих. Но в данном случае родители не возражали, отец даже говорил (не Наташе, конечно, а маме) - «У нас не получилось вернуться в Ленинград, так пусть у нее получится». Другое дело, что отец хотел бы видеть в этой затее не просто способ Наташе переехать в Ленинград, но серьезный шаг в профессиональном развитии. Отец, конечно, мало с нами разговаривал, но он думал о нас и о нашем будущем всегда. Он считал, что развитие в направлении науки – практически единственное, которое может обеспечить реализацию наших

способностей, дать нам материальную независимость, и в котором меньше всего препятствием может быть наша еврейская национальность. Он хотел для нас образования и интеллигентных профессий, чтобы мы хоть немного «продвинулись», имели возможность самореализации и были хотя бы средне обеспечены – об этом мне рассказывала мама. А в чем тогда можно было продвинуться? – в науке или администрировании. Стать большими начальниками никому из нас не светило, понимал отец. И не только из-за фамилии (хотя одного этого тогда уже было достаточно), но, в первую очередь, из-за унаследованных нами его собственных качеств: иметь и отстаивать собственное мнение, не делать то, что считаешь недостойным, быть независимым. При таком наборе – кто же тебя захочет поставить начальником чего-нибудь? И он хотел для нас продвижения в науке. Наташа поступила в институт культуры в Ленинграде. Правда, до этого она пыталась поступить в театральный, и с этой целью встретила с давним приятелем родителей Игорем Горбачевым – известным в то время актером и, по-моему, режиссером театра в Ленинграде. Не знаю, чего она от него хотела – то ли совета, то ли помощи. А может, намеревалась поразить его своим актерским талантом, чтобы он сразу уступил ей свое место. Впрочем, это неважно, а важно то, что сделала она это втайне от родителей. Родители все же каким-то образом

об этом узнали, возможно, им рассказал сам Горбачев, не подозревая, что это тайна и великий проступок – не знаю. Но скандал был большой, Наташу ругали почему свет. А чего было ругать? – ведь дураку понятно: спроси она у родителей разрешения обратиться к Горбачеву – ни за что бы его не получила. А ей же надо было поступать – вот она и делала все, что могла. А родители-то ни за что бы не разрешили ей обратиться к их знакомым за помощью – ведь они совершенно не умели просить за себя, в том числе и за детей. За кого-то другого – пожалуйста. Не только просить – в бой пойдут. Но только не за себя или своих детей. Например, отец никогда не пользовался положенными ему льготами ветерана войны. В то время, например, был закон – ветераны войны могли все покупать в магазинах без очереди по предъявлению удостоверения. А кто помнит – очереди в те времена были везде и огромные, даже за самыми заурядными товарами, а уж если «выбрасывали» (для тех, кто не знает – в то время означало продажу чего-то дефицитного, чего постоянно в продаже не бывает) что-то особенное – так просто бесконечные, большей части которых ничего «не светило». Отец никогда не пользовался своими льготами, а стоял в очереди, мама это принимала нормально – она и сама была такая. Но однажды в Москве они «напали» на апельсины – была огромная очередь, а родители очень захотели привезти нам. И мама уговорила отца купить по удостоверению. И отец купил, но

сказал, что больше никогда не будет... Или вот пример – поступление Вити (маминого брата) в институт, где работали родители. Я уже говорил, что Витя был отправлен его родителями в Ижевск в надежде на положительное влияние моего отца. Влияние действительно оказалось таковым, и Витя не просто закончил школу, но и собрался поступать в институт. Более того, будучи весьма смышленным учеником, он оказывал помощь в подготовке к вступительным экзаменам двум своим одноклассникам. Так вот, эти одноклассники конкурс прошли, а Витя – нет, ему не хватило совсем чуть-чуть. Поэтому по совету отца он пошел работать на строительство электромеханического завода, а затем отправился служить в армию. Узнав об этом, директор института Бабин устроил родителям страшный выговор за то, что они не обратились к нему за помощью, и вообще был крайне этим удивлен. Или, например, когда я поступал в университет, родители вообще куда-то уехали из города. Вот спрашивается – зачем? Не обязательно же, оставаясь в городе, помогать мне поступать. Но зато можно, например, кормить во время экзаменов хорошо, подбадривать морально. Но родители уехали на время моих экзаменов – чтобы никто даже подумать не мог, что они мне помогают поступать!

В театральный Наташа не поступила. Когда Наташа училась в институте культуры, отец строил планы, что после окончания она

продолжит свое научно-музыкальное развитие, возможно, защитит диссертацию и будет продолжать покорять профессиональные высоты. Однако, Наташа и здесь не соответствовала представлениям, и вместо научного развития встретила коренного ленинградца Женю и вышла за него замуж. Родителей предупредили заранее - примерно за месяц до свадьбы Наташа позвонила им и сообщила, что у нее есть друг, и что она выходит за него замуж. Родители тут же поехали в Ленинград знакомиться с женихом и его мамой. На свадьбу уже не поехали - не было денег. На мой вопрос, не стоило ли лучше поехать сразу на свадьбу - там бы и познакомились, а заодно бы и на свадьбе погуляли, мама сказала «ну, как это так, надо же все-таки было до свадьбы познакомиться, чтобы как положено - спросили согласие родителей и прочее...». Самих молодых эти условности, похоже, мало волновали, и согласия, я так понимаю, никто не спрашивал. Уже хорошо, что сообщили... Отец по этому поводу не переживал, а радовался - он всегда хотел, чтобы дочка вышла замуж и имела семьи. Само по себе замужество Наташи еще не ставило крест на планах отца по завоеванию ею научных рубежей, но он, конечно, чувствовал, что куда-то все не туда пошло... И я думаю - замужество тут ни при чем, просто Наташа никогда и не помышляла о научной карьере. Последним ударом по планам отца на Наташины перспективы стало рождение ее сына - первого внука родителей -

Сережи. Ну все – «засосало мещанское болото...». Ну и пусть живет, как хочет. Конечно, несмотря на такую разницу между ожиданием и реальностью, отец никогда не переставал помогать Наташе – как и всем нам. И внука Сережу он очень любил. Вообще мама говорит, что настоящие родительские чувства у отца проявились к внукам. Но, вот все-таки не получилось направить Наташу по правильному пути – наверное, думал и переживал отец. Переживал не за неуспех своих планов, а за дальнейшую жизнь Наташи, которая наверняка ему представлялась весьма заурядной, средней, серой и бедной – как и большинства счастливых советских людей. Он сделал все, что мог – дальше пусть сами идут по выбранному пути... Но и в этом случае отец никогда не отказывал в своей помощи. Когда Наташа родила сына (она родила его в Ижевске), приехал ее Женя повидаться и был крайне сух в общении с ней, чем доставил ей много неприятностей и слез. Отец, видя это, сказал (не Наташе, конечно, а маме – а она уже передала Наташе), что если она, Наташа, хочет, он сейчас же Женю выгонит. Наташа тогда не захотела, хотя понимала, что может рассчитывать на дальнейшую поддержку отца. А отец наверняка переживал за Наташу, за ее дальнейшую жизнь с этим Женей, основная проблема с которым была не в этом конкретном случае, а в том, что такой сильной женщине, какой была Наташа, чувствовать себя

защищенной и иметь возможность расслабиться можно только с еще более сильным мужчиной, а Женя был совсем другого типа человеком.... «И ведь это на всю жизнь» – наверное, думал отец.

На очереди была Люся. Она подавала вполне конкретные надежды. Она, как и Наташа, закончила музыкальную школу и пошла по «правильному пути» - в музыкальное училище. Она и там проявила все свои положительные качества – усидчивость, старание и способности к музыке, которые у нее, безусловно, были. Так что успешное окончание музыкального училища и поступление в казанскую консерваторию были вполне закономерными.

Эту часть своей истории Люся рассказала мне сама. Сначала я долго пытался получить от нее хоть какие-нибудь воспоминания об отце – все было тщетно. Очень она занята, так прямо занята, что некогда ей совершенно. Может быть, вы подумали, что она работает министром? – вовсе даже нет. Как раз если б была министром – возможно, время и нашлось бы. А она работает в школе, вся голова занята вопросами подготовки детей к очередному концерту (она преподает музыку), так что ей некогда. Поскольку она у нас была отличницей в школе, то вот эти замашки отличника и остались – приложить все усилия к текущему делу. А следующее дело должно подождать. Так что, возможно, запишись я к ней в очередь со своим делом – лет через 15 она также старательно подошла бы и к нему. Но я не могу

столько ждать – я же не был отличником. Так что я нашел возможность и получил ее устные «показания». Кстати, написав эту часть по ее рассказу, я отправил ей текст по электронной почте, чтобы она высказала свои замечания и пожелания, на что Люся прислал мне сообщение, что она сможет выделить мне время 8 июня (через месяц!) с 15 до 16 часов... Вот какой напряженный график жизни у работников образования! Я не стал занимать этот единственный свободный час – пусть уж она отдохнет...

Люся удивила меня еще больше, чем Наташа. Ее основным воспоминанием об отце тоже были его строгость и воспитательные беседы на кухне, она так же, как я и Наташа, запомнила, что отца боялась и предпочитала меньше с ним общаться. Это было удивительно, в первую очередь, тем, что Люся была отличницей, «паинькой», никаких проблем с ее школьными и музыкальными делами у родителей не было. И вот – на тебе.

В качестве иллюстрации своих отношений с отцом Люся выбрала и рассказала мне историю своего замужества и развода и роли отца в этом вопросе. Сам я этих подробностей не заметил – вся эта история, как и многие другие истории в семье, прошла мимо меня – скорее всего, я не особо и интересовался.

Так вот, Люся вышла замуж, будучи студенткой Казанской консерватории. Как я уже говорил, отец строил определенные планы ее дальнейшего

развития, а именно – видел ее научным работником в области музыкальной литературы. В такой профессии, полагал отец, Люся вполне может реализоваться, обеспечить себе более-менее нормальный доход и даже национальность не станет большой преградой – если, конечно, не лезть в начальники. Так думал отец и был готов оказать Люсе не просто родительскую, а также и профессиональную помощь. Он даже прочитал множество литературы о музыке, в частности, о Шостаковиче, которого Люся просто боготворила. Когда отец находил время для всего этого – непонятно, у него своей работы было в избытке. Кстати, одну такую их беседу о Шостаковиче я помню и сам, поскольку принял в ней непосредственное участие.

Дело было так: мы ехали в поезде в Москву – родители, Люся и я. Люся села в к нам в поезд в Казани (она училась там в консерватории), и теперь мы все вместе ехали в Москву и дальше – к бабушке в Гжатск. Люся разговаривала с отцом о Шостаковиче, и, как всегда, демонстрировала свои знания и была просто само музыкальное совершенство. Я принять участие в разговоре не мог, так как из всей темы знал только, что Шостакович – это композитор. Так что я молчал, не особо то и желая участвовать. В это время проводница принесла газеты. Поскольку знатоки музыки были увлечены ученой беседой, газеты они смотреть не стали, а я – от нечего делать – взял одну. И увидел на первой странице

сообщение о том, что умер Шостакович. Выждав момент, я, тоном интересующегося дилетанта, даже несколько заискивая перед профессионалами, спросил: «Люсь, а Шостакович жив?». «Ну, конечно, жив» - последовал немедленный ответ, тоном, исключающим какой-либо альтернативный вариант. И тут мой выход: «Ха!» - весело сказал я, - «а вот и нет!», и сунул ей газету. Очевидно, на Шостаковиче держался весь музыкальный мир. По крайней мере, Люся расплакалась и рыдала так, что я даже стал сомневаться, правильно ли я понимал, что Шостакович был композитор, а не какой-то близкий друг семьи... Отец Люсю пожалел - посмотрел на меня своим уничтожающим взглядом, отчего радость победы у меня сразу улетучилась, и стал ее успокаивать.

Так вот, отец много времени уделил изучению вопросов, связанных с Люсиной специальностью, обсуждал их с ней и готов, видимо, был оказывать ей всякую возможную помощь в ее будущей научной деятельности. А Люся вместо благодарности, которая, конечно, должна была выразиться в усиленном стремлении к научным вершинам, решила выйти замуж. Как уже повелось в нашей семье (бедные родители, я сейчас представляю, каково им все это было!), родителей известили практически в последний момент, с женихом они познакомились на свадьбе. Ну разве об этом они мечтали, и разве так себе представляли замужество дочерей?

Конечно, они сами, когда женились, не предстали пред очи маминых родителей, и даже на свадьбе их, родителей, не было – так же, в общем, как и самой свадьбы в нашем сегодняшнем представлении. Но ведь это было время, когда просто не было возможностей приехать. И то – отец писал родителям мамы письмо, убеждающее их в серьезности чувств, намерений и планов. И не просто словами – он привел полный экономический расчет их жизни, с таблицами и расчетами, из которых явно следовало, что денег у них достаточно и еще останется. Ну как тут маминим родителям было не порадоваться. Правда, жизнь внесла свои коррективы в экономические прогнозы отца, и денег им всегда не хватало, но сам подход! А тут – на тебе, приезжайте, дорогие родители, я выхожу замуж. Родители, конечно, поехали. И познакомились там с Люсиным женихом и всей его родней. Позднее, когда я познакомился с ним, я первым делом представил себе впечатления родителей, когда они приехали к ним на свадьбу. Вообще, на меня лично он произвел впечатление неплохого такого, спокойного человека. Но, конечно, он был человеком совсем другого склада и взглядов на жизнь, чем тот, кого бы родители – я уверен – хотели видеть мужем Люси. Особенно отец. Так что я представляю себе реакцию отца, когда их познакомили – он же сразу все увидел и понял, я уверен. Но было поздно – свадьба уже практически началась. Так что родителям ничего

не оставалось, как присоединиться к веселью. Ну, не портить же свадьбу из-за такой ерунды, как не понравившийся родителям невесты жених! Они веселились, знакомились с родителями и другими новыми родственниками, а отец даже устроил легкий словесный флирт с какой-то родственницей жениха, совершенно безобидный - так сказать, для ускорения налаживания родственных связей. Я уверен, что отцу ничего не стоило вызвать интерес представительниц прекрасного пола, и не только на лекции по психологии. Так что неудивительно, что означенная родственница была очарована гораздо больше, чем предполагалось, и в течение всей свадьбы пыталась заигрывать с отцом, возможно, уже придумывая имена их будущим детям... Но свадьба закончилась, а жених - теперь уже муж - остался. Как я уже сказал, мне лично он плохого ничего не сделал и показался даже весьма хорошим человеком. Однако, этого, конечно, мало, чтобы сделать кого-нибудь счастливым, а тем более Люсю - даму из совсем другого общественного слоя, или, вернее сказать, прослойки. Люся с ее мужем были абсолютно разными людьми по всем направлениям, к тому же ее муж имел весьма, я бы сказал, упрощенные представления о семейной жизни, своей роли в семье и отношении к женщине. Так что Люся получила в мужья совсем не такого человека, какого бы хотел для нее отец, какого бы хотела она сама, она заслуживала более уважительного

отношения к себе, более надежного спутника и вообще более ответственного и нравственного человека – в этом нет никаких сомнений. Не знаю, что там думала Люся, когда выходила за него замуж, но скорее всего, просто поддалась каком-то порыву... Конечно, с точки зрения людей здравомыслящих, в том числе родителей (и не только наших), замужество – дело серьезное, к нему надо подойти обдуманно, а не под влиянием внезапных эмоций. Вполне может быть. Но лично я с этим согласиться не могу хотя бы потому, что все самые положительные и значимые в моей жизни решения принимались именно на уровне эмоций, а не раздумий. Так что я Люсю вполне понимаю – может, именно так и надо выходить замуж, кто его знает...

Как бы там ни было, но вскоре Люсина жизнь не заладилась, а рождение ребенка не только не укрепило, а, наоборот, еще более ослабило и без того шатающиеся отношения, которые для Люси имели самые неблагоприятные воплощения. Люся все скрывала от родителей, полагая, очевидно, что это ее вина, и она сама должна с этим справиться. И она справлялась, как могла. Родители все чувствовали, но поскольку Люся с семьей жили в Казани, уверены быть не могли и точно ничего не знали. Однажды они послали меня на «разведку», чтобы я неожиданно приехал в гости и просто посмотрел как там жизнь. Я посмотрел – все было плохо, Люся совершенно не выглядела счастливой, хотя и очень старалась.

Так я и доложил родителям. Не думаю, что на основании моих слов – они для родителей были лишь подтверждением того, что они уже подозревали сами – отец начал «пикетирование» Люсиной семейной жизни. Как я себе представляю (спросить не у кого), он понял, что Люсе очень тяжело, что она это скрывает и может продолжать ради спокойствия родителей (в ее понимании) тянуть эту лямку всю жизнь. Я уже писал, что еще задолго до всей этой истории, когда дочери были маленькими, отец говорил, что хочет, чтобы они, когда вырастут, обязательно вышли замуж и чтобы у них была счастливая семейная жизнь. Но чтобы они обязательно нашли в себе силы развестись, если это будет не так. Вот такой момент и настал, и отец, я думаю, просто понял, что спасти Люсю может только развод, и что сама она этого сделать не сможет. Так что отец взялся за дело. Он был сторонником хирургических решений, а в данном случае, думаю, это было единственно верное решение, хотя и болезненное. Они сидели на кухне – Люся, Наташа и отец. Не знаю, с чего начался разговор, но только отец вдруг со всей прямотой высказал негативное мнение о Люсином замужестве, которое считал ошибочным, закончив свое выступление словами «Как ты вообще могла?». Буквально за пять минут он довел Люсю до слез – она ушла в комнату и проплакала там весь день, ее успокаивала Наташа, но она ее успокаивала аргументами о том, что папа-то прав, а это Люсю

совсем не успокаивало, поскольку она и сама это знала. Через некоторое время отец позвонил Люсе в детский сад (она подрабатывала в детском саду в Казани) и стал убеждать ее переехать обратно в Ижевск, говоря, что они с мамой во всем помогут и очень хотят, чтобы она вернулась. Это показало Люсе, что ей не надо ничего от родителей скрывать – они все уже поняли, и, главное, - они на ее стороне. Через некоторое время он позвонил еще раз, и снова убеждал Люсю, что они с мамой будут рады ее возвращению. Путь к спасению был открыт. Так что вскоре Люся переехала обратно к родителям с сыном Павликом. Все проблемы семейной жизни, свалившиеся на Люсю, сильно подорвали ее здоровье и нервы, и только переезд обратно в Ижевск, я думаю, спас ее от настоящей катастрофы. И в этом основную роль сыграл отец. Он, как всегда, выступил «хирургом» в самый нужный момент. А хирургов дети не любят – как не любят и зубных врачей, ведь они делают им больно. Какой ребенок будет думать о том, что именно этот врач и решил его проблему с зубом. Я прекрасно помню Анну Петровну – зубного врача, к которому нас водили детьми. Радость никогда не посещала меня при встрече с ней, хотя я помню, сколько терпения и сострадания она проявляла, сверля мне зубы этим отбойным молотком, который она притворно называла «машинкой».

Вот так и отец – даже по прошествии стольких лет, будучи уже совершенно взрослой, Люся,

рассказывая мне всю эту историю, основное эмоциональное ударение сделала именно на том моменте, как отец ей выговаривал и как она после этого плакала. А то, что этим он положил конец ее страданиям – она хоть и понимает, но в положительные эмоции это как-то не перешло...

Отец все сделал для того, чтобы устроить Люсину жизнь дома. Начиная с прописки. Прописать ее обратно было нелегко, и отец потратил на это много времени и сил, сидя в очередях, убеждая чиновников. И даже пользовался своим удостоверением ветерана войны – он очень хотел помочь Люсе, и ради этого готов был на все. А потом Люся серьезно заболела, так что отец уже и не помышлял о ее карьере, а лишь надеялся, что она поправится, и старался делать для нее все что мог.

Я в это время заканчивал физико-математический факультет университета и подавал определенные надежды. Как я уже говорил, отец многому пытался меня научить, стремясь к моему разностороннему развитию. Он отдавал меня в различные секции, кружки, многому учил сам. Я все это постигал довольно легко, переходя к новым видам. То есть разносторонне развивался. Но в дальнейшем моя разносторонность стала отца настораживать – я во многих областях проявлял способности, но быстро терял интерес. При таком подходе к делу успехи в науке, которых отец, как и для дочерей, хотел для меня, были под угрозой. Сам отец

добился своих успехов путем длительно профессионального развития в своей области, и того же хотел от меня – пусть и в другой области. А вот этих-то качеств – стремления к результату, длительного упорного познания в одном направлении – я и не демонстрировал. В школе я познакомился с программированием, которое меня очень увлекло и определило мой выбор дальнейшего пути. Правда, я собирался поступать в Москву, и родителям многие говорили, что мне надо ехать в Москву, но они не хотели, чтобы я уезжал, не хотели оставаться одни – дочери-то уже уехали. Они сообщили мне о своем желании, не настаивая – просто попросили не уезжать. Судя по тому, что я закончил университет в Ижевске, я согласился. Сам я этих событий не помню, знаю только по рассказам мамы. Отец воспрянул духом по поводу меня. Во-первых, я поступил на специальность «математика». Отец математику обожал и часто говорил, что это еще лучше, чем психология, и даже самостоятельно изучал некоторые разделы высшей математики. Во-вторых, я планировал развиваться в программировании – тогда направлении совершенно новом и, как мы теперь знаем, перспективном. А отец любил все новое и перспективу, безусловно, видел. Однако, уже первые месяцы моего студенчества повергли отца в уныние – вместо отчаянного броска в науку, я вдруг полюбил музыку в ее эстрадном варианте и стал играть в университетском вокально-

инструментальном ансамбле. ВИА, как тогда называли. Для этого я вернулся к музыкальным занятиям и взял несколько уроков по гармонии у Люси. Кроме того, я увлекся художественной самодеятельностью, которая в то время была неотрывной частью студенческой жизни, и принимал в ней активное участие. Родители не раз слышали хорошие отзывы обо мне в этом плане, им приятно было видеть меня на сцене общеуниверситетских мероприятий. Однако, это не затмило беспокойства отца за мое научное будущее. Меня никакое будущее, тем более научное, видимо, не волновало, а из всех университетских занятий нравилась только художественная самодеятельность и музыка. Помню, на каком-то этапе, курсе на 2-м, наверное, осознав, что основное, чем я должен заниматься – математика – не приносит мне радости и не вызывает интереса, я решил поменять свою жизнь. План был прост – пойти в армию, а потом работать таксистом. Помню, я поделился этим планом с отцом – не потому что хотел поделиться, а просто без решения отца никакие серьезные вопросы дома не решались. Заключение отца было категоричным – нет. Он также выразил свое неудовольствие моим непостоянством, сказав фразу, которую я до сих пор помню: «Попрыгунчиков нам не надо». Я и не ожидал какого-то сочувствия и понимания. Тем более, что отец был прав – я действительно многим увлекался и ко многому быстро остывал.

Но мне было очень обидно – я это помню. «Попрыгунчиков нам не надо»... А что же мне было делать, если я такой?

Кстати, план работать таксистом, похоже, тоже не с неба свалился – ведь, как я уже говорил, отец сам очень любил водить машину и сам говорил, что работал бы шофером, если бы не инвалидность. И мне водить машину тоже очень нравилось и нравится до сих пор. И я таки реализовал свой план – в годы перестройки был период, когда у меня не было достаточных доходов, и я «таксовал» по ночам – и мне это очень нравилось. Думаю, отец был прав – в том смысле, что ему бы это тоже понравилось.

Впрочем, вскоре у отца появились основания успокоиться – примерно с 3-го курса я начал активно развиваться в программировании, показывал хорошие результаты, выступал на конференциях, писал диплом в Москве. Отец очень радовался этому – наконец-то хоть один из детей, вроде бы, отправлялся по намеченному им, отцом, пути... Меня распределили на работу на вычислительный центр университета и планировали через 1-2 года отправить в аспирантуру в Москву. Правда, я уже к этому времени женился, чем также доставил родителям некоторое беспокойство. Ко времени женитьбы мне было всего 19 лет, я закончил 3 курс. Отец считал, что я не только еще не определился со своей жизнью, но даже и не пытался определиться и жил сегодняшним днем, но против

моей женитьбы не возражал - наверное, он надеялся, что собственная семья сформирует у меня более серьезное отношение к жизни... Незадолго до свадьбы родители поехали в Прагу - там жила мамина сестра с семьей. Было очень жаркое лето, жара была везде - и в Праге, и в Москве, и в Ижевске - и это ухудшало самочувствие отца, уже перенесшего к тому времени два инфаркта. В Праге отец купил линолеум - невиданный тогда в СССР материал для покрытия пола. Отец был крайне равнодушен к устройству дома, а также ко всему новому, так что устоять он не мог, а мама отговорить не смогла. И вот они с мамой возвращаются в Ижевск, где через несколько дней будет моя свадьба. С этой кучей вещей, чемоданов и рулоном линолеума (только представьте себе!), который отец нес на плече. В Москве на вокзале - носильщиков не найти, в камере хранения отказываются принимать линолеум, день на жаре в Москве, потом проводница отказывается пускать в вагон с линолеумом, скандалы, споры... Наконец, пустили, поезд пошел... Вечером у отца случился сильный инфаркт с аневризмой. Ему было ужасно плохо, мама до сих пор вспоминает этот момент с ужасом. Так что на свадьбу отец не попал, а попал в больницу. Наш сосед Борис Иванович, когда я ему сказал, что отец в больнице с инфарктом, понимающе спросил «Из-за тебя, что ли?» - имея в

виду предстоящую свадьбу. Я сказал, что нет, хотя – кто знает?

Вскоре у нас родилась дочь – прямо в день рождения мамы, так что назвали ее, конечно, Аней – впрочем, это имя было готово для нее заранее, так что совпадение дня рождения – просто еще один повод. У родителей стало уже два внука и одна внучка. Отец очень любил Аню – я это помню. Помню даже некоторые эпизоды: так, он держал Аню на коленях и рисовал карандашом на листочке бабу Ягу – страшную такую бабку с крючковатым носом и большими зубами. Потом спрашивал Аню: боишься бабу Ягу? Аня понимала, что баба Яга нарисована, и говорила, что нет, не боится. Тогда отец сверлил карандашом дырку во рту бабы Яги и предлагал Ане засунуть туда пальчик. Аня боялась, а отец ее уговаривал и даже подначивал – ага, мол, значит, боишься... Мы все жили вместе – родители, я с женой и дочкой, сестра Люся с сыном. Жили мы все в том же доме, где я и родился, на ул.Ломоносова, за 2-м корпусом университета. Вскоре после рождения Ани родителям дали новую квартиру. На очереди они стояли давно, но никогда о себе не напоминали, как обычно, не считая возможным лишний раз обращаться к руководству по личным вопросам – тем более по такому. А надо было – ведь все остальные очередники делали это постоянно, напоминая о себе и подталкивая руководство к решению их проблем. После рождения Ани – когда нас в

квартире стало уже 7 человек! - мама пошла в ректорат (отец-то ни за что бы и не пошел), напомнила, как долго они стоят в очереди - и вскоре выделили квартиру. В новом доме, да еще и с лифтом – такое счастье, ведь отцу все труднее было подниматься по лестнице, он все больше задыхался при этом. Правда, квартира была не намного больше, а с учетом того, что вскоре у меня еще родился сын Максим – условия не очень-то улучшились. Но все же это была новая квартира, в новом доме.

И в этой квартире у отца – впервые за всю жизнь – появилась своя комната! Это было для него большим событием. Во-первых, ему было очень тяжело – всю жизнь! – спать с мамой в одной кровати, т.к. любое нечаянное прикосновение к культе вызывало острую боль, отец не просто просыпался – а спал он и так совсем мало – но боль еще и долго не давала заснуть. Во-вторых, он мог теперь иметь и свой стол – и такой стол был куплен! Большой письменный стол с двумя тумбами. В-третьих, отец мог, хоть и в сильно «усеченном» виде, иметь свой уголок с инструментами. «Усеченность» эту можно представить, если учесть, что площадь комнаты была 8-9 кв.м. – не больше. Тем не менее, отец этому был рад и построил в углу комнаты нечто вроде верстака с полками на площади примерно 100x50 см за дверью. Это было последнее в жизни отца. Последняя квартира, первый и последний стол, последний верстак... Может, поэтому отец

так радовался этим, казалось бы, совсем незначительным улучшениям. А может, потому, что он всему в жизни радовался по-настоящему, всегда – как последнему.

Болезнь и приговор

Вскоре у отца обнаружили опухоль в легких. К этому времени он уже не заведовал кафедрой и болел – он очень сильно кашлял. Я это хорошо помню – такой практически постоянный кашель, лишь с небольшими перерывами. Но он все равно работал. Я не помню, чтобы меня волновало здоровье отца. Возможно, я считал, что это просто кашель от длительного курения. А может, я просто ничего не думал об этом. Врачи сообщили диагноз и сказали, что надо ехать в Москву на консультацию. Мама пришла в ужас, а отец, как всегда, ее подбадривал, говорил, что это еще не диагноз, и кто вообще сказал, что это так серьезно. К тому же – вот повезло, мол, у нас внеплановая поездка в Москву, вдвоем... Он всю жизнь подбадривал маму и старался обеспечивать ей хорошее настроение – что бы ни случилось. В Москве должны были поставить точный диагноз – для этого надо было сделать операцию по извлечению небольшого кусочка ткани из легкого для анализа. Врачи опасались, выдержит ли сердце отца даже такую несложную операцию, поэтому сначала они укрепляли его сердце. Мама на это время уехала в Ижевск – ведь там болела

Люся, да и отец настаивал, наверняка понимая, что заботы о Люсе хоть немного отвлекут ее от мрачных мыслей. И снова – как много лет назад – письма, письма...

Хочу, Анёк, чтобы моё письмо быстрее дошло. Ты ещё едешь на пути к вокзалу, а я, только что после нашего последнего разговора по телефону, сразу сел за письмо. Очень уж ты переживаешь разлуку, в этом разговоре по телефону я это особенно почувствовал. Сейчас, когда читаешь эти строки, ты уже немного успокоилась, но червь сомнения и сейчас тебя грызёт, наверное, - не сомневайся! Когда нужно будет – свистну, а сейчас тебе, действительно, нужно быть в Ижевске. Мне же помощь пока никакая не нужна. Меня ведь сейчас лишь обследуют.

Сейчас только что поужинал: треска с картофелем и с кабачковой икрой, вафля, кефир и чай (чай я не стал пить). Кефир, видать, перед сном, но они объединили, чтобы меньше тратить времени.

Моё самочувствие (и температура – здесь измеряют и регистрируют её 2 раза в день) нормальные: 36,5 и 36,6. Сейчас отдам жене моего соседа из Ижевска отправить это письмо и купить мне мильницу.

Анечка, целую тебя и молю: больше спокойствия. Знай: это не трагедия, а просто серьёзное испытание, требующее от нас умения

правильно на всё взглянуть и не делать из мухи слона. Твой П. 3.3.82.

Мои дни идут по-старому: измерение температуры, сливы (отцу рекомендовали есть много слив), шахматы, завтрак, шахматы, капельница (и одновременно чтение), обед, чтение-сон, шахматы, ужин, шахматы – телевизор – апельсин, сон.

Кроме капельницы меня ничем не лечат, и когда будет бронхоскопия, ещё неизвестно. Завтра-послезавтра у нас будет разговор по телефону, наверно, какие-то ваши новости я узнаю. От вас получил пока одно (в поезде начатое) письмо, и все твои советы, Анёк, выполняю. И, конечно же, всеми силами помогаю тебе в твоей помощи мне. Пока, правда, я справляюсь, но в тебе нуждаюсь всё равно – куда нам друг без друга! Целую, моя дорогая. Жду твоих писем! Твой Павел. 5.3.82.

Доброе утро, Анёк! Сегодня я начал день по уже входящему в традицию порядку: измерил температуру. Умылся (сегодня я не бреюсь) , помыл и съел 6 слив (я их на ночь не замачиваю, и так вкусно) и – только взялся за это письмо – вошёл ВФ (лечащий врач), всех опросил. И на его вопрос я ответил, что чувствую себя хорошо – ведь не режете ещё! В ответ я услышал: хорошо именно тогда, когда сделана операция – все они используют любую возможность подчеркнуть неизбежность и целительность операции. Я тоже так полагаю и, если сочтут возможным,

согласюсь на неё. А сейчас – я даже не заметил сразу - входил Трахтенберг. Когда я оглянулся (пишу на подоконнике спиной к входной двери), он уже разговаривал с прооперированными, спрашивал о самочувствии. В отношении же нас же троих, ещё не прооперированных, кинул лишь: «Ну, а вы ещё не испорченные, с вами разговоры ещё предстоят» - и вышел.

Анечка, тебя и остальных наших женщин, а также Зою Семёновну и (возможно?) новую в нашей семье Женщину (как знать, к приходу этого письма Света может нам подарить её? - в моей семье ожидалось пополнение) – всех вас поздравляю, целую. Привет также нашим кафедральным дамам и девушкам! Нина принесла фруктовый кефир, я его с удовольствием попил после обеда (кура на второе).

Анёк, а тебе, когда сюда приедешь, нужно с собой иметь белый халат и тапочки, а также всякие пелёночки (на случай операции).

Целую тебя и надеюсь, что ты уже вошла в норму, ты ведь у меня и мужественная, и мудрая, я этому всегда у тебя учился. Сообщай все новости и главную – как Света продвигается в своём деле – удачи ей!...6.3.82

Только что вышла целая комиссия во главе с Трахтенбергом. Подходили к каждому и В.Ф. давал по каждому пояснения, по мне тоже: показал снимки, упомянул о 3х инфарктах, рассказал стратегию(лечение сердца до 10 дней.

Затем – вопрос о бронхоскопии). Трахтенберг ничего не сказал, видать всё правильно. А при обсуждении моего соседа он дважды укоризненно взглянул на ВФ (взгляд скорее предназначался больным) – видать не всё правильно. Насколько я мог сделать вывод, ВФ не смог ответить правильно по двум вопросам хода болезни моего соседа (не помнил сделана ли ему бронхоскопия и ещё что-то) и оправдывался, стараясь оправдать свою забывчивость. В общем и его, и поведение Трахтенберга не очень-то приглядно. Затем комиссия вышла за дверь, и там профессор по каждому из нас давал ВФ наставления.

А сейчас, Анёк, только что закончил капельницу: глюкоза, кокарбоксилаза и ещё несколько компонентов – уже все и не помню. «Всё это даётся в один приём, чтобы не тратить время на каждый из компонентов несколько раз в день» - сказал ВФ. Во время капельницы он привёл терапевта, тот меня оцупал, снова расспросил о моих инфарктах, и они вышли.

Сейчас ложусь отдыхать, только что пообедал: щи (съел всё без картошки), плов (хороший, с добротными кусками мяса – было так вкусно, что я и весь рис съел) и компот. Из холодильника пока ничего не брал. Сейчас проснулся, пойду возьму апельсинчик и вновь положу в холодильник мясо. И отдам письмо Нине на отправку.

Желаю тебе, моя дорогая: хорошего самочувствия, уверенности, мужества. Найди в

наших ребятах опоры для себя, этого у них достаточно.

Целую и верю, люблю и не сомневаюсь. Твой П. 7-9.3.82

Из воспоминаний мамы: *«Во всех письмах ПЛ каждым словом успокаивал меня (это стремление у него всю жизнь проявлялось!) и тщательно выполнял мою настоятельную просьбу – писать подробно о каждом дне.*

Диагноз был категоричный – рак. Операцию делать нельзя – сердце не выдержит. Оставалась химиотерапия. Отец думал, что ее будут делать в Москве, но он очень не хотел оставаться, он умолял маму не оставлять его. Когда врач сказал, что химиотерапию точно так же делают и в Ижевске, отец обрадовался, и на глазах его появились слезы – он плакал второй раз в жизни...

И когда мы вернулись в Ижевск ..., он продолжал заботиться обо мне, о моём спокойствии, поэтому был послушен, как никогда до этой болезни.

Как я уже говорил, у отца всегда были планы на будущее, эти планы помогали ему пережить все тяготы и проблемы настоящего – ведь они были необходимым шагом на пути к будущему, которое, в соответствии с планами, всегда было светлым и радостным. Планами на это светлое будущее отец всегда делился с мамой, помогая и ей тем самым справиться с тяготами настоящего. Когда одно будущее наступало – появлялись планы на следующее. Вот и в этот период у отца были такой

план. Он был весьма прост, и это был план настоящего счастья: они вдвоем, только друг для друга, никаких бытовых забот, а лишь наслаждение общением. Когда от этого не отвлекают ни дети, ни работа. Когда времени осталось мало, но зато каждая секунда – их. Они оба мечтали об этом будущем. А отец рассказывал о нем маме: они живут в отдельной – пусть очень маленькой, но отдельной – квартире, только вдвоем, они на пенсии. Они вместе пишут те статьи, которые давно хотели написать. Они работают сторожами в нашем садовом кооперативе, совершают обходы, как положено. Идут, не торопясь, и говорят, говорят... Зимой по снегу, а мама может быть даже на лыжах. А потом приходят в деревянный домик для сторожей, там топится печка, они не спеша обедают и немного поспят днем. И все это вместе, и никого больше... «Будущего не будет». Наверное, так думал отец, узнав о диагнозе и понимая, что жизнь его подходит к концу. Он прожил свою жизнь, никогда ни прося для себя. Он не мог просить для себя, просто физически не мог – и все. Даже чего-то самого незначительно – не мог. Так что можно представить степень его отчаяния от понимания, что этого будущего не будет – он пошел просить квартиру. Это был шаг заранее обреченный, ведь родители недавно получили эту новую квартиру, и кого там волновало, что нас там жило восемь человек на пятидесяти метрах полезной площади, и что из этих восьми – трое (я к тому

времени тоже) – работники университета. Это был шаг обреченный, шаг отчаяния, и все же это был единственный путь, который – пусть и с совершенно ничтожной вероятностью – но все же давал какую-то последнюю надежду им с мамой хотя бы в эти немногие оставшиеся дни, хотя бы одним глазком взглянуть на это будущее.

Сначала он, втайне от мамы, написал заявление в профком с просьбой предоставить им с мамой любую, самую маленькую квартиру. И профком пригласил их на заседание, на котором должен был рассматриваться этот вопрос. Они пришли туда вдвоем. Мама перед этим отговаривала отца – она понимала, что ничего не дадут, а отец испытает столько унижения и разочарования, но отец настаивал, и они пошли.

На профкоме первый выступающий - член этого профкома - произнес заглавную речь о том, что нуждающихся много, что надо быть справедливыми, и что он вот так удивлен, что люди, недавно получившие квартиру, просят еще одну. Потом еще кто-то говорил, но в общем, все рассмотрение вопроса свелось к тому, какие несправедливые люди мои родители, что посмели попросить себе еще одну квартиру, и какие справедливые люди работают в профкоме, которые ввиду этой справедливости эту квартиру не дадут. При этом родителей ни о чем не спрашивали. Я спросил маму – зачем их с отцом вообще пригласили на это заседание? Мама не знала, сказала, что обычно никого и не

приглашали, а их почему-то пригласили. «Ну, может» - предположила мама, - «хотели лично пояснить почему?». Но я думаю, хотели бы лично пояснить – так лично бы и пояснили, а не устраивали бы публичные личные пояснения... Отец сидел там, опустив голову и не проронив ни слова... Это был приговор.

Из воспоминаний мамы: *«Лечение было очень тяжёлым, ПЛ быстро худел, сердце часто давало приступы, но ни одного стоны, ни одной жалобы, а наоборот: улыбался даже чаще, юмор («зато теперь я могу есть всё, что захочу и много, даже кашу!»), продолжал работать – читал лекции, хотя ходил медленно, с остановками через 20-30 шагов (иначе он не мог жить!).*

Мы использовали разные народные средства, но ...кашель ускорял изнашивание сердца, часто приезжала «скорая помощь». После уколов поднимался его тонус и тянуло к работе, к общению с нами, особенно с внуками – Павликом (5 лет), Аней(3 года), Максимом (1 год). В свой последний вечер он начал писать тезисы к докладу на научной конференции, но вскоре лёг, сказав: «Что-то потянуло уснуть», я обрадовалась - лучше отдохнуть, поспать!...А ночью Его не стало... Ушел Он на четвёртом инфаркте, врачи говорили, что больное сердце спасло ПЛ от длительных мучительных болей...»

Я плохо помню похороны и прощание. Но не от горя, а просто потому что я вообще все плохо помню. Помню, что было много народа, и что все

плакали. А еще помню, что, наверное, на следующий после похорон день, мы были у нас дома, и мы выходили покурить на площадку – помню, была Наташа, я, сестра отца тетя Муся, брат отца Геня, Аркадий, еще кто-то. И все вспоминали разные события, связанные с отцом, и – точно помню – мы все смеялись! Это были веселые воспоминания.

Окончание

Осталось тайной – что думал отец о своей жизни, как он ее оценивал, чем гордился и о чем жалел. Как-то так сложилась его жизнь, что у него не было настоящего друга. Такого человека, с кем бы он делился самыми важными своими мыслями. Вот, например, мама. Она бы могла быть таким человеком – она же его жена и подруга всей жизни! Но он берег ее, всегда берег ее спокойствие, заботился о ней и не хотел расстраивать и нагружать дополнительными мыслями и проблемами. Друзей у отца – вот таких вот очень близких – тоже не было. Он заботился обо всех всю свою жизнь, а поговорить и разделить свои тревоги ему было не с кем. Так сложилось.

И с нами, его детьми, он тоже не привык делиться ничем. Даже в последний год, видя мои метания в профессии, видя бесперспективность моей семейной жизни и переживая все это, он ни разу со мной об этом не поговорил. Вот так сложилось

в течение всей жизни, и за один день это не поменяешь... Моя старшая сестра Наташа рассказала мне, что когда отец уже очень сильно болел, и было понятно, что ему осталось совсем немного, мама попросила ее пойти поговорить с отцом, просто поговорить (Наташа тогда приехала к нам в гости). И не получилось у них никакого разговора. То есть они поговорили о чем-то, но это был разговор ни о чем, разговор людей, которых практически ничего не связывает...

И никаких дневников и записей, из которых можно было бы узнать, например, о том, о чем отец с нами не разговаривал, но о чем думал – он тоже не оставил.

Наверное, ему просто некогда было их писать, и он оставлял это на потом. Конечно, оставлял. Конечно, он думал, что когда-то он напишет многое из того, что было, что думалось, о чем мечталось. Я так думаю, потому что, во-первых, ему много было что рассказать из событий в жизни – ведь он даже о войне никогда никому не рассказывал, даже маме – только о своих фронтовых друзьях.

А во-вторых, потому, что после смерти отца я нашел у него на столе тетрадку, в которой он в последние дни каждый день записывал свою температуру. И вот в ней я увидел такую фразу: «Люди делятся на две категории: первые думают про человека хорошо, пока он не докажет обратное. Вторые – наоборот. Я – из первой категории». Может, это было начало записок отца

о своей жизни. Может, он решил, что пришла пора все это написать, и что откладывать уже нельзя...

Я много раз спрашивал маму – что отец думал о нас, своих детях, был ли он разочарован нашими жизнями или доволен, был ли уверен в нашем будущем или волновался за него? Но отец не разговаривал с мамой ни о каких жизненных итогах, он вообще не вел с мамой ни каких разговоров, которые бы хоть как-то напоминали маме о приближающемся его уходе. Он всю жизнь заботился о ее спокойствии.

И все же я думаю, что отец волновался за нас. Да, маме не говорил, но думал, и думал много. Конечно, с неисполнением планов относительно научной карьеры детей (не считая меня, в это время еще подающего надежды), отец смирился. Конечно, все мы – дети – уже были как-то устроены, и у нас у всех уже были дети, и уже это было хорошо... Но все же отец помнил – я уверен – что он хотел для нас большего. Он хотел, чтобы нам самим нравилась наша жизнь, чтобы мы любили ее, эту жизнь – как любил ее он, и чтобы мы могли реализовать себя в этой жизни – и еще больше, чем он, чтобы мы нашли свои «половинки» в этой жизни – как он нашел маму... А получалось так, что на этот момент – когда отец уже болел и знал, что вряд ли поправится – перспектив для этого, по его мнению, было немного. Наташа научную карьеру не сделала, работала в Ленинграде в театральных кассах и

была замужем за Женей, с которым – по мнению отца – вряд ли сможет быть по-настоящему счастлива... Люся серьезно больна, консерваторию из-за этого не закончила, с мужем развелась, ее сын Павлик тоже часто болеет... Ну и я – хоть и имеющий научную перспективу, но так и не определившийся с профессией, имеющий семью и двоих детей – но вряд ли счастливое будущее в такой семейной жизни... Конечно, мы выросли вполне достойными и порядочными людьми, и родителям, я думаю, никогда за нас не было стыдно, но ведь кроме этого хочется еще и счастья детям – особенно когда сам знаешь, что это такое... И переживал он за нас, конечно, и себя, наверное, корил за что-нибудь в связи с этим... Вот не сумел передать детям того и того... И сам уже болен, и вряд ли что-то можно поменять... Но когда мама высказывала свои беспокойства за наше будущее, он ей говорил только: «Не волнуйся, мы дали им все что надо – дальше они все смогут сами». И он был абсолютно прав в этом, вот только не знаю – действительно ли сам он был так в этом уверен или просто успокаивал маму. Наверное, как бы он ни был уверен – все равно волновался, а как же могло быть иначе?

Через несколько лет после папиной смерти Наташа встретила другого человека, и ничего ее не могло остановить – ни «общественное мнение», ни давление со стороны родственников мужа, ни тяжелая впереди материальная жизнь – им с ее

новым избранником предстояло все начинать сначала, с нуля, с той точки, когда нет ни денег, ни жилья, ни перспектив все это когда-то получить... Но она знала, что перед ней тот человек, с которым она хочет быть, и ничто другое не могло на нее повлиять – заложенная с детства привычка и умение добиваться своего сделала свое дело. С тех пор для меня – да и для всей нашей большой семьи – Наташа и Дима являются ярким примером того, как важно найти своего человека в жизни и не упустить этого шанса. Как одна такая встреча может изменить всю твою жизнь. И как в этом случае легко преодолеваются трудности, которые на первый взгляд кажутся непреодолимыми. И как счастливы бывают такие люди – вне всякой зависимости от количества денег, политики государства и еще чего-нибудь. Они снимали комнату в Питере, едва сводили концы с концами, им было тяжело, но им было хорошо. А потом они взяли и уехали в Израиль. В ту волну 80-х годов. Без имущества, без языка, без денег – деньги отдали за отказ от российского гражданства, тогда это было обязательным условием, чтобы получить разрешение на выезд и стоило 700 руб. – в то время большие деньги. И они опять начали все сначала. И опять было тяжело – но они были вместе, и это решило все. Постепенно все устроилось, все преодолелось. Они живут в своей квартире, они совершенно счастливы друг с другом, они много работают,

иногда путешествуют, и они все время вместе. Что еще мог бы пожелать отец своей дочери? Люся поправилась. Как-то так постепенно, постепенно, но все проблемы кончились. Конечно, маме пришлось много пережить и взять на себя. Например, она много времени уделяла образованию Павлика – Люсиного сына, про которого поначалу говорила, что ей бы «дотянуть его до 8-го класса и потом в ПТУ». Действительно, Павел не производил в раннем детстве впечатление носителя острого ума – но это только потому, что по характеру он был весьма флегматичный парень. Отец мой, кстати, очень любил Павлика, очень по-доброму к нему относился, и я думаю, он-то сразу разглядел в Павлике – тогда еще совсем маленьком – необычайно острый ум и способность глубоко погружаться в предмет любого исследования. Так что мама с удивлением наблюдала, как Павлик сначала закончил 8 классов, потом 10 классов, потом поступил в Университет, закончил его, а потом стал кандидатом наук по .... психологии! Тетя Наташа (мамина сестра) в связи с этим событием напомнила маме, что Павлик так и не исполнил ее мечту – не поступил в ПТУ. Конечно, мама помогала Павлику, будучи для него одновременно и бабушкой, и отцом, и дедушкой, а его диссертация – это что-то. И это я знаю не с чьих-то слов – я сам был у него на защите. Дедушка мог бы гордиться своим внуком совершенно обоснованно! Но и это еще не все.

Люся, которая из-за болезни вынуждена была прервать свое обучение в консерватории (на последнем курсе!), уже много лет спустя после защиты диссертации ее сыном, Павликом, - поступила в университет! В 50 с лишним лет! И недавно его закончила. И это все та же история – она делает то, что считает для себя нужным, чего она хочет. Ей непросто живется, конечно – как, впрочем, большинству людей. Но она знает, чего хочет, и делает это. И у нее получается! А иначе и быть не могло – вспомните, чья она дочь. Я думаю, за нее отец был бы рад больше всего.

У меня тоже теперь все хорошо. Как-то постепенно все, что казалось бесполезным, вдруг превратилось в плюсы, некоторые даже очень большие. Например, музыка. Я ее не любил, я ее бросил, но потом постепенно я к ней вернулся, играл в вокально-инструментальных ансамблях, и эта часть моей жизни является очень значительной и ценной для меня. Получив в детстве нотную грамоту в музыкальной школе (которую я тогда просто ненавидел), я потом сам научился играть на гитаре, и до сих пор – вот уже более сорока лет – играю почти каждый день на гитаре и пианино. Я не профессионал, играю дома для себя, для друзей, в компании – и многим нравится. А больше всего нравится мне – ведь я могу сыграть сам себе все, что хочу. Музыка всю жизнь является для меня настоящим отдохновением и вообще большим счастьем. Наверное, этого и хотел отец от моих

музыкальных занятий, а вовсе не каких-нибудь великих достижений. Я также не стал великим спортсменом, хотя и занимался гимнастикой много лет. Но может быть, именно благодаря приобретенной привычке нагружать себя физически, я продолжаю это делать и сегодня (конечно, не в прежних количествах), не даю себе «расплыться» и, между прочим, до сих пор могу сделать «угол» даже на полу. И пока не жалею о здоровье. И сегодня все это для меня ценнее, чем лавры большого спортсмена. Наверное этого и хотел отец, отдавая меня в секцию. А я все думал, что не оправдал его ожиданий, раз не достиг каких-то больших высот... Хотя и ругались мы с отцом часто, когда делали что-нибудь вместе, но полученные умения я применяю до сих пор. И мне приятно, что я могу сам сделать многие вещи дома, не вызывая электрика или водопроводчика по всякой ерунде. Конечно, сейчас можно просто за все заплатить – и все будет сделано, ничего не надо самому уметь. Но, я думаю, даже тому, кто так считает, наверное, было бы не очень радостно, если его жена предложила бы ему пойти в ателье, чтобы пришить пуговицу... Про вождение машины уже не говорю – здесь я как рыба в воде и мне это очень нравится. Так что все вот как-то пригложилось и прижилось. Я тоже многое поменял в своей жизни, когда понял, что мне это нужно. Я не пошел по научной тропе, как хотел мой отец. Но я пошел своим путем, как и он сам делал. Чего я только не делал, и мне тоже

было трудно. Но я всегда жил и сейчас живу в полном согласии с собой, живу там и с теми, где и с кем хочу. И я думаю, отец за меня тоже бы порадовался.

Но больше всего, я думаю, отца восхитила бы мама. Я уже говорил о том, как она тяжело пережила смерть отца. И как тяжело ей давался каждый шаг жизни после него. На нее свалились все проблемы семьи – и она их решала. Возможно, в этом и было ее спасение, необходимость говорить себе «надо» решила все. Стоило только остановиться, позволить себе застопориться – и все могло случиться по-другому. Но случилось так, как случилось. Мама заставила себя продолжать жить, работать, заботиться о нас всех, о наших детях, а теперь уже и внуках – своих правнуках. Она продолжает быть центром семьи, и в свои 85 лет подает нам всем пример того, каким активным должен быть человек, и как эта активность помогает ему не бороться со старостью и не бояться ее, а жить с ней в гармонии. О маме можно много говорить, и в этой книге тоже – ведь это книга о моем отце, а его жизнь – это она, наша мама, ну и еще немного война и психология. Но я не буду писать о маме – она вполне еще сама может о себе рассказать, и гораздо лучше, чем я.

Когда маме исполнялось 80 лет, она попросила меня написать ей в качестве поздравления четверостишие (я был в гостях у дочери в Австралии и не мог быть у мамы на дне

рождения). И я написал стих, который, конечно, не является шедевром литературы, но точно отражает мое видение мамы.

*Четверостишьем здесь никак не обойтись –
Уж больно глубока сегодня будет тема.
О маме будет речь. Ты силы наберись
И слушай этот стих. А может быть – поэму.*

*Иметь троих детей – уже тяжелый труд,
Такой тяжелый труд – завять решишь порою.
Поверь мне – это так, и я тебе не вру –
У самого меня когда-то было трое¹.*

*Но маму не спугнешь невиданным трудом.
Она нас родила, кормила и учила,
Тому, что труд – сперва, а отдых – на потом,
И что мы десять раз должны мыть руки с
мылом.*

*И что ученье – свет, а не дремучий лес,
И что вся жизнь – борьба, и что само собою
Ничто к нам не придет, не свалится с небес,
И если что возьмем – то только лишь борьбою.*

*И многому еще учила мама нас,
Что надо сильным быть, что надо быть окей,
Чтоб это доказать, она в который раз
На лыжах с нами шла и плавала в реке.*

---

¹ к моменту написания этого поздравления у меня было 4 детей

*И все, чему она учила в детстве нас,
Своим примером нам всегда преподносила,
Не знаю, получилось ли что-нибудь из нас,
Но уж себя она, как пить дать, закалила.*

*Теперь любой из нас, играя пап и мам,
Последует простой, но выверенной тактике.
Он детям скажет так: «Теорию я дам,
А бабушка потом покажет все на практике».*

*И вот уж много лет, заглядывая вдаль,
Пытаясь угадать, что в жизни этой станется,
О прошлом не грущу и прочь гоню печаль.
Смотрю на маму я – и не боюсь состариться.*

В свои 85 мама многим еще даст фору не только своим здоровьем и активностью, но и потрясающей «продвинутостью» - она, например, освоила компьютер, работает в текстовом редакторе, а также пользуется такими средствами как интернет, электронная почта, скайп – я уже не говорю про мобильный телефон. Так что мама продолжает идти в ногу со временем. Как она сама говорит – еще и потому, что она живет и за отца тоже, а ему бы все это очень понравилось!

Вот, пожалуй, и все, что я хотел рассказать.

Конечно, многое, о чем отец мечтал, не сбылось, многое из задуманного он просто не успел сделать, многое ему не дали сделать. И я был уверен, что

именно этой мыслью и закончится книга - не успел сделать это, не успел дать детям то...

Но вот, практически дописав эту книгу, я вдруг отчетливо понял - отцу совершенно не о чем жалеть.

Конечно, он мечтал уехать из Ижевска в Ленинград или Москву и заниматься там наукой среди таких же, как он, ученых - одержимых наукой, творческих и образованных в психологии людей. И написать диссертацию, и, наверное, сделать немало опытов и открытий... Но не пришлось. Обстоятельства сложились так, что это было невозможно - такое было время, и жить пришлось далеко от научных центров, в далекой Удмуртии, где о науке психологии мало что знали вообще... Но я думаю - то, что сумели сделать отец с мамой в этих условиях, а именно - перевернуть целый пласт науки, поставить психологию на «научные рельсы», создать целые научные коллективы, организовать множество приложений психологии в реальной жизни, обучить огромное количество студентов и преподавателей, и - главное - сделать этот процесс необратимым, по-моему, это гораздо круче. И под силу очень немногим людям. И нужно это очень многим - недаром так много бывших учеников и коллег благодарны моим родителям и помнят их много лет.

У детей тоже все хорошо, мы все хорошо живем. Хорошо живем - это значит, мы все любим жизнь и живем в согласии с собой - а что может быть

важнее? И нашим близким – я уверен, и уверен, что это тоже очень важно, – никогда не бывает за нас стыдно. И все это благодаря тому, что именно этот способ жизни был преподнесен нам родителями на их собственном примере. И наверняка именно это имел в виду отец, говоря маме «мы дали им все, что нужно, дальше они все смогут сами». И когда наша жизнь «заворачивала» не туда, мы это понимали и находили в себе силы ее менять.

Так что если отец может сейчас видеть нас – а мама утверждает, что так оно и есть, и мама, как мы теперь знаем, бывает права – ему не о чем беспокоиться. Семья растет и она уже очень большая – как он и хотел. Очень жаль, что не застал он своих младших внуков – моих сыновей Марка и Павлика, я представляю, как бы он им радовался. И как бы он наверняка узнал в маленьком Павлике себя самого – ведь он такой же упрямый, упорный, я бы сказал «упертый» – весь в своего дедушку. И тоже не любит извиняться, так же как и его дедушка – не может! Но я надеюсь – будет кому его научить.

У нашей семьи есть даже свой сайт, и на нем можно увидеть наше семейное дерево – такое уже большое, уже очень нас много, а в самом его начале – мой отец. И я думаю, его бы порадовал такой результат – и такое продолжение – его жизни. Так что ему действительно не о чем жалеть.

Мне есть о чем. Не наговорился я с ним, много чего не спросил, много чего не рассказал... Так получилось...

Вот теперь и разговариваю, рассказываю ему обо всем – что происходит, что планирую, о чем беспокоюсь... И никакого страха, никакого напряжения – наоборот, теперь общение с ним меня успокаивает и помогает мне, даже дает какую-то уверенность.

Это так здорово – разговаривать со своим отцом. Жаль, что я не знал этого раньше.

Родители отца

Отец с сестрой Мусей

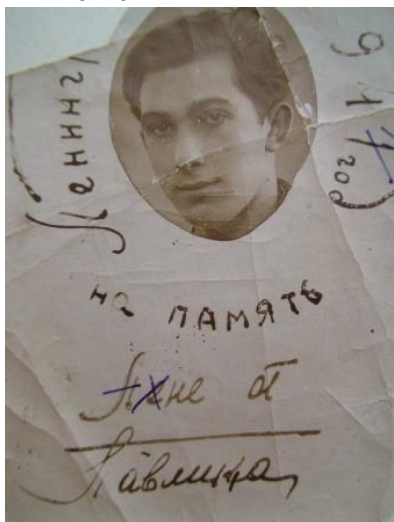

На фронте – второй слева.

Такими они встретились

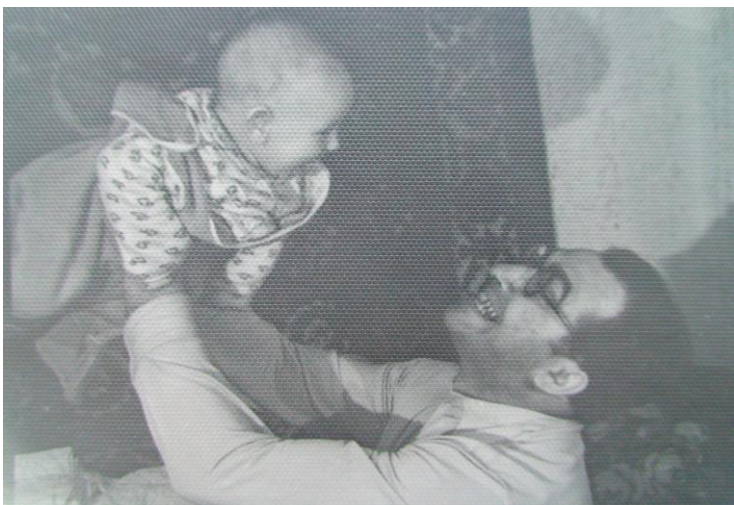
На память

На память

Отец и мама в
начале своего пути

Отец со мной

Семья – 1962 г.

Отцу -
55 лет

Ижевск, 1978

Война, любовь и психология

Текст печатается в авторской редакции.
Всю ответственность за содержание текста
и иллюстративные материалы несет автор.

Свои отзывы и пожелания Вы можете отправить автору
на электронную почту: gorfunkel@gmail.com